

НОДАР ДЖИН

ОТКРОВЕНИЯ ЕВРЕЙСКОГО ДУХА (Я ЕСТЬ КТО Я ЕСТЬ)

ПРИИМТЕ, И ВОЙДЕМ НА ГОРЫ ГОСПОДНЮ, В ДОМ БОГА ИАКОВА;
И ПОКАЖЕТ ЕЮ НАМ СВОИ ПУТИ; И ПОЙДЕМ АДРЕГАНТИ ЕГО. И ВО
ЕЮНА ВЫИДЕТ ЗАКОН, И СЛОВО ГОСПОДНЕ - ОТ ИЕРО

ИЕРУСАЛИМА

НОДАР ДЖИН

**ОТКРОВЕНИЯ
ЕВРЕЙСКОГО ДУХА
(Я ЕСТЬ КТО Я ЕСТЬ)**

АНТОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Nodar Djin (Djindjhashvili)
Discovering the Jewish Soul:
“I Am That Which I Am”.
An Anthological History
Copyright © 1984 by Nodar Djin
Printed in USA

На обложке — выполненная автором вариация известной композиции меноры, составленной из древнееврейского и русского текстов стиха из книги Исайи (2:3)

Редактура и корректура автора
Оформление художника Мариса Бишофса
Перевод на английский автора и Кей Халперн

*ПОСВЯЩАЮ ДОЧЕРИ
ЯНЕ
TO MY DAUGHTER, YANA*

Все материалы, за редким исключением, переведены с разных языков автором. Заново переведены и отредактированы им и выдержки из Библии.

К ЧИТАТЕЛЮ

TO THE READER

У этой книги нет прототипа. Причем, нет его не только на русском языке, — что, увы, вполне закономерно, — но и на любом другом. Были антологии еврейской мудрости, литературы, фольклора, юмора, чего угодно, только не духа. Между тем, дух — больше, чем сумма этих и других понятий; это — их синтез: нечто неуловимое, но много более существенное.

Что же все-таки есть дух?

На более легкий вопрос "Что такое разум?" еврейский мудрец ответил так: "Если он у вас есть, вы знаете — что это такое; если же его нет — объяснить невозможно". Дух не определяется, — он постигается, и постигается он только через приобщение к нему. Так постигают и Бога, который есть... "Тот, Кто Он Есть" (Исход, 3:4).

Эта книга — приобщение к еврейскому духу, и она приводит к постижению его важнейших откровений...

* * *

Уже оглавление может озадачить привыкшего к стереотипам читателя. Перечень глав может показаться ему коротким,

This book has no prototype. Nothing like it exists in Russian — a fact which, alas, needs little explanation — or in any other language. There have been (not in Russian, of course) anthologies of Jewish wisdom, literature, folklore, humor... but none of the soul. This last element is more than the sum of the others; it is their synthesis: elusive yet much more substantial.

What, then, is the soul?

To a simpler question, "What is reason?", a Jewish sage answered, "If you have it, you know; if not, no explanation can tell you." The soul is not defined, but comprehended. It can be grasped only by becoming one with it. So, too, do we comprehend God, Who is "That, Which He is" (Exodus, 3:4).

This book is an attempt to become one with the Jewish soul and uncover its most important revelations...

* * *

A reader accustomed to stereotypes might be taken aback by the contents of this book. To begin with, the list of chapters

чтобы претендовать на всеохватность картины еврейского гения, или на слаженность отобранных голосов.

Первоначальный вариант книги был, однако, втрое объемистей нынешнего.

Сперва было сокращено — до восьми — число условных разделений истории еврейского духа на отдельные периоды. Сокращение это было проделано из соображений принципиальных: всякое разделение, каким бы естественным оно ни казалось, — несостоятельно, т.е. ложно. Жизнь целостна и едина, и любое разделение ее на какие бы то ни было периоды, есть насилие над ней, т.е. ее извращение.

Второе из сокращений коснулось объема отобранного текста. Переведенный, отредактированный и "подшитый" к рукописи, через какое-то время он казался мне вдруг... "чересчур уж знакомым". Оставлен был тот текст, который, будучи предельно понятным неискушенному читателю, сохраняет способность удивлять читателя искушенного.

Наконец, урезано было и число авторов, — самое трудное из всех сокращений, ибо оно выявляет, — кому же случилось, на наш взгляд, сказать значительно новое и непреходяще значительное слово. Так, я изъял главу о Галеви, поэте крупнейшем для средних веков, но, быть может, не столь неизбыв-

might seem too meager to embrace a comprehensive picture of the Jewish genius, or a symphony of the selected voices.

The initial manuscript, however, was three times the length of the current volume.

First to be cut was the number of historical periods charting the evolution of the Jewish soul: only eight appear in the final version. This reduction was conditioned by the fact that any division, no matter how logical or convenient, is arbitrary. Life, in all its manifestations, cannot be viewed as a series of periods; it is an indivisible whole. Any attempt to break it down does violence to it, distorts it.

Next to be cut was the length of the excerpts from the authors chosen. When translated and edited, much of the text struck me as "too familiar", too mundane. I kept only those parts which, in my opinion, could always amaze an experienced reader while at the same time remaining clear to everyone.

Finally, I cut the list of the authors — probably the hardest task of all, for it indicates who, in my mind, has given the world a genuinely new insight. I deleted a chapter on Halevi, a major poet of the Middle Ages, but one who was, perhaps, less revolutionary than Gabirol.

ном во времени, как Габирол, или не столь общечеловечески значимом.

В последние два раздела, однако, включены имена подчас не столь даже значительные, как тот же Галеви. Объясняется это элементарным парадоксом: насущное, хотя и занимает читателя больше, чем прошлое, знакомо ему меньше. Посему пришлось и нам прибегнуть к вечно популярным скидкам на современность...

Может покоробить читателя и моя "всеядность". Подобный упрек помог бы только в одном: составить нелестное мнение о самом читателе, ибо любая предубежденность есть качество незавидное. Существует смешной, но мудрый совет: не ешь больше того, что смог бы поднять. Раввин Иошуа Назаретский (Иисус Христос) или Саул Тарсский (Апостол Павел) покажутся обременительной ношей тому, кто не в силах поднять даже лишь истинно весомое в их "хозяйстве". Если забыть, что иудаизм есть динамичный образ переживания мира и утверждения в нем, а не идеологическая доктрина, — то и тогда евреям не пристало предавать анафеме таких величественных соплеменников, как Христос или Маркс. Вспомним, что ни первый из них не был христианином в пугающем ортодоксалистов смысле, ни второй — марксистом в печальном ныне понимании.

The last two chapters (New Period and Contemporary Period), however, include figures less important than Halevi. This can be explained by a simple paradox: although a reader is more concerned with the present than he is with the past, he is less aware of contemporary luminaries than of time-honored heroes.

A reader might also accuse me of being... omnivorous. Such a reproach, however, could only help me get a better picture of him, and a far from favorable one at that, for I am convinced that any sort of ideological predispositions is an unenviable quality. There is a funny saying: never bite off more than you can chew. Rabbi Jehoshua of Nazareth (Jesus Christ) or Saul of Tarsus (Apostle Paul), will seem an impossible mouthful only to the reader who is unable to "chew" the most ponderable of recognized Jewish sages. Even a Jew who forgets that the Jewish way of life is a constantly evolving expression of one's experience and identity — rather than a rigid doctrine — should not commit those of his tribesmen like Christ or Marx to the flames. One should note, incidentally, that Christ himself was not a Christian, nor was Marx a "Marxist" in the sadly familiar sense.

Христос не был христианином хотя бы потому, что христианин, в отличие от иудея, нуждается в посреднике между собой и Богом; посреднике, которым все те, кого называют сегодня христианами, и "назначили" этого замечательного назареянина. Христос — не христианин, ибо, подобно своим предкам и нынешним единоверцам, подобно всем евреям, он восставал против идолопоклонства. Между тем, все те, кого называют христианами, самого его и превратили в идол, обнаружив языческие пристрастия, которых назаретский раввин чурался так же, как ужаснулся бы он при виде организованных от его имени крестовых избиений его народа.

Что же касается Карла (Мордехая) Маркса, он успел разглядеть во что может выродиться его учение и не преминул объявить: "Я — не марксист". Здесь уместно отметить: еврейство не раз порождало идеи или движения, которые позже или молниеносно подвергались настолько страшному извращению, что либо утрачивали следы происхождения от идеала еврейского гуманизма, либо даже вырождались в антиеврейские погромные программы. При всей прискорбности этого факта, он не вправе отвлечь нас от стародавнего библейского занятия по отделению "зерен от плевел". Тем менее должен смущать упрек во всеядности. Если и допустить,

Christ was not a Christian if only because a Christian, unlike a Jew, needs a mediator. All those called Christians today have "appointed" this remarkable Jew from Nazareth as their mediator. Christ was not a Christian for, like his predecessors and all his tribesmen today — like all Jews — he stood against any kind of idolatry. Meanwhile, those who are called Christians have turned him into an idol, and by so doing, have revealed their heathen passions. Jesus himself would have no doubt been repelled by these passions, and would surely have been horrified had he witnessed the crusades, designed to exterminate his own people in his own name.

As for Karl (Mordechai) Marx — who lived longer than his Nazarethan predecessor — he was prudent enough to foresee what his teaching could degenerate into, and therefore confessed: "I am not a Marxist". It should be noted that Jews have often given rise to ideas or movements which later become so distorted as to lose all traces of their original Biblical ethics, or degenerate into anti-Jewish policies. Sorrowful as this may be, it should not prevent us from performing an age-old task of the Biblical farmer: winnowing the wheat from the chaff. Even if one assumes that an idea expressed in the anthology is false, or a given author not "righteous" enough, one should consider that

что та или иная идея лжива, тот или иной автор недостаточно "праведен", — то нельзя не вспомнить: "избранничество" евреев проявляется в предрасположенности к восприятию "множества разных вещей". Как выразился один излюбимудров, "лживые доктрины опасны лишь для людей ничтожных".

Другими словами: то, что может показаться "всядностью", есть неприятие "замороженной пищи", т.е. неизменных интеллектуальных рецептов. Для того же, чтобы "непогрешимый" читатель, приросший к определенному блюду, не уличал нас в "кулинарном разврате" или хотя бы в пристрастии к некошерной пище, выгородим себя ссылкой на откровение одного из еврейских мудрецов: "Любые рецепты, каким может следовать еврей, будь то сионизм, ортодоксия или либерализм, порождают не человека, а карикатуру на человека, причем тем более смешную, чем строже он придерживается рецептов. Существует лишь один-единственный рецепт, способный сделать еврея подлинным евреем, и, стало быть, приобщить его к полноценному существованию. Рецепт этот в том, чтобы не придерживаться рецептов".

* * *

Еще. Работал я над книгой с тем особым ощущением, кото-

the Jews' "chosen-ness" is revealed in a remarkable willingness to apprehend many different things at once. As one of the philosophers presented here has stated, "false doctrines are dangerous only for the petty".

In other words, that which might be regarded as "omnivorous" is, in fact, an unwillingness to accept a "frozen food" — a strict intellectual or spiritual prescription. In order to preclude an "infallible" reader hopelessly devoted to just one of many dishes from charging me with being a "culinary pervert" or a "non-kosher" food partisan, let me cite a revelation made by one of the most intriguing Jewish sages of our century: "Any prescription a Jew sticks to, be it Zionism, Orthodoxy or Liberalism, will make of him not a human being, but a caricature. The more he sticks to the prescription, the funnier the caricature. There is but one prescription for a real Jew for a full human existence: don't live by any prescriptions".

* * *

Finally, there is one last thing I would like to mention

рое испытывают при молитве. Это ощущение, воскресающее, кстати, при каждом новом прочтении книги, порождает во мне чувство благодарности по отношению к обстоятельствам и людям, которые эту книгу обусловили. Прежде всего, я благодарен судьбе, предписавшей мне родиться, стать и быть евреем, — опыт настолько глубокий и интересный, насколько это возможно в пределах человеческого существования. Я благодарен судьбе и за то, что, родившись на Востоке и долго живя им, я живу теперь и долго перерождаюсь на Западе, по-прежнему лелея в душе то, что находится между ними, — Иерусалим, т.е. незакатное в веках предвосхищение избавления "в будущем году", Иерусалим, пуп Вселенной, с которым повязан "Закон и Слово Господне". Я, наконец, благодарен людям, воспитавшим меня в том особом духе, который придавал работе над этой книгой значение праздничного ритуала: моему деду — Раввину и Хахаму Меиру бен Рафаэлу, и отцу — Якову Меировичу Джинджихашвили, — людям мудрым, как вчерашний день.

before the reader goes for the text. I have been working on this book with that peculiar feeling one experiences during prayer. This feeling would creep over me each time I reread the manuscript, flooding me with gratitude towards the people and situations which conditioned my work. I am grateful to my destiny for choosing me to be born, to become, and to stay a Jew: an experience as deep and exciting as possible within the boundaries of human existence. I am grateful to my destiny for the fact that, having been born and raised in the East, I am now being recreated in the West, cherishing, as always, that which is between the two: Jerusalem. „Next year in Jerusalem”: the anticipation of deliverance. Jerusalem: the umbilical cord of the universe, which ties us to “the Law and Word of the Lord”. And I am finally grateful to the people who raised me in such a way as to make my work on this book a joyful ritual: my grandfather, Rabbi Meir ben Raphael, and my father, Jacob Meir Djindjhashvili.

ПРЕДИСЛОВИЕ

*"Я один топтал точило,
и никого из народов не
было со мною".*

Исайя, 63:3

Рано или поздно в жизни каждого еврея наступает момент, когда его осеняет малопонятная мысль, что он — еврей. Иногда это выглядит как мистический акт. Беспомощный в постижении сокровенного смысла явлений, здравый смысл незаменим при поисках связи между ними; и поскольку быть евреем — это прежде всего стать им, т.е. встать в ту или иную связь с миром, — постольку здравый смысл вполне может объяснять те особые ситуации, когда человек становится евреем. На это можно возразить, что еврей — это не ситуация, т.е. условное и постороннее, а национальность, т.е. безусловное и наследственное. Но еврей — это больше, чем национальность, а значит, нечто другое. Исторически нация — это люди, объединенные ответственностью за участок суши, но если бы хоть когда-нибудь евреи были общиной, сплоченной ответственностью за участок палестинской суши, то их название исчезло бы с земли так же быстро, как исчезает "след орла в бескрайнем небе".

PREFACE

*"I have trodden the wine-
press alone; from the na-
tions no one was with me".*

Isaiah, 63:3

Sooner or later in the life of every Jew, there comes a moment when he is hit by a barely understood concept: that he is a Jew. Sometimes this seems like a mystical act. Common sense has proved of little help in comprehending the riddle through which the word, "Jew", and all that is meant by it, binds each one of us. But we cannot replace common sense. In as far as being a Jew means taking on a certain relationship with the world around one, common sense can indeed explain those particular situations through which one becomes a Jew. Here it can be retorted that Jewishness is not a situation, conditional and superficial, but a national identity that is absolute and passed down from generation to generation. But Jewishness is not simply a nationality. Historically, any nation is formed by people bound through their ties to a plot of land; if the Jews had just been united by their dependence on a tiny scrap of Palestinian soil, their name would have since vanished.

Евреи — это люди, сплоченные бессрочным договором о преданности известной системе духовных ценностей, которые воспринимаются ими как проявление Бога. Земля, обетованная евреям, это — небо, т.е. не вещь, но дух, не материя, но абстракция, не изменчивое, но постоянное; и именно предусмотренная договором преданность этой "земле" обеспечивает евреям земную вечность: народ, умеющий жить без своей земли, невозможно завоевать, как невозможно физически уничтожить идею.

Те, кого зовут сегодня евреями, есть потомки простою кочевого племени, которое вопреки здравому смыслу и всем земным паттернам, не только не исчезло, но оказалось "избранным народом". Это чудо стало неминуемым именно после того, как в результате мучительных колеланий "моисеево стадо" поставило себя в особую, т.е. ненормальную ситуацию, в положение "избранности": как можно догадываться, не столько Бог избрал евреев, сколько сами евреи в дополнение к обычным законам земного бытия — подчас даже в противовес им — обязали себя к другому, особому Закону. Грандиозность этого Закона внушала и внушает мысль о его неземном происхождении, и принятие Закона евреями было символизировано как священный до-

Jews are people linked by a timeless covenant devoting them to a system of spiritual values through which they perceive the existence of God. The land promised them is more a thing of the heavens than of the earth: not a matter, but an abstraction; not transitory, but constant. It is this devotion to the "land" of the covenant that ensures their everlasting presence on earth. Just as an idea cannot be physically destroyed, a people able to live without their own patch of ground cannot be conquered.

Those who are today called Jews are the descendants of a simple nomadic tribe which, contrary to common sense and all known patterns of history, has not only not disappeared, but found itself to be "the chosen people". This "miracle" became inevitable when, after agonizing hesitation, "Moses' flock" placed itself in a special—abnormal—position: that of "chosen-ness." As one might suspect, it was not so much God Who chose the Jews, as the Jews themselves who, in addition to the laws of everyday living — and at times even as a counterweight to them — pledged themselves to another, special Law. The immensity of this Law suggests its otherworldly origin. Its acceptance by the Jews is symbolized as a sacred covenant between man and

говор между людьми и Богом, как всеобщая порука каждого перед каждым утверждать Закон не только среди своих потомков, но и по всей земле.

Можно, конечно, сомневаться в том, будто эти принявшие Закон кочевники не располагали никакими предпосылками к тому, чтобы вырасти в неординарный, вечный народ. Подобные сомнения будут казаться правомерными, пока не будет ответа на вопрос — почему же именно они "услышали" Бога и дали обет утверждать на земле Закон, названный Божьим. Несомненно, между тем, другое: ситуация, в которую они себя поставили, не могла не иметь те бесконечные и сложные продолжения, которые создали действительно необычную нацию. Помимо всего, что можно было бы сказать после этого, очевидно: принятый Закон оказался чересчур уж оптимальным (не сказать бы, — неземным), и потому, дав обет утвердить его среди других, евреи, будучи, тем не менее, "людьми как все", сами не сумели его воплотить. Впрочем, верность своей миссии и вера в ее конечный успех обеспечили им соответственно вечную жизненность и изобретение надежды.

Те, кого зовут сегодня евреями, есть прежде всего потомки людей, заключивших беспрецедентно дерзкий и всеобъемлю-

God, a universal guarantee made by each individual before all his peers to uphold it not only through his children, but throughout the world.

One can, of course, doubt that the nomads who took on this Law had any predisposition to grow into an extraordinary, eternal people. Doubts are justified only as long as there is no answer to the question of why it was they, and not others, who "heard" God and promised to uphold his Law among men. What is clear is that the situation in which they placed themselves could not but have the endless and complex consequences which have been created by a truly unusual nation. It is, however, also apparent that the Law seemed too ideal to be of this world. This explains why, having promised to uphold it, those unusual people, the Jews — who were nevertheless people like "all others" — were unable to embody it themselves, although their faith in their mission and belief in its ultimate success have given them boundless vitality and capacity for hope.

Those who are today called Jews are the descendants of people who made an unprecedented, bold and all-embracing pact with God.

ший договор с Богом. Не земля или язык, не обычай или совместная жизнь, но договор, — вот что лежит в основе еврейской национальности, вот что отличает еврейство от любой другой нации, и вот, наконец, что делает его больше, чем нация. Недаром ведь племенному имени "еврей", определяющему его местожительство, но придуманному неевреями ("эбер" — "другая", та сторона Евфрата), Библия предпочитает функциональное "Израиль": "иш раах эль", т.е. "человек, видящий Бога". Ни один другой народ не подбирал себе названия по принципу своего назначения на земле, так же как ни одно иное племя не связывало свое имя с представлением о неземном.

Между тем, если и допустить недопонимать историю избрания пришлыми из-за Евфрата скотоводами предельно изощренного способа национальной самоорганизации, т.е. историю решения евреев стать Израилем, — то в нескончаемости Израиля нет ничего непостижимого. Своей вечностью "Дом Израилев" обязан тому, что в каждом отдельном поколении каждый отдельный еврей, — кем бы он ни был и как бы мало не задумывался о своем еврействе, догадывается он об этом или нет, — лично и на свой собственный лад обновляет все тот же заповедный договор, о котором он вполне

Not a land or a language, not customs or communal life, but a covenant lies at the heart of the Jewish nation. This is what makes the Jewish people different from any other nation and what, in the final analysis, makes them more than a nation. Not without reason was this tribe of "Hebrews", known by others as those who lived on "the other side" of the Euphrates ("Eber"), given the more functional name of "Israel" by the Bible: "ish ra'akh el" — "a man who saw God." No other people has chosen to designate itself in relation to its purpose on earth; no other tribe has so bound its name to an idea which lies beyond earthly confines.

If we can permit ourselves not to fully understand the history through which these cattle herders who crossed the Euphrates chose an infinitely refined and unique way of organizing themselves as a nation; if we can permit ourselves not to fully understand the history of the Jews' decision to become Israel — then there is nothing inconceivable in Israel's perpetuation. The eternal "House of Israel" unites each individual Jew of each succeeding generation: whoever he might be, however little he may have thought about his Jewishness, whether he is aware of it or not. Each, in his own way,

может и не знать, но который неизменно причащает его к Израилю. Погубивший богов иных племен, договор Израиль с Богом был воспринят как сектантский заговор, хотя в договоре Бог обещает спасение всем, а не одним евреям. С тех самых дней человек, рожденный евреем, воспринимается как заговорщик и чужак. С тех самых дней народ Христа стал, по словам философа, Христом среди народов, — одиноким в апостольстве и мученичестве, и, кстати, с тех самых дней анти-семиты всех племен "успешно" доказывают, что Христа, еврея этого, не было, но распяли его евреи.

Рано или поздно каждый еврей испытывает на себе, что неевреи относятся к нему не просто: не так, как если бы он не принадлежал к *Израилю*. Одни относятся с презрением, другие — с уважением, третьи — с деланным равнодушием, но все непременно как-то относятся. Его еврейство воспринимается неотъемлемой частью его сущест-ва; он — не просто человек в глазах мира, он — человек-еврей. И вот психологическое осознание этого факта каждым человеком-евреем есть не что иное как его собственно-личное обновление договора, причащающего его к Израилю, независимо — рад он тому или нет.

Итак, не человек, т.е. не

renews the covenant which ties him to its source. From the first days of its existence, Israel's covenant with God, having annulled the gods of all other tribes, was perceived as a sectarian plot. This was true even though the covenant promised salvation to everyone, and not just to the Jews alone. From this time onward, every man born a Jew was seen as a conspirator and an alien. From this time onward, the people who gave the world Christ became, in the words of the philosopher, a Christ among peoples, alone in their teaching and martyrdom; and from this time onward, anti-Semites from every tribe "proved" that Christ, that Jew, never existed, but that the Jews killed him.

Sooner or later, every Jew becomes aware of the fact that non-Jews relate to him differently than they would if he were not part of Israel. Some regard him with contempt; others, with respect; still others, with feigned indifference. All, in one way or another, relate to his Jewishness, it is viewed as an integral part of his being: he is not simply a person in the eyes of the world, but a person-who-is-a-Jew. The psychological realization of this fact by every person-who-is-a-Jew is nothing but his own perpetuation of the covenant which binds him to Israel regardless of whether he likes it or not.

To repeat: he is not simply

просто человек, а человек-еврей.

Как всякий человек, он одержим страхом неизбежного конца, и как еврей, — страхом отверженности и одиночества. Эти условия определяют самобытность еврейского духа с его традиционными и неожиданными чертами. Как всякий человек, человек-еврей преодолевает трагедию конца самим процессом жизни, порождающим то, что называют культурой со всеми теми ее противоречиями, которые отражают противоречивость человеческого отношения к неизбежности конца. Однако в дополнение он является еще и евреем, преодолевающим трагедию своего изгояства в тех разных формах, которые отражают его отношение к своему отшельническому положению. Один полюс — бегство от Дома Израилева к "нормальным людям", с характерным трагикомическим рвением при демонстрации своей "нормальности". Другой — упоение собственной "ненормальностью", с характерной же трагикомической изощренностью при бравировании своей "избранностью".

Оба этих состояния — бегство от себя и самоизоляция, как и вся гамма переходов от одного к другому, являются универсально человеческими ситуациями: еврейский дух оказывается интенсивной формой мирового духа. Израиль — как все народы,

a person, but a person-who-is-a Jew.

Like any other human being, he is, knowingly or unknowingly, possessed by fear of his inevitable end; as a Jew, he is also haunted by fear of rejection and loneliness. These conditions account for the peculiarities of the Jewish soul, with its traditional and unexpected traits. A Jew, like anyone else, overcomes the fear of life's end through the process of living itself. This process gives rise to what is called culture, with all its strained contradictions: contradictions reflecting the paradox of man's relationship to his finite existence. In addition, he is still a Jew, faced with having to overcome fears of alienation. He does this in a variety of ways, reflecting the complex relationship of an individual to his outcast position. At one extreme, he panics in search of an escape from the collective body of Israel; he wants simply to be a "normal person", and pursues this goal with a zeal that is both tragic and comic. At the other, he revels in his "abnormality", haughtily parading his "chosen-ness" in a manner that is no less tragic or comic.

Both these extremes — flight from oneself and isolation within oneself — together with the infinite variations between them, represent universal human states: the Jewish experience is an intense form of human condition. Israel, as the saying goes,

только немножко больше, говорит пословица, подразумевая, очевидно, то, что он "первым предчувствует вселенское горе или вселенскую радость". И этому не может быть конца, ибо это — продолжение ситуации, не знающей конца; ситуации превращения рожденного евреем человека в человека-еврея; ситуация, где единоборство человека-еврея с порядком вещей есть единоборство всякого иного человека, "только немножко больше". Вот почему нет и парадокса в том, что дух Израиля, дух самобытного и обособленного царства, основанного на договоре с Богом, есть дух всечеловеческий; в том, что еврейская улица находится в самом центре людского мира.

После этого должно быть ясно, что как непостижимо трудно определять дух всего человечества, так недопустимо сводить противоречивый дух Израиля к каким-либо "традиционным" или "неожиданным" признакам. Еврейские ценности становились достоянием всего мира слишком быстро, чтобы оставаться столь же характерными для евреев, сколь характерен, скажем, для зулусов приветственный плевок в лицо. Вот, наконец, почему постижение еврейского духа, неопределяемого, а, значит, неистребимого, — есть постижение духа вселенского. Кто-то шутил, что противоречия мировой культуры, да и вся ее история —

is like all other nations, only more so. It is "the first to anticipate the depths of human suffering or the heights to which the human spirit can soar." There can be no end to this "miracle", for it is a process which knows no end: the transformation of a person born a Jew into a person-who-is-a-Jew. Through it, the internal conflict within every Jew magnifies that within every other living soul. Hence, there is nothing incongruous in the assertion that the soul of Israel, the soul of a distinct and isolated kingdom built on an inviolable covenant with God, is truly pan-human. It is logical that the Jewish path runs not along outskirts of common experience, but through its very heart.

From this it should be clear that, if it is inconceivably difficult to define the essence of humanity, it is impossible to reduce the contradictions of the Jewish soul to "traditional" or "unexpected" features. Jewish values have become common property too quickly: they hardly characterize the Jews as much as, say, spitting as a form of greeting does Zulus. This, finally, is why apprehension of Israel's ethics, undefinable and inerradicable, can enable us to grasp what it means to be human. Someone once joked that the contradictions inherent in the world culture — indeed, throughout history — are but a private argu-

это негласный спор между четырьмя последовательно жившими еврейскими мудрецами: законодатель Моисей считал, что главное — мозг, Христос, провозвестник любви, — сердце, экономист Маркс — желудок, а психолог Фрейд пошел, дескать, ниже. Летопись культурных ориентаций человечества действительно может навести зубоскала на эту шутку. Но если уж в этом же пересмешиливом тоне определять современный еврейский дух, то следовало бы добавить, что, видимо, неспроста на смену этим четырем мудрецам Израиля пришел пятый — Эйнштейн, заключивший "в смятении": все едино в своей относительности... Да, быть может, синтетичность и соотнесенность всех открытых ценностей и определяет неопределяемую сущность еврейского духа, этой квинтэссенции нынешнего мира, неуловимой, как неуловим раскуском смысл существования.

"Я Есть Кто Я Есть", — сказал Бог озадаченному Им Израилю. Не этими ли словами отвечает и сам Израиль озадаченному им миру? Не сводятся ли откровения еврейского духа к тому, что неуловимый смысл существования, если и не заключается в самом существовании, то постигается только через него?

ment between four consecutive Jewish sages who successively slid their gaze down the symbolic figure of man: the law-giver Moses deemed the brain most important; Christ, that prophet of love, chose the heart; the economist, Marx, the stomach, and the psychologist, Freud, ventured lower. A clown can certainly chose to view world history entirely in terms of this joke. If one tries to reduce the contemporary Jewish spirit to such a formula, it should be noted that these four sages were apparently not without reason joined by a fifth: Einstein, who inferred "in confusion" that all is made one through relativity. Perhaps it is this cosmic link among all undisguised values that reveals the inscrutable essence of the Jewish soul, that course of the present world, as elusive to mortal reason as the meaning of our sojourn on earth.

"I Am That Which I Am", said God to an Israel perplexed by Him. Are these not the same words with which Israel responds to a world perplexed by it?

Is not the apprehension of the Jewish soul a discovery that the fleeting core of existence, if not revealed in life itself, can be grasped only by living it?

БИБЛЕЙСКИЙ ПЕРИОД

ВВЕДЕНИЕ

Дух Израиля, как дух любого народа, определяется его историей. История любого народа — это то, что происходит с ним на земле, а происходит с ним почти то же самое, что происходит с отдельным человеком, одержимым, как правило, инстинктом выживания и самоутверждения. Эти инстинкты выражаются в тщетной мечте о бессмертии. Конец каждой судьбы — смерть, и в этой мере все на свете судьбы безжалостно односторонны.

Необычная судьба еврейского народа, нескончаемость его истории определяется тем, что земные инстинкты выживания и самоутверждения, роднящие его со всеми племенами прошлого и настоящего, оказались помножены на ту особую силу, истоки которой лежат если не по другую сторону бытия, то, по крайней мере, далеко за пределами земной суеты. Имя этой силе — страстная и неизменная вера в ряд интеллектуальных и поэтических символов, которые не объяснить условиями и целесообразностями земного существования и которые представлены в Библии.

Быть может, самое удиви-

THE BIBLICAL PERIOD

INTRODUCTION

The soul of Israel, as the soul of any people, is shaped by its history. The history of any people consists of that which happens to it during its time on earth. What happens to a people is very similar to what befalls to an individual guided by instincts of survival and self-assertion. These instincts always lead one to dream of immortality, which, of course, is doomed to failure. Each individual destiny ends in death, and to that extent all destinies are cruelly alike.

The unusual fate of the Jewish people, the unbroken continuity of its history stems from the fact that the earthly instincts of survival and self-affirmation, which relate the Jews to all tribes, past and present, have been compounded by some particular power. The source of this power lies, if not in another aspect of being, then far beyond the bounds of earthly vanity. This power represents the passionate and continual belief in the entire realm of intellectual and poetic symbols which exist in the Bible. They are impossible to explain by the conventions and expediencies of earthly existence.

Perhaps the most striking

тельное в Библии — это неотделимость того, что порождено землей и обусловлено конкретным временем от того, что стоит над временем и трудно объяснять фактами человеческой реальности, почему, кстати, многие считают Библию откровением непостижимого нашим разумом существа. Тем не менее, каким неземным не было бы происхождение библейских символов, бесспорно одно: сама эта книга создана на земле, в реальной среде одного из населяющих ее народов, — евреями; и книга эта, ставшая "портативной родиной" этого народа, определяла и определяет его историю. Не столько Палестина и неукротимое стремление к ее земле составляли для евреев таинственное "чувство дома", сколько Библия. А поскольку это так, постольку дух евреев, как дух ни одного иного народа, определяется совершенно уникальным, одновременно земным и сверхъестественным, миром Библии.

Стремление к жизни, к справедливости и к праведности, — вот что связывает между собой все 24 книги, вошедшие в канонический состав Библии и представляющие собой подчас хаотическое сплетение созданных в разное время легенд, декретов, хроник, видений и сентенций. Созданная, когда люди не практиковали еще губительного различения разума и чувства, пользы и красоты, веры и

element to the Bible is the inseparability of that earth gives life to and is conditioned by a specific time, from that which is beyond time and is difficult to explain by facts of human reality. This is why many people take the Bible as the revelation of some incomprehensible Being. But no matter how unearthly the origin of the Biblical symbols is, this book was created indisputably on earth, in a real environment by one of the people dwelling there — the Jews. The "portable homeland" of the people, this book has always shaped and is shaping its very history. It was the Bible and the unceasing belief in its lofty principles — rather than Palestine and the indomitable aspiration to its land — that have created for Jews a sacred "feeling of home". This is why the soul of Israel, as the soul of no other people, is shaped by totally unique, simultaneously earthly and supernatural world of the Bible.

The aspiration to life, to justice and truth — this is what links together all 24 Biblical books, a "chaotic" interlacing of legends, decrees, historical chronicles, poetic visions and philosophical maxims, created at different times. However, all the books were born in the deep past, when people did not yet practice the destructive division of reason and feeling, of wealth and beauty, of faith and knowledge. This is perhaps why the

знания, Библия — это жизнеутверждающий проект лучшего и, увы, нереального мира, в котором человек воспримет весь мир вокруг себя и себя в мире как целое. Кто-то высказал мысль, что каждый народ должен бы вести летопись своей цивилизации с момента, когда он перевел Библию на родной язык. Бесспорно другое: если человечеству и суждено когда-нибудь вступить в эпоху, адекватную его самым дерзким мечтаниям, произойдет это только после того, как уникальный дух Библии будет переведен на неповторимый язык духа каждого из народов и людей.

Эта истина открывает вид на одно из центральных противоречий не только в самой Библии как воплощении еврейского духа, не только в самой эпохе, именуемой библейской, но и во всей человеческой истории, — противоречие между мечтой и реальностью. Конфликт этот выражен по-разному в трех основных разделах Библии: Закон (Тора), Пророки (Небиим) и Писания (Кетубим).

Bible is the life-supporting project of the best though unreal word in which man perceives, finally, the universe around him and himself in the universe as one and indivisible entity. Someone expressed the thought that each people should date the history of its civilization from the moment when it translated the Bible into its native language. There is, however, another point. If mankind is destined at sometime to launch an epoch adequate to its boldest and noblest dreams, this will happen only after the spirit of the Bible is thoroughly translated into the unique language of the soul of each people and each person.

This very truth leads to the comprehension of the central contradiction not only in the Bible itself, as the embodiment of the Jewish soul; not only in the entire Biblical era, but in all human history — the contradiction between dream and reality. This conflict is expressed differently in the three basic divisions of the Bible; The Law (Torah), The Prophets (Nebiim) and The Scriptures (Kethubim).

ДУХ ЗАКОНА

Самое раннее проявление еврейского духа и, бесспорно, самое поразительное — это Тора, или Пятикнижие Моисея,* точнее, тот моральный кодекс, который был принят позднее всем человечеством, и по отношению к которому все дальнейшие откровения его нравственного гения оказались лишь комментарием. Интересно, что, призывая к уничтожению земных идолов и усматривая в этом одну из главных задач, Тора сама обрела в еврейской истории масштабы несокрушимого идола. Этот, казалось бы, печальный парадокс в развитии еврейского духа может быть в некоторой степени преодолен в свете той красивой идеи, которую высказал основатель хасидизма Баал Шем Тов: всю свою цель Тора усматривает в том, чтобы человек сам стал Торою, т.е. земным воплощением наиболее одухотворенных принципов человечности.

Отдавая отчет в нелегкой осуществимости этого проекта, следует, однако, признать, что, предлагая свои законы нравственности, Тора впервые выразила огромное доверие самому человеку и заявила идею, согласно которой путь в лучший мир — путь человеческого самоусовершенствования и самоконтроля, идею, не утерявшую в веках ни благородства, ни привлекательности.

* Пятикнижие Моисея — Закон — Тора есть начальный раздел Библии. Два других раздела: Небиим (Пророки) и Кетубим (Писания). Комбинация начальных букв названий разделов — ТаНаК — и является исконно еврейским обозначением Библии. Другое еврейское обозначение ее известно как Кисве ХаКодеш, Священное Писание, тогда как христианская традиция именует ее Ветхим Заветом, в отличие от той части библейского предания, которая посвящена учению назаретского раввина Йошуи (Иисуса Христа) и названа Новым Заветом.

ДЕСЯТЬ ЗАПОВЕДЕЙ

Согласно легенде, Десять заповедей были выпестованы на скрижалях Завета, врученных Моисею самим Богом. В пользу подобной версии об их сверхъестественном происхождении свидетельствует тот факт, что каждая из этих заповедей была бесконечно далека от земной реальности эпохи первых еврейских скотоводов, и даже сегодня ни одна из них не может быть признана как безусловное выражение человеческой природы, какой мы ее знаем. Согласно критической школе изучения Библии, Десять заповедей — это откристаллизованный во времени свод целесообразных с точки зрения древнего человека религиозно-нравственных установлений, которые были обусловлены его природным инстинктом самосохранения. В пользу подобной версии говорит тот факт, что заповеди вобрали в себя элементы, отражавшие моральные установки еврейского общества в разные периоды его начальной истории. Существует даже мнение, что эти многочисленные установки были сведены всего лишь к десяти по той простой причине, чтобы облегчить первобытному скотоводу их перечисление на пальцах рук. (Всего же в Библии насчитывают 613 заповедей, из которых 365 — негативных и 248 — предписательных.)

Как бы то ни было, ясно другое: ничто не оказало на нравственное и религиозное мышление мира такого конкретного и положительного влияния, как эти лаконичные формулы, представленные сперва в книге Исход (29:2-14), а позже — во Второзаконии (5:6-21):

Я, Кто вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства, есть Господь Бог твой. Да не будет у тебя других богов, кроме Меня.

Не сотвори себе кумира.

Не произноси имени Бога твоего бессмысленно.

Соблюдай субботний день как день святой. Шесть дней работай и делай все дела твои, а день седьмой, субботу, посвяти Богу твоему.

Почитай отца твоего и мать твою, дабы продлились дни твои и дабы хорошо жилось тебе на земле.

Не убивай.

Не развратничай.

Не воруй.

Не будь ложным свидетелем ближнему твоему.

Не желай того, что принадлежит ближнему твоему.

ВТОРОЗАКОНИЕ

По всей вероятности, книга Второзаконие была обнародована впервые в 7 в. до н.э. и заключает в себе предсмертные наставления Моисея. Это — первое по времени и, быть может, по значению монументальное выражение гуманизма.

Итак, Израиль, чего требует от тебя Господь Бог твой? Того только, чтобы ты боялся Его, ходил по Его путям, любил Господа Бога твоего, служил Ему всем сердцем и душой, соблюдал заповеди Его и для твоего же блага выполнял постановления, которые я заповедаю тебе сегодня... Итак, не будь впредь упрям и жестоковен, ибо Господь Бог твой есть Бог богов и Владыка владык, Бог великий, сильный и страшный, нелицеприятный и не берущий взятку, справедливый к сироте и вдове, милостивый к пришельцу, которого не оставляет никогда без хлеба и одежды. Люби и ты пришельца, ибо ведь сам был когда-то пришельцем на земле Египетской.

19:12-19

Во всех местах твоих, которые Господь Бог ответит тебе, выбери в каждом колене твоем судей и надзирателей, чтобы судили они народ праведным судом. Не извращай правды, не будь лицеприятен и не принимай даров, ибо дары ослепляют глаза мудрых и извращают дело правых. Всегда доискивайся правды, и только правды, дабы продлились дни твои и дабы владел ты землею, которую Господь Бог твой предоставляет тебе.

16:18-20

Не подражайте мерзким деяниям, совершаемым порою людьми. Да не будет среди вас сына или дочери, которые бы занимались идолопоклонством или прорицательством, гаданием или колдовством, чародейством или воскрешением духа, волшебством или общением с усопшими; тот, кто занимается чем-либо подобным, неугоден Господу. Будьте непорочны перед Господом Богом вашим, ибо если и есть люди, прислушивающиеся к гадателям и прорицателям, — вам завеща-

но Господом иное. Он, Господь Бог ваш, выдвинет пророка из вашей же среды, — его и слушайте.

18:9-15

Когда встанешь на войну против врага твоего, начальники пусть объявят народу: "Кто построил новый дом, но еще не освятил его, тот пусть возвращается домой, чтобы не пал он на поле битвы и чтобы другой не освятил его дом. Кто развел виноградник, но еще не вкушал от него, тот пусть возвращается домой, чтобы не погиб в сражении и чтобы другой не вошел в виноградник его. Кто обручился с невестой, но еще не спал с ней, тот пусть возвращается домой, чтобы не убили его на войне и чтобы другие не взяли жену его". И вот еще что надлежит объявить народу: "Кто боязлив и малодушен, тот пусть возвратится домой, чтобы не заразил робостью братьев своих".

20:5-8

Если возьмешь в плен врагов твоих, и заметишь среди пленных прекрасную женщину, и полюбишь ее, и захочешь жениться на ней, — отведи ее в дом свой, и пусть она в знак траура острижет голову и обрежет ногти, и скинет с себя пленническое платье, и в течение месяца живет в доме твоём, оплакивая отца и мать свою; только после этого ты вправе войти к ней и стать ее мужем, и взять ее в жену. Если же случится, — и она разонравится позже тебе, то отпусти ее, куда сама пожелает, но не продавай ее за серебро и не обращай в рабство, ибо усмирил ты ее.

21:10-14

Когда увидишь заблудшего вола брата твоего или заблудшую овцу его, не проходи мимо, но отведи их к брату твоему. Если же брат живет не близко, или ты вовсе его и не знаешь, — то прибери скотину в дом свой, и пусть она живет у тебя до тех пор, пока ее не доищется брат твой... Когда увидишь осла, принадлежащего брату твоему, или вола его, споткнувшегося и упавшего на дороге, не проходи мимо, подними его... Если попадется тебе на дереве или на земле птичье гнездо с птенцами или яйцами, над которыми сидит птица, то не забирай птицу вместе с птенцами; птенцов возьми себе, а птицу отпусти, дабы продолжились дни твои и было тебе хорошо. Когда будешь строить новый дом, то огради перилами кровлю твою, дабы никто не упал с кровли твоей и дабы не наводить кровь на дом свой... И не запрыгай вместе вола и осла.

22:1-10

Не возвращай раба господину и не выдавай его ему, если раб перебежал к тебе от господина своего. Пусть он живет у тебя где ему вздумается: не притесняй его.

23:15

Когда войдешь в виноградники ближнего твоего, можешь есть ягоды вдоволь, но в сумку свою их не складывай. Когда прийдешь на жатву ближнего твоего, можешь рвать колосья руками, но серпа над ними не заноси.

23:24-25

Отцов нельзя наказывать за прегрешения детей, и детей нельзя наказывать смертью за прегрешения отцов: каждого можно наказывать смертью лишь за его собственное прегрешение. Не осуждай несправедливо пришельца, сироту и вдову, и не бери у вдовы одежды в залог. Помни, что сам был рабом в Египте, и Господь Бог твой вывел тебя оттуда... Когда закончишь жатву и забудешь сноп свой посреди поля, то не возвращайся за ним: пусть достанется он пришельцу, нищему, сироте и вдове... Стряхнув маслины с дерева, не пересматривай потом ветвей: пусть останется что-нибудь пришельцу, сироте и вдове. Не забывай, что сам был рабом на земле Египетской.

24:16-22

Слова заповеди моей, которую я произношу сегодня, не могут быть тебе недоступны. Они не на небесах,... и не за морями,... но в твоих устах и в сердце твоём.

Итак, сегодня я предложил тебе жизнь и смерть, добро и зло. Если будешь следовать словам Господа Бога твоего, которые я обратил к тебе сегодня, если будешь любить Господа Бога твоего, ходить по всем стезям его и исполнять предписания его и законы, то будешь жить и размножаться, и благословит тебя Господь Бог твой на той земле, куда ты идешь, и утвердишься ты на ней. Если же отвратишь сердце от слов моих и не будешь им следовать, если станешь блуждать и служить иным богам, то вот, предупреждаю тебя сегодня: погибнешь и сгинешь с лица земли, которою хочешь овладеть.

Я призываю сегодня в свидетели землю и небеса: я предложил тебе выбрать сегодня жизнь или смерть, благословение или проклятие. Избери же жизнь, дабы цвести тебе и потомству твоему; люби Господа Бога твоего, внимай Его голосу и стремись к Нему, ибо в этом и есть жизнь твоя и нескончаемость дней твоих. И пребывать тебе на земле, которую Господь Бог клятвенно обещал твоим отцам – Аврааму, Исааку и Яакову.

30:11-20

ДУХ ПРОРОКОВ

Дух противоречивости и критицизма, столь органически присущий еврейскому сознанию, проявил себя впервые именно в писаниях пророков, увековечивших гений Израиля и открывших собой общепризнанный список наиболее выдающихся представителей человеческого рода. Если бы еврейская традиция утверждала институт святых людей, то библейские пророки оказались бы первыми еврейскими святыми. Однако — и в этом проявляется одна из самых поразительных черт еврейского иконоборческого духа — ни один из библейских героев, в том числе сам Моисей, не оказался идолизирован; даже самые величественные персонажи Библии представлены в жизнеподобных красках, доступные критицизму и исполненные противоречий. Именно благодаря этой традиции, пророки с их утонченным абстрактным мышлением, с их идеализмом и возвышенным типом чувствования воспринимаются всегда как живые современники, которые помимо знания того или иного земного ремесла обладают даром провидения в той почти сверхъестественной мере, в какой само прошлое одушевлено в них. Образ пророков символизирует одну из особенностей еврейского мышления: сгущение времени, снятие границ между прошлым, настоящим и будущим, слияние вереницы веков и мгновений в одно сплошное *сейчас*. Те нравственные и философские коллизии, над которыми страстно размышляли пророки, воспринимаются еврейским сознанием как сиюминутные проблемы; они злободневны в той самой степени, в какой сегодня евреи во дни Песах призваны праздновать исход из Египта вместе со всеми, кто уже отжил свой век или еще не родился, — бесконечный исход из бесконечно разнообразного "дома рабства" в одной сплошной колонне из живых, мертвых и неродившихся.

Другая исконная черта еврейского духа, предвосхищенная уже в писаниях пророков — чувственность интеллекта. В отличие от западной традиции, утвержденной греческими мыслителями, интеллектуальные прозрения пророков безыскусственно облекались в заразительно эмоциональную форму прямого собеседования страстного мудреца со своими соплеменниками. Неразделимость земной страсти и отвлеченной идеи в речах пророков отразили и одновременно предопределили особенности еврейского духа, проявившего себя как в характере

самого народа в целом, так и в мировосприятии большинства его мудрецов вплоть до нынешнего дня. Быть может, эта особенность пророков и позволяет объяснить следующее противоречие: воспринимая себя в роли неусыпных стражей отцовского мира с его бескомпромиссным единобожием, голосуя против любых нововведений, предлагаемых окружающей цивилизацией роскоши и моральных послаблений; иными словами, выступая в качестве убежденных консерваторов, пророки, поверяющие, однако, абстрактные истины насущными страстями, выступали на деле в качестве истых революционеров, что, по существу, есть родимая черта еврейского духа.

ПРЕДСКАЗАНИЕ САМУИЛА

Один из ранних пророков Израиля, Самуил, веривший, подобно пророкам Илие и Элише, в необходимость подчинения любого государства долговечным идеалам религии, выступал против характерного для его времени (2-ой в. до н.э.) устремления евреев уподобиться иным народам, и, в частности, заменить верховенство судей властью царя; заменить силу нравственного требования и суда авторитетом отдельной личности. Вот в каких словах предупреждал он своих соплеменников о последствиях подражания духу остального мира:

Вот что сделает с вами царь, который будет царствовать над вами: сыновей ваших заберет и приставит к своим колесницам и лошадям, и будут бегать сыновья ваши впереди колесницы его. Одних он назначит тысяченачальниками, а других заставит пахать на пашне его и жать жатву его, изготавливать ему воинское оружие и всаднические доспехи. Дочерей же ваших возьмет себе в мироварницы, в поварих и пекарниц. А лучшие поля, виноградники и масличные рощи заберет у вас и раздаст прислужникам своим. И лучших рабов и рабынь ваших, и юношей лучших, и ослов ваших заберет и заставит служить себе. Из овец ваших тоже будет брать десятую часть, и сами вы станете рабами его. И вот тогда вззоете под игом царя вашего, которого выбрали себе на беду, однако тогда уже Господь вас не услышит.

I книга Самуила, 8:11-18

СТРАСТЬ АМОСА

”Нет, не пророк я и не сын пророка!” — восклицал Амос, пастух из глухой горной деревушки, оказавшийся страстным реформатором израильского общества. Своей биографией он засвидетельствовал изначальный вкус евреев к демократизму, а своими речами — то неизбывное свойство еврейского духа, которое одни именуют животворным стремлением к самоочищению, а другие — губительной страстью к самобичеванию. В случае с Амосом, однако, еврейский дух еще раз выказал свою предрасположенность к синтезированию или открытию тех интеллектуальных и нравственных истин, значение которых выходит далеко за рамки конкретного времени и общества. Именно этим и характеризуются основные идеи Амоса: Бог, которого чтит Израиль, это — Бог не только самого Израиля. Бог милосерден к нему лишь когда Израиль следует Его призывам, сводящимся не к ритуальному почитанию Единого, но к реальному утверждению добра. Ниже приводится речь Амоса, произнесенная после испытанного им ужаса при виде того морального запущения, которому по примеру соседних народов предались евреи, обитавшие в далекой от его деревни долине.

Вот что сказал мне Господь:

Я пошлю огонь на Иудею, и пожрет он чертоги Иерусалима, ибо Иерусалим отверг Закон Господний, и заповедей Моих не хранит. За три преступления я еще пощажу Израиль, но за четвертый грех не пощажу; не пощажу за то, что продают тут праведника за серебро, а бедняка за пару башмаков; топчут ногами неимущих, а кротких сбивают с пути; теснятся возле алтаря в одеждах, взятых в залог, а в домах лепных богов пьют вино, отобранное у осужденных. Вот за это Я и буду давить вас, как молотильная колесница давит гумно со снопами. Даже ловкие и проворные не смогут уберечься; не устоит сильный, не спасется храбрый; падет и тот, кто меток в стрельбе из лука; не убежит пеший, не скроется всадник; и даже самые сильные духом побегут нагими в день Моего суда.

Слушайте слово Господне против вас, сыны Израиля, против всего вашего племени, которое вывел я из земли Египетской: ”За то, что невзлюбили вы обличителя вашего; за то, что гнушаетесь тем, кто изрекает истину, — за все это вы будете строить дома, но, увы, жить в них не будете; разведете виноградники, но, увы, вина пить не

будете...”

*Слушайте и вы, коровы Башанские; * вы, избивающие бедняков и оскорбляющие нищих; вы, кричащие мужьям своим: "подайте выпить!" Господь поклялся святостью Своей: "Дни будут – умыкнут вас в плен на кораблях; потомков ваших увезут в рыбацких лодках; и через брешь в стене сбежите вы, спасаясь, и побросаете в домах свое добро."*

Нет, не пророк я и не сын пророка; я – лишь пастух, я собираю сикоморы. Но отозвал меня от стада моего Спаситель и повелел: "Иди, пророчествуй народу Моему, пророчествуй Израилю всему!" И вот теперь послушайте Господне слово:

"Добро творите, а не зло, чтоб дни продлились ваши;

Чтоб Я, Творец живущего, остался среди вас.

Забудьте злое, возлюбите благо

И воскресите правосудие у врат..."

*Амос, 2:5-16; 4:1-3;
5:10-11, 14-15*

* Т.е. "дочери Израиля"

СЛОВО ИСАЙИ

Иерусалимский пророк Исайя, вышедший в отличие от Амоса из знатного рода, засвидетельствовал своим гением дальнейшее углубление еврейского самосознания, выразившего себя в ту эпоху прежде всего в преданности единому и нерукотворному Богу и в кристаллизации высочайших нравственных стандартов. По мнению Исайи, Израилю следует стремиться не столько к дипломатическому соперничеству с соседними державами, сколько к сплочению вокруг богоданной Торы, которая со временем станет достоянием всех народов, утверждая благороднейший принцип универсализма. С этих позиций Исайя и смотрит с досадой на повседневную жизнь вокруг себя, столь далекую еще от принципов Закона, который, быть может, так навсегда и обречен оставаться лишь памятником человеческой способности к мечте о правде.

Выслушайте Господа, вы, начальники Содома!

Внемли закону нашего Бога, ты, народ Гоморры!

''К чему мне бесконечные жертвы ваши? – вопрошает Господь. – Я пресыщен сожжениями овов и туком волов, и не нужна Мне кровь жертвенных быков, ягнят и козлят. Вот, ходите вы ко Мне, но кто просит вас делать это, – попирает угоды Мои? Не носите Мне лицемерных даров: запах жертвоприношений мерзок мне; новолуния, субботы и всякие собрания – пиршеские и молебственные – не могу больше терпеть. Всей душой Моей ненавижу ваши праздники и ваши торжества, тяжким бременем лежат они на душе Моей: устал Я от них. И потому, когда протянете ко Мне свои руки, отвернусь Я от вас. Даже частым молитвам вашим не буду больше внимать... Омойте себя и очистите! Удалите скверну из жизни вашей, чтобы не видели ее глаза Мои. Перестаньте творить зло, – учитесь добру! Стремитесь к правосудию: спасайте угнетенных!''

Исайя, 1:10-17

Горе вам, кто прибавляет к дому дом, и к полю поле, – чтоб не осталось больше места никому на всей земле, чтоб все ему досталось одному! Вот что Господь сказал об этом:

*"Дома большие опустеют и падут,
И виноградники повсюду оскудеют;
Пшеничные поля иссохнут и отвянут.
Воистину случится с вами так!"*

*О, горе тем, кто с раннего утра за крепким рыщет зельем;
кто до полуночи сидит и напивается вина; кто знает лишь тимпан и гусли;
кто признает лишь арфу и свирель; кого деяния Господни не волнуют;
кто не вникает в творчество Его! За это все народ мой будет изгнан,
и среди него богатые от жажды, а знатные от голода падут!
Шеол,* я вижу, пасть разинул шире, и ненасытен стал уже Шеол; он
поглотит великолепие Сиона, и сгинет честь народа моего; и будут овцы пастись среди развалин, а жирные козлы среди руин!*

*О, горе тем, кто стал блудить, и кто запутался в грехах,
как будто бы опутался ремнями; и кто твердит: "Мне все равно, —
пусть даже Бог свой суд суровый спешит народу моему явить!" О, горе
вам, кто зло зовет добром, кто называет светом тьму, кто к горькому
относится, как к меду! Увы тому, кто сам себя считает мудрым и смыс-
ленным! Увы тому, кто храбр в вине и доблестен в смешении си-
керы; кто обелит преступника за взятку, а праведника вовсе очер-
нит! За это все он сгинет на корню, и цвет его рассеется, как прах, —
как если бы огонь пожрал солому, как если бы пожар пожрал траву!*

Исайя, 5:8-24

* Т.е. Ад

МУДРОСТЬ ВТОРОГО ИСАИИ

Один из самых красноречивых пророков, Второй Исайя, засвидетельствовал в своем творчестве важный момент в развитии национального духа: оказавшись в вавилонском изгнании, Израиль не только сумел преодолеть соблазн самоотречения, перед которым, очевидно, не устояли 10 из 12 еврейских колен, но всю свою интеллектуальную и эмоциональную энергию он направил на нагнетение предчувствия конечного спасения и возвращения к истокам. Этот феномен надежды, получивший в еврейской психике необычайно интенсивное развитие именно с началом изгнания, способствовал воспитанию особого рода национальной гордости — гордости не за материальную мощь народа, но за его духовные ценности. Невзирая на нынешние муки и унижения, настанет день, когда весь мир осознает свою вину и ответственность перед Израилем, и расценит его как пророка среди народов, как подлинного морального наставника человечества. Об этом и пророчествовал Второй Исайя.

*Дух Божий меня благовествовать смиренным наставил,
И вот я разбитое сердце пришел исцелить.
Невольнику волю несу, душе опечаленной — радость,
И всем, кто рыдал по Сиону — веселья елей.
На смену унынию, на смену смущению — гордость
И славы корону потомкам Сиона несу.
И скажут о них: "Вот дуб правосудья и чести,
Взращенный Всевышним во славу десницы Своей!"
Не будут уж звать вас "отверженным сыном Господним",
Не будут и край ваш "пустынной обителью" звать,
Но будут вас звать "Господней любовью и славой",
И будете вы как "Господня невеста любви".
И будет — как юноша пылкий к девице,
Так Бог Всемогущий к вам поспешит под венец;
И как новобрачный ликует при виде невесты, —
Так Господу Богу желанными будете вы.*

*На стенах, о Город, *я зоркую стражу расставил,
Чтоб глаз не смыкала ни днем и ни ночью она!
А вы, боголюбцы, не допускайте к покою
Себя ли, земных, или Господа Бога, вверху,
Пока не отстроите стены Иерусалима,
Доколе Господь не прославит по свету его!
Всевышний поклялся десницей своею и силой,
Что вашу пшеницу отныне врагам не отдаст,
А недруги ваши уже никогда не напьются
Вина, что из ваших добыли садов,
Что из ваших давили плодов:
"Кто сеял пшеницу, тот будет и есть от пшеницы,
Кто выходил виноградник, тому и вино!
Вы будете с песнями пить и Меня славословить,
И досыта будете есть вы в чертогах Моих.
Пройдите к воротам, отстройте, отстройте дорогу,
И лишние камни сметите, сметите с пути,
И знамя высоко над головой поднимите,
И слушайте – Бог возвещает народам земли;
Он им говорит: "Скажите вы, дочери Сиона:
Се, время спасения и возвращенья пришло!
Се, муки твои искупятся вечною славой!
И скажут тебе: Ты – искупленный Богом народ!"*

Исайя, 61:1-6; 62:4-12

ДУХ ПИСАНИЙ

Раздел "Кетубим" (Писания), приписываемый обычно древнейшим героям еврейской мифологии, но по мнению некоторых ученых, завершённый сравнительно поздно (4 в. до н.э.), отражает прежде всего ту ипостась национального духа, которую именуют житейской мудростью. На смену пророкам в раздробленном еврейском обществе пришли многочисленные профессиональные духовные наставники, усматривающие свою основную задачу в сохранении национального самосознания и культурной самобытности евреев, равно как участвующие своими "откровениями" в процессе лучшей организации каждодневной жизни. Этих людей называли "хахамим", т.е. мудрецами, а основу проповедуемой ими мудрости составляло стремление к праведности и правосудию.

КНИГА ПРИТЧЕЙ

Еврейская традиция приписывает Книгу Притчей Соломону по той, очевидно, причине, что в ней утверждается идеал благоразумного и благонравного существования, идеал, который связан с образом прославленного своей мудростью израильского царя, отнюдь, кстати, не идеализированного или идолизированного Библией. Будучи первым в истории сборником мудрых житейских изречений, Книга Притчей по своему духу откровенно космополитична. Между тем, еврейское происхождение этого документа проявляется именно в его сверхидее: путь к мудрости и земному успеху лежит через праведность.

*Сын неразумный – огорчение для матери,
А мудрый – радость и веселье для отца.*

*Нет пользы от неправедных сокровищ,
Но праведность от гибели спасет.*

*Блажен и мудр, кто трудится и летом,
Но гнусен тот, кто в пору жатвы спит.*

*Путь непорочный – путь и безопасный,
А путь неправедный ведет к суду.*

*Удел насмешника – удел большой печали,
А брехуна – лишение и беда.*

*Муж праведный зовет устами к жизни,
Неправедный – к гибели зовет.*

*Войну и ссоры ненависть рождает,
А к отпущению грехов ведет любовь.*

*Тот, кто скрывает нелюбовь — порочен,
А кто клеветает — отвратителен и глуп.*

*Кто многословен — тот и суесловен,
А мудрый муж воздержан на слова.*

*Язык послушника — что серебро и золото,
А сердце грешника — ничтожно, словно пыль.*

*Не миновать, чего страшится грешник,
И быть — чего послушник Божий ждет.*

*Весы кривые — мерзость перед Богом,
А верные — как песня в честь Него.*

*Удаче праведников радуется город,
А при падении порочных он цветет.*

*От нелюбви страдает слабоумный,
А мудрый стережет покой души.*

*Как золотой браслет — свиному рылу,
Так впору красота дурной жене.*

*Щедрого Бог умножает доходы,
Скрягу же ждуг нищета и позор.*

*Душе благонравной дано будет вдоволь,
Кто кормит, тот будет накормлен и сам.*

*Кто делится хлебом — тому благовестие,
Кто нет — проклятье тому и позор.*

*Жена добронравная — слава для мужа,
Порочная в доме — как гниль для костей.*

*Кто праведен, тот и скотину жалеет,
Неправедный муж даже к людям жесток.*

*Муж расточительный сгубит богатство,
Муж бережливый накопит добро.*

*Надежда пустая – души огорченье,
Мечта воплощенная – жизни исток.*

*Мудрый опаслив и осторожен,
Самонадеян и дерзок глупец.*

*Муж неимуций противен и близким,
С мужем богатым приветливы все.*

*Трудолюбивым – почет и признание,
А суесловье ведет к нищете.*

*Кроткое сердце – как масло для тела,
Зависть в душе – как гниль для костей.*

*Сердце веселое красит и тело,
Горе же губит и сердце и плоть.*

*Глупому жизнь предстает как мученье,
Мудрому мужу – как радостный пир.*

*Лучше немного, но страх перед Богом,
Нежели много, но страх за добро.*

*Слаще похлебка при мире под крышей,
Нежели мед, если в доме разлад.*

*Каждому путь его кажется праведным.
Прав он, неправ ли – решает Господь.*

*Разум превыше червонного золота,
Мудрость дороже, чем серебро.*

*Муж непокладистый близок к гибели,
Муж злонамеренный рано падет.*

*Лучше смиренным ходить средь назнатных,
Чем с гордецами добычу делить.*

*Щурящий глаз замышляет коварство,
Злая усмешка вещает беду.*

*Глупцу не подходят слова горделивые,
И меньше могучему — лживая речь.*

*Кто ищет любовь, тот простит и обиду,
Кто ищет раздор, тот напомним о ней.*

*Лучше с медведем столкнуться разгневанным,
Чем с разъяренным столкнуться глупцом.*

*Тот, кто за доброе платит недобрым,
Тот не спасется и в доме своем.*

*Друг и товарищ — на время любое,
Брат на несчастья рожден времена.*

*Отшельник свои только знает желания,
Но знать не желает — чем люди живут.*

*Брат — крепость для брата, охранная крепость,
И город, что неприступностью горд.*

*Пред знатым вельможей смиряется каждый,
И с тем, кто имеет — любезен любой.*

*Потомок неумный — погибель для предка,
Болтушка жена — дождевая труба.*

*Хлеб, ложью заработанный, несладок, —
Жевать его — жевать песок морской.*

*Мудрец не поспешает даже в мести
И ждет, когда ему поможет Бог.*

*Тот, кто не слышит стенания нищих,
Не будет услышан когда-либо сам.*

*Доброе имя ценнее сокровищ,
Дороже кораллов и серебра.*

*Богач и нищий странствуют бок о бок, —
Обоих вместе сотворил их Бог.*

*Муж благомудрый предвидит опасность,
Муж безрассудный не чувствует беды.*

*Если увидишь чего не видали,
Не надо судачить об этом в толпе.*

*Долготерпение смиряет властелина,
И вкрадчивая речь сильнее костей.*

*Что уксус кислый для открытой раны, —
То песнь веселая для горестной души.*

*Врагу голодному подайте хлеба,
А жаждущему недругу — воды.*

*Нехорошо перепиваться меду,
И дурно честь себе одним искать.*

*Кто не владеет собственной душою —
Подобен городу без городских ворот.*

*Как лету — снег, как жатве — ливень,
Так не подходят почести глупцу.*

*Как птица вольная, порхающая птица,
Так и пустая не пристанет к дому брань.*

*Кобыле — хлыст, ослу нужна уздечка,
А розги — для упряма и глупца.*

*С глупцом молчи, не отвечай на глупость,
Чтобы — увы! — не уподобиться ему.*

*Ответишь глупому — скажи слова такие,
Чтоб мудрым не казался он себе.*

*Не поручай глупцу ответственного дела,
А поручил — так жди большой беды.*

*Что трость терновая в деснице пьяной —
То притча мудрая в бессмысленных устах.*

*Глупец, твердящий собственную глупость –
Как пес, уткнувшийся в блевотину свою.*

*Тот, кто лукавит, словно только шутит, –
Как тот, кто шутит огненной стрелой.*

*Полена нет – костер погаснет скоро,
Нет сплетника – уладится раздор.*

*Кто роет яму – тот погибнет в яме,
Кто мечет камни – будет сам сражен.*

*Тяжел булыжник и песок не легок,
Но гнев безумца много тяжелей.*

*Порочен гнев, неблагородна ярость,
Но против ревности никто не устоит.*

*Не лучше ли презренье откровенное
Скрытой и затаенной любви?*

*Упреки друга искренни и чисты,
Увы, обманчивы объятия врага.*

*Не лучше ли сосед, что вечно рядом,
Чем брат родной, что от тебя вдали?*

*Как водная гладь отражает личину,
Так в разуме вся проступает душа.*

*Как серебро огнем, как золото горнилом –
Так люди проверяются хвалой.*

*Нечистые бегут, когда никто не гонит,
А чистые спокойны, словно львы.*

*Что дождь шальной, не оросивший землю, –
Когда бедняк ругает бедняка.*

*Сын благомудрый – для отца отрада,
Блудливый распылит его добро.*

*Чем больше грешников — тем больше и неправды,
Но праведники их переживут.*

* * *

Нижеследующие миниатюры из Книги Притч, создание которых относят к более позднему периоду, чем остальных из афоризмов Соломона, выражают одну из постоянных идей еврейской литературы мудрости: несмотря на величие человеческого разума, власть его ограничена, и за пределами нашей способности понимания лежит неограниченный в своем разнообразии мир истин, доступных одному лишь Богу и знакомых нам только "понаслышке".

*Трех не могу постичь явлений,
Нет, — четырех понять вещей:
Следов орла в бескрайнем небе,
Следов змеиных на скале,
Следов ладьи в открытом море,
И, наконец, мужских — к жене.*

*Трех не снести земле явлений,
Нет, — четырех не выдержать вещей:
Раба с короной на макушке,
Глупца, который вдоволь ест,
Блудницу под венцом,
Служанку, восставшую на госпожу.*

*Вот три, нет, вот четыре малых
Премудрых живностей земных:
Вот муравей, хоть мал, да летом готовит на зиму обед;
Вот кролик, хоть и слаб, да строит свое жилище среди скал;
Вот саранча, хоть безъязыка, соборным роем пролетит;
Вот ящерица, хоть ползуча, — к царю в хоромы проскользит.*

*Вот три создания, о нет, четыре ступают царственной ногой:
Лев — голова среди животных, не отступает ни пред кем;
Козел не пятится назад; олень величественно ходит;
Но царственной ступает царь, — ему на свете равных нет.*

ПРОЗРЕНИЕ ИОВА

Философия Книги Притч сводится к той идее, что в этом мире каждому воздается строго по заслугам: праведный вознаграждается за свою праведность, а нечестивый наказывается за нечестивость. Книга Иова, однако, отнюдь не столь величественно наивна. Это позволяет отнести ее создание к 3-2 вв. до н.э., когда интеллектуальный цинизм и изощренность пользовались большими привилегиями, нежели наивная простота религиозных идеалов. По форме своей Книга Иова — типичная драма, точнее, философский симпозиум, построенный на сюжете старого народного предания, и ставится в ней один из самых мучительных вопросов земного бытия: отчего страдают невинные? Согласно поведенной в ней истории Иов — старый праведный шейх, "безупречный и честный, боящийся Бога и сторонящийся зла". Но несмотря на это, на него именно и обрушиваются все людские беды: погибают его сыновья и дочери, слуги, животные, и, наконец, самого его поражает проказа. Поначалу Иов переносил страдания безмолвно, и даже когда жена его — душа куда менее кроткая — призывает его "проклясть Бога и покончить с собой", он отвечает:

*Ты говоришь, как баба сказала бы глупая!
Вправе ли милости ждать мы от Бога одной?
Вправе ли не принимать от Него наказанья?*

(2:10)

Иова навещают трое его друзей. Изъязвленного болячками и измученного, они не смеют его утешать, и Иову кажется, будто народ считает его провинившимся перед небесами и справедливо наказанным за тяжкие прегрешения. Он причитает:

*О, отчего не погиб я еще при рожденьи!
О, отчего не скончался в утробе еще!
Мне бы в могиле глубокой навеки покоиться,
Мне бы в могильном песке отдыхать, как во сне!
О, для чего человеку несчастному очи,
Или к чему пребыванье несчастной души!
Стоит ли жить, если думаешь только о смерти,
Или — дышать, если жаждешь в могиле лежать?!*

(3:11, 13, 21-22)

Слова эти потрясают его друзей. Один из них говорит Иову, что Бог, должно быть, избрал его среди всех именно за благонравность:

*Счастлив — кого наказаньем отметит Спаситель,
Божьему гневу — большая удача внимать.
Бог поражает, но Сам же спасает сраженных,
Ранит Спаситель, но Сам же врачует потом.*

(5:17-19)

Не внимая подобным нравоучениям, Иов, между тем, обращается к самому Богу:

*Грешен ли я пред Тобою, людей Повелитель?
И за вину ли какую Ты губишь меня?*

В ответ второй из друзей Иова упрекает его опять же в духе популярной для всех времен религиозной этики:

*Хватит, замолкни! Роптанья твои надоели!
Можно ли думать, что Бог милосердный неправ?!
Можно ли думать, что истина скрыта от Бога?!
Можно ли думать, что судит Он криво тебя?!
Если ты чист и праведен ежели вправду, —
Он уже нынче тебе добротой воздаст.*

(8:2, 6)

Эта идея варьируется в книге на разные лады, но Иов, оскорбленный в своем благочестии, не может не думать, что Бог несправедлив:

*Бог поражает невинных, как губит виновных,
Чистого бьют, — Он, увы, посмеется над ним.
Вот, оглянитесь, землю нечистые правят.
Как же не думать, что в этом повинен Господь!*

(9:22-24)

Больше того: Иов подозревает Бога даже в злонамеренности:

*Знаю я, знаю, что буду нечист пред Тобою,
Если бы даже умыл себя снежной водой.
Если б я щелоком даже руки очистил,
В грязную лужу Ты снова повергнешь меня.*

*Даже рубаша моя будет брезговать мною...
Нет никого, кто б со мною Тебя примирил.
А посему мне страшиться Тебя не пристало,
И не пристало молчать о коварстве Твоем!*

(9:28-35)

Символизируя голос религиозной совести, друзья Иова просят его одуматься и перестать богохульствовать, но остановить Иова уже невозможно:

*Стоит мне вспомнить о Нем – и я содрогаюсь,
Стоит подумать – и кровь закипает во мне.
О, отчего же лжецы перед Ним процветают,
И отчего до седин доживают они?!
Вот, посмотрите, лишений не ведает грешник,
Дом его крепкий здоровыми полон детьми.
Можно ли верить, что Бог не услышал ни разу
Слов богохульных, речей безрассудных его?!*

(21:6-15)

Иова прерывает, наконец, сам Господь. Сквозь гром и вихрь обрушивает Он на разгневанного Иова вопрос за вопросом, пока не приводит его в полное смятение:

*Кто это, кто сомневается в правде Господней?
Кто словесами безумными дразнит Меня?
Чресла свои обвяжи, как пристало мужчине,
Встань! Буду спрашивать Я, а ты – отвечать.
Где же ты был, отвечай, если сможешь ответить,
В день сотворения мира, тверди земной?
Знаешь ли ты – кто земные отметил пределы,
Знаешь ли – кто обозначил границы земли?
Ты ли – скажи – из камней бесконечных и разных
Выбрал один, дабы краеугольным назвать?
Кто воротами морские обставил пространства?
Кто обуздал непомерную силу волны?
Где же ты был при рождении вод океанских?
Где же ты был при рождении света и мглы?
Повелевал ли хоть раз ты зарею небесной?
И достигал ли хоть раз ты истоков воды?
Ты ли – скажи – по морскому разгуливал днищу?
Знаешь ли ты – почему умирает живой?*

*Ведаешь ли — где ночная проходит граница,
Где пролегает черта, за которой светло?
Чресла свои обяжи, как пристало мужчине,
Встань! Буду спрашивать Я, а ты — отвечать.
Смеешь ли ты, человек, издеваться над Богом?!
Смеешь ли правду Господню неправдою звать?!
Ты ли Творцу Всемогущему равен по силе?!
Ты ли, несчастный, способен тягаться со Мной?!
Или, быть может, в тебе занебесная сила?
Может быть, голос могучий подашь из-за туч?
Может быть, славой Господней себя увенчаешь,
Или в пурпурную тогу себя облечешь?!
Может быть, ты — как Господь — всемогущ и всеведущ?!
Что ж, отбери тогда всех, кто нечист предо Мной,
Сам же потом порази их огнем беспощадным,
Сам же сумей их с порочною пылью смешать!
Всех, кто порочен, — во мрак обрати беспросветный;
Только тогда я признаю десницу твою!*

(38:2-19; 40:6-14)

Эта речь приводит, наконец, Иова в чувство. Раскаиваясь в своей надменности, он осознает, что Господню правду непозволительно судить мерками отдельной человеческой судьбы, ибо Бог определяет гармонию к о с м и ч е с к у ю:

*Как я ничтожен, и как я, увы, слабосилен!
Как непонятлив и как безрассуден в речах!
Я понимаю, что не понимаю нисколько
И никогда не постигну премудрость небес!
Знал о Тебе понаслышке, Премудрый Спаситель,
Только теперь я воочию вижу Тебя.
И — посмотри на меня — от себя отрекаясь,
Перед Тобой рассыпаюсь я в пепел и прах.*

(40:4; 42:5-6)

СКЕПТИЦИЗМ КОГЕЛЕТА

Книга Когелета, или Экклезиаст, созданная около 200 г. до н.э., проникнута духом, противоположным Книге Иова и резко отличным от Книги Притч, — духом скептицизма и философского цинизма. Тем не менее, евреи включили ее в свод Священного Писания, для чего была придумана легенда, будто написал ее царь Соломон. Видимо, уже в библейскую эпоху наиболее чуткие из еврейских мудрецов не могли не заметить присущий Израилю дух противоречивости и неоднозначности, тот самый дух, который обусловил не только живучесть народа, но и его одновременно идеалистическую и земную настроенность.

Все — суета.

И все на свете всуе.

И что за польза человеку от трудов?

Уходит род один, другой приходит,

Но ничего с землей не происходит,

И жизнь такая же, увы, какой была.

Восходит солнце, и заходит солнце,

И вновь взойдет — откуда раз вошло.

На юг промчится ветер, но повернет на север,

И на ходу своем завертится потом.

Он покружит по свету и вернется

На север с юга. И потом — на юг.

Бежит вода в реке, стекает к морю,

Но море не наполнится вовек,

Как сколько б слов ни развелось на свете, —

Их никогда не хватит для всего;

Как глазу мало, сколько б он ни видел,

Как уху мало, сколько б ни слышал.

Все будет так, как много раз бывало,

Все будет делаться, как делалось уже;

И что бы впредь на свете ни случилось, —

Случалось ранее под солнцем и луной.

Вот говорят порой: "Смотрите, чудо!

Такого не бывало никогда!"

*Увы, бывало. Хоть бывало в годы,
Когда не мы — другие были тут.
О них, других, мы ничего не помним,
Как те не помнили о тех, кто был до них;
И как о тех, кто нам придет на смену,
Не будет помнить кто придет потом.*

(Мудрость есть суета.)

Я, Когелет, был поставлен царем над Израилем в Иерусалиме. И решил я в сердце своем постигнуть разумом все, что вершится под небом. Это пагубное занятие Господь дал сынам человеческим, чтобы они мучили себя им; видел я все, что случается под солнцем, — и вот: все суета и ветреные затеи. Мне думалось так: я величественнее и мудрее всех, кто царствовал до меня в Иерусалиме, и постиг я немало тайн и премудрых знаний. Но когда углубился я в мудрости своей и призадумался, наконец, над разницей между мудростью и безумием, то понял, что мудрость — дело пустое. Ибо чем больше мудрости, тем больше смущения, и умножение знаний есть умножение печали.

(Богатство есть суета.)

Решил я испытать свою душу всяким добром, но и это оказалось суею. Предпринял я великие дела: настроил себе дома, насадил виноградники, разбил сады и рощи, приобрел слуг и служанок, скопил серебро и золото, вывез драгоценности из соседних стран. Я не отказывал своим глазам ни в чем, чего бы они не потребовали, и взглянул я потом на свои дела, — и вот: все суета и ветреные затеи, и нет ни в чем никакого смысла. Я возненавидел жизнь, опротивело мне все, что случается под солнцем, ибо все — суета, и все — затеи ветреные.

(Жизнь есть суета.)

Участь человека и участь скотины — одинаковая: как умирают одни, так умирают и другие. У всех одинаковый дух, и человек не лучше животного. Все суета: все произошло из праха, и все обратится в прах. Кто знает, — дух сынов человеческих восходит ли к небу, а дух животных нисходит ли в землю? Не раз был я свидетелем тому, как над человеком творится насилие. Плачут угнетенные, и никто не утешает их; притесняют несчастного, но никто не заступает за него. И вот решил я, что мертвые счастливее живых. Но счастливее и живых и мертвых тот, кто еще не родился, кто не наблюдал еще зла, творящегося под солнцем. Приходилось мне также видеть как хоронят грешников, как приносят их к святому месту и славословят там, где те когда-то бесчинствовали. Вот вся земная суета: с праведниками про-

исходит то же самое, что с грешниками, а с грешниками обходятся так же, как с праведниками. И спрашиваю я: это ли не суета?

И обратил я душу свою к веселью, ибо нет ничего лучшего для человека, нежели пить вино, есть и веселиться. Это и только это оставлено человеку в ниспосланной Господом жизни.

*Итак, иди, пируй и наслаждайся,
И ешь свой хлеб, и пей свое вино,
И предавайся радостям любовным
С желанной и возлюбленной женой.
Иди, пируй, покуда дни не вышли,
Отпущенные Господом тебе,
Пока не вышла жизнь твоя земная,
Наполненная суетой сует.*

МУДРОСТЬ ПСАЛМОПЕВЦА

Поэтическая сущность еврейского интеллекта ярче всего проявилась в книге Теилим, т.е. Слословия, сборнике 150 приписываемых царю Давиду псалмов — песней и гимнов — религиозно-лирического содержания. Еврейская традиция, в отличие от христианской, не признает никакого посредничества между человеком и Богом: каждый из людей постигает Бога в непосредственном с Ним диалоге, который каждый ведет на свой лад. Единственное, что требуется от человека, — это безоглядная искренность, почему, собственно, людская речь, обращенная к Богу, исполнена то неизбывной печали, то радости и ликования, то чувства неуверенности, страха и одиночества, а то смутного ощущения торжественной близости непостигнутых еще истин. Именно таким человеком и предстает перед нами тот, кто сочинил псалмы Давида, — разнообразным, как дни и часы самой жизни, но всегда одинаково доверенным Богу и Его мудрости, что определяет, согласно традиции, мудрость самого псалмопевца. Вот почему многие из сочиненных им песен включены в канонический свод еврейских молитв. Что же касается философского духа псалмов, содержание его станет более ясным, если свести его к тому особому интеллектуальному переживанию, которое философ И.Кант испытал при прочтении одного из псалмов: "Звездное небо надо мной и нравственный закон в моей душе, — вот две вещи, которые наполняют меня бесконечно обновляющимся чувством восхищения и благоговения".

Псалом 49

*Прислушайтесь ко мне, народы мира,
Внимайте, люди, слову моему.
Послушай, стар и млад, богач и нищий,
Я вам открою истину свою.
Я часто говорил себе: "Не бойся
Последних дней и времени суда,
Когда за прегрешения земные
Тебя пытать возьмутся небеса!"
Премудрый смысл любимого реченья,*

Созревшего в моей душе, как плод,
Я напою сейчас под звуки гуслей,
Наговорю, как притчу, я для вас.
Скажите мне, скажите, заклинаю,
Случалось ли, чтоб кто-нибудь не пал,
Чтоб кто-нибудь остался жить навечно,
Чтоб хоть один могилы миновал?
Вот богатей лежит в земле, вельможа,
Скупавший все на золото свое,
Но он, увы, ни за какие деньги
Не выкупил и вздоха у небес.
Всему цена, всему на свете мера,
Назначенная Богом и людьми,
Но только нет цены и нету меры
Душе людской. Нет выкупа за жизнь.
Погибнут все. Сойдет в могилу каждый,
Невежда сгинет так же, как мудрец.
Умрет и тот, кто думает о смерти,
И тот, кто думает, что не умрет вовек.
Но трудятся глупцы, копают, строят
И превращают в крепости дома, —
Увы, умрут; увы, в могиле сгинут,
Оставив все добро другим глупцам.
Всю жизнь глупцы жилища укрепляют,
Как будто б жить в них будут без конца,
И имена свои дают именьям,
Как будто б им иметь их без конца.
Недолго им владеть своим владеньем,
Недолго жить глупцам в своих дворцах:
Наступит час, — и гордеца настигнет
Смертельная коса, как нож — быка.
Убойному быку подобен глупый,
Скотине и глупцу — одна судьба.
Увы безумцам всем, в свои влюбленным
Бессмысленные мысли и дела.

Псалом 133

Как хорошо и как великолепно
В единую семью собраться всем!
Собраться братьям, в доме жить едином,
Как хорошо собраться братьям всем!

*Так хорошо, как если б Аарона
Увидеть нам с елеем на челе,
С елеем, вниз стекающим на платье,
На бороду стекающим его.
Так хорошо, как если б на Хермоне
Роса скопилась и пролилась вниз,
К Сиону, где обещано спасенье
И вечное цветение. Аминь!*

Псалом 137

*При реках Вавилонских мы сидели,
И вспоминали мы в слезах Сион.
Мы плакали, и средь ветвей деревьев
Качались наши арфы на ветру.
А нас пленившие, все те, кто нас держали
Вдали от рек родных, в неволе и в беде,
Кричали нам: "Снимите ваши арфы!
Сионские напойте нам псалмы!"
Но как нам петь Господню песнь в неволе,
И как забыть тебя, Иерусалим?!
Когда забуду я тебя, о Город,
Десница пусть забудется моя;
И пусть отсохнет тот язык, что скажет:
У рек чужих забыт Иерусалим.*

ВВЕДЕНИЕ

INTRODUCTION

В период между завершением Библии и созданием Талмуда всю энергию своего духа Израиль, зажатый в кольцо враждебно настроенного к нему мира, направил на укрепление своей самобытной культуры. Уже тогда в его духе четко определились черты, которые так драматично отличают его даже в нынешнем неоднородном мире. Прежде всего, — это верность цивилизации единобожия и четко разработанных этических норм. Хотя цивилизация эта, тотчас же выказав свой универсальный характер, стала постепенно завоевывать мир, евреи воспринимали ее как символ преданности делу отцов; тем более, что с ослаблением политической мощи еврейского общества это наследие предков вызывало к себе углубляющуюся неприязнь языческого окружения. Подобную ситуацию и имел в виду Л. Толстой, когда, возмущаясь враждебным отношением к евреям, называл их поборниками свободы духа: "Невежество осуждалось ими в древней Палестине с большою силой, чем оно осуждается сегодня в цивилизованной Европе".

In the period between the completion of the Bible and the creation of the Talmud, Israel — clutched in a ring of hostility and distrust — has been strengthening its distinctive culture. Even by that time all the leading traits of the soul of Israel were clearly defined. First of all, a passionate adherence to the civilization of monotheism and richly developed ethical norms existed. Though this civilization, discovered and maintained by the Jews, at once displayed its universal character and gradually began to conquer the world, the Jews perceived it as a symbol of their devotion to the cause of the fathers. As the political power of the Jewish society weakened, this legacy of the fathers, which was so selfish-reliant, aroused the deepening hostility of the surrounding pagan world. Leo Tolstoy took a similar situation into account when, exasperated by the world's hostility toward Jews, he called them the upholders of the free spirit: "Ignorance was condemned by them in ancient Palestine with a greater contempt than it is condemned today in civilized Europe".

Презрение к невежеству и обусловило другую черту еврейского духа — страсть к модификации наследия под влиянием нарождающихся цивилизаций. Вот почему еврейский дух послебиблейской эпохи увековечивает себя в следующих формах религиозно-философской публицистики:

а). апокрифы — книги, созданные по образу и подобию библейских, но не вошедшие в канонический свод Священного Писания;

б). документы раввинического творчества, адресованного еврею и направленного на углубление его национального сознания;

в) светская литература, т.е. литература, созданная в соответствии с греко-римской традицией и обращенная не только к евреям, хотя и развивающая именно еврейские принципы мировосприятия.

The contempt for ignorance caused another principal trait of the Jewish soul: the passion for the modification of the heritage under the influence of the developing world and emerging civilization. That is why the Jewish soul in the Post Biblical period perpetuated itself in the following varied forms and philosophical writing:

a) Apocrypha — books created in forms and images that were Biblical, but not included in the code of the Holy Scriptures;

b) Documents of Rabbinical work, which addressed just the Jews and sought to deepen their nationalistic awareness;

c) Secular literature which was created in accordance with the Greek or Roman tradition and was appealing not only to Jews although such works developed the Jewish principles of world perception.

”СКРЫТЫЕ ПУТИ” ЕВРЕЙСКОГО ДУХА

Пожалуй, именно в апокрифах (греч. ”скрытый путь”) и проявилась впервые временами обостряющаяся склонность еврейского духа к мистическому восприятию жизни, точнее, к такому ее восприятию, которое исходит из идеи о строгой ограниченности пределов человеческого познания и возможностей разума как средства ориентации в мире. Несмотря на и поныне живущую традицию недоверия к мистицизму, он зиждется на неопровержимой догадке, что по ту сторону людского разума лежит неизмеримый мир истин, доступных нашему созерцанию лишь частично и лишь в условиях того специфического состояния, когда человек переживает себя и окружающий его космос как единое и нерасчленимое целое. Подобное, нелогическое, отношение к миру, подводящее порой к так называемым гениальным прозрениям, оказывается особенно популярным в эпохи смутных социальных процессов, чреватых непредсказуемым исходом и потому внушающим человеку неуверенность и страх. Что же касается историко-политических закономерностей, и, в частности, закономерностей политической истории еврейского народа, то именно в подобные эпохи особенно обостряется в мире и антисемитизм как враждебность к совершенно уникальному опыту в развитии человеческого духа. Вот почему наряду с традиционными символами людского благонравия и благоразумия, апокрифы открывают нам новый мир напряженно-страстных, апокалиптических образов, порождаемых смущенным разумом, страхом и надеждой. Неизбывный оптимизм еврейского духа как бы утрачивает в них свою одномерность и обретает драматические черты, что можно судить по небольшому отрывку из Второй Книги законодателя Эздры. На вопрос о причинах страданий Израиля Эздра отвечает так: Божий промысел несет в себе непознанную людьми тайну, но стойкость и выносливость Израиля являются залогом его грядущего избавления.

Господи, я прошел сквозь многие земли и жил среди многих народов; видел я страны, где люди преступают Твои заповеди, но живут в изобилии и веселии. Господи милосердный, потрудись опустить нашу неправедность на чашу весов против непослушания и греховодности иных народов, потрудись взглянуть: какая чаша перетянет? Ответь, Господи, было ли, чтобы иноверцы не грешили перед Тобой?

Было ли, чтобы какое-нибудь племя соблюдало Твои наказания так, как мы? Да, можно найти отдельных мужей, четко следовавших Твоим заповедям, но не найти совершенно праведных народов.

И вот ответить мне было поручено ангелу Уриелю. "Послушай, — сказал он мне, — разум твой дан тебе для того, чтобы постигать лишь этот, земной, мир. Скажи, однако, хочешь ли ты понимать пути Всевышнего?" "Хочу, мой господин", — ответил я. И он сказал: "Мне наказано задать тебе три задачи, показать тебе три явления. Если тебе удастся решить хоть одну из задач или постигнуть суть хоть одного из явлений, я раскрою тогда перед тобой тайну Всевышнего и объясню причину Его жестокосердия". "Я готов, мой повелитель". И он сказал: "Пойди и определи мне вес огня или вымерь размеры ветра, или, наконец, попробуй вернуть минувший день". "Кто из людей способен на такое, — ответил я, — и к чему задавать мне задачи, не имеющие решений?"

В ответ он сказал: "Если б у тебя было спрошено — сколько, например, рыб обитает в морской пучине, или сколько течений под толщей воды, или сколько пролегло в заоблачной выси путей, или, наконец, какие дороги ведут из рая, — ты мог бы, наверно, ответить, что ни под водой, ни над облаками, ни в загробном царстве тебе бывать пока не приходилось. Но ведь спросил я у тебя об огне, ветре и прошедшем дне, — вещах, тебе известных и привычных, но ты, увы, молчишь!"

И к этим словам Уриэль добавил: "Есть вещи, с которыми ты связан повседневно и тесно, но даже о них ты не знаешь всего. Почему же ты надеешься понимать дороги Всевышнего? И может ли, скажи, человек постигнуть непорочное, если он уже отчаялся в этом пустом и порочном мире?" Эти слова навели на меня печаль, и я сказал Уриелю: "Лучше б сгинуть с лица земли, нежели страдать, не понимая причин наших невзгод". Но в ответ на это он сказал: "Прислушайся к моим словам. Был я как-то в лесу и узнал, что лесные деревья решили объявить войну морской воде, дабы та отступила перед ними. Потом я подслушал морские волны, принявших подобное же решение: пойдём, дескать, и отвоюем у деревьев землю, зальём ее собой и будем бегать шире и дальше! Случилось другое: огонь сожрал деревья, а налетевший песок укротил волны и оттеснил их назад. Ответь мне — кого бы ты подержал будучи судьей: лес или море?"

И я сказал: "Никого, ибо каждому на свете отведено свое: деревьям суша, а волнам море". "Верно, — сказал Уриэль. — Отчего же тогда не умеешь найти ответ на собственный вопрос? Ведь подобно тому как всему на свете отведено свое, так и земным существам дано понимать лишь земное. То, что творится над землей, в небесах, ведомо тем, кто обитает вверху, над облаками". Я ответил на это: "Помилуй, гос-

подин мой, к чему же дана мне небесами способность понимать? Для чего же тогда дан мне разум? Не того ведь, что над землей, но того, что на земле я и пытаюсь дознаться: почему Израиль унижен и обездолен варварами? Избранный народ предан на поправление племенам, не признающих Бога; законы наших предков освищены и отвергнуты, и — кто? — никто уже не входит с нами в переговоры. Нас изгоняют и уничтожают, как саранчу, и, увы, не удастся нам больше достичь Божьего благоволения. Что же собирается делать с нами Всевышний, ради имени которого мы и призваны в этот мир? Вот чего я хочу дознаться!”

И он сказал мне в ответ: “Если не умрешь — увидишь сам. Увидишь и поразишься, если, повторяю, выживешь; ибо срок мира сего близится к концу быстрее и быстрее”.

БЛАГОЧЕСТИЕ ПЕРВЫХ РАВВИНОВ

Дух раввинизма, столь важный при символизации еврейского сознания, порожден стремлением еврейских мудрецов оградить Израиль от соблазнительного влияния иной (греческой) культуры. Между тем, раввины не были бы истинными мудрецами, если б задачу сплочения евреев вокруг их наследия они б не осуществляли расширением библейских формулировок, что диктовалось изменениями в жизни как Израиля в целом, так и отдельного еврея. Начало раввинической деятельности относят к 5 в. до н.э., к периоду завершения Эзрой редактирования Пятикнижия. Компиляции разнородных "книг мудрости" раввины предпочитали устные и письменные комментарии к Книге, за что получили название "книжников", или "фарисеев" (евр. "параши" — выявлять смысл). Эти многочисленные комментарии к Ветхому Завету со временем обрели значение священной мудрости евреев, — своего рода второй Торы.

Самым известным из фарисеев оказался Гиллель, родившийся в Вавилоне в 30 г. до н. э. и переселившийся позже в Палестину, где, живя в крайней нищете, этот неправдоподобно благочестивый мудрец добивается признания в качестве выдающегося из "отцов" еврейской учености и основателя либерального раввинизма.

Моисей получил Закон на Синае и передал его Иошуе, который передал его Судьям, которые передали его Пророкам, которые передали его Мужьям Великого Синода. Эти последние учили всегда трем вещам: "Будь осмотрителен при вынесении приговора, окружай себя многими учениками, а также обноси Закон высокой изгородью".

Симеон Справедливый был одним из последних членов Великого Синода. Он любил говорить: "Мир держится на трех вещах: Законе, Благочестии и Великодушии".

Антигонос из Сохо получил Тору от Симеона Справедливого. Его любимым изречением было: "Не уподобляйся слуге, прислуживающему исключительно ради денег, и да будет стеснять тебя страх небесный".

Потом были Йосе бен Йосиф и Йосе бен Иоханан. Первый из них говорил: "Пусть дом твой будет обителью Мудрости, и не гнушайся даже пыли с ее подошв". Второй высказывался так: "Распахни двери обиталища своего перед нищими, а также не забалтывайся с женщи-

ной". Он хотел сказать, что не следует мужчине тратить много времени на беседу с собственной женой, тогда как с женой ближнего своего болтать без дела и вовсе не пристало.

Потом были Иегошуа бен Перахиа и Ниттан Арбелит. Первый говорил так: "Найди себе учителя или найди друга, а также суди о каждом человеке соответственно его подлинным достоинствам". Последний высказывался: "Сторонись злонамеренного соседа, исправляй ближних своих, если они порочны, и не забывай, что существует возмездие".

Потом были Шемайя и Абталион. Первый говаривал: "Возлюби труд, проникнись ненавистью к тирании, и никогда не находишься на виду у сильных мира сего". Второй же так говорил: "Вы, которые мудры, следите за своими словами, иначе ошибетесь и будете высланы туда, где текут отравленные реки, к которым припадут ваши ученики и умрут, и пропадет задаром слава небесная".

Потом пришел Гиллель. Гиллель говаривал: "Кто занимается самовосхвалением, обрекает себя на позор. Кто не углубляет и не расширяет своих знаний, тот уменьшает их. Кто отказывается учиться, — уготовляет себе быстрый конец; и кто не выявляет своего таланта, или направляет его на пользу одному лишь себе, тот совершает духовное самубийство". Еще он говорил: "Если я не за себя, то за кого же я? Если же я лишь за себя, то что мне за цена? И если не сейчас, то когда же?"

Гиллель также говорил: "Не сторонись людей; не будь самоуверен, пока жив; не осуждай ближнего, пока не станешь на его место; и не говори себе, будто возьмешься за учебу как только найдешь время, ибо в этом случае времени не найдешь никогда".

Он говорил еще: "Если человек, как боров, — он не убоится согрешить, и муж неотесанный не станет святым. Застенчивому не научиться ничему, вспыльчивый муж не может служить учителем, а человек чем-либо озабоченный не постигнет мудрости. Следует еще помнить, что там где нет мужчины, следует действовать как мужчине".

Он говаривал:

Чем больше плоти, тем больше червей.

Чем больше богатств, тем больше забот.

Чем больше женщин, тем больше ворожбы.

Чем больше наложниц, тем больше разврата.

Чем больше рабов, тем больше воровства.

Но: чем больше Закона, тем больше жизни.

Чем больше ученья, тем больше мудрости.

Чем больше споров, тем больше истины.

Чем больше праведности, тем больше мира.

Кто создает себе славу, создает ее для себя.

Кто изучает Закон, угождает себе жизнь в грядущем мире.

Пирке Абот, гл. 1,2

Гиллель сказал: "Не стой где сидят, и не сиди где стоят. Не плачь где смеются, и не смейся где плачут".

Тосефта Беракот, 2

Некий язычник появился как-то к Шаммаю (знаменитый коллега и оппонент Гиллеля — Н.Д.) и сказал: "Я бы, пожалуй, примкнул к твоей вере, когда бы тебе удалось раскрыть весь смысл вашего Закона за то короткое время, пока мне удастся устоять на одной ноге". Шаммай замахнулся на него посохом и погнал прочь. Язычник пошел потом к Гиллелю, который угадал в нем правдоискателя и ответил так: "Что ненавистно тебе самому, не смей делать и другому, — вот и весь наш Закон; все остальное — комментарий. А теперь иди и решай!"

Шаббат, 31б

В течение двух лет школы Гиллеля и Шаммая вели меж собой спор на такую тему: чем же оказалось сотворение человека — благом или злом? В конце концов они сошлись на том, что было бы лучше вовсе не создавать человека, но раз уж он сотворен, главная его задача — постижение смысла прошлых и обдумывание своих будущих действий.

Эрубин, 13б

Сказал реб Абба: "Целых три года школы Гиллеля и Шаммая вели дискуссию по какому-то вопросу, и каждая упорно отстаивала свою точку зрения. Наконец раздался Небесный Глас: "В обоих мнениях заключена сущая правда, но истинными следует признать слова гиллелевской школы". Спросили: "Ежели оба мнения справедливы, отчего же тогда предпочтение отдано Гиллелю?" Ответ был таков: "Оттого, что питомцы Гиллеля обходительнее и учтивее: они знакомят слушателей как со своим мнением, так и с мнением противника, и прежде чем привести свои доводы, называют доводы оппонентов".

Эта история учит нас тому, что Господь Бог почитает и возвышает именно скромных и самокритичных.

Там же.

ДУХ СВЕТСКОГО ЕВРЕЙСТВА: ИОСИФ

С политическим закатом Израиля и началом диаспоры открывается новая глава в развитии еврейского духа: тесный контакт с чужеродной цивилизацией приносит ему непривычные для него формы выражения. Чаще всего — это жанры, кристаллизованные новой цивилизацией, настаивающей на своей элитарности по отношению ко всему прежнему. Таковой оказалась греческая культура, разделившая единый мир знания, веры и чувства на бесконечно дробящийся, с первого взгляда систематический, но по существу неестественно-схематический ряд "дисциплин" и жанров, подобно тому, как единому и цельному Богу евреев она противопоставила насильственно упорядоченный сонм "узко специализирующихся" богов. Эллинизированные евреи, приняв формальные особенности нововведенной цивилизации, хоть и перестали мыслить во всеохватных категориях Библии, сосредоточиваясь теперь уже на какой-либо конкретной отрасли духа (этика, религия, философия, история, литература и др.); и хоть уже не с прежней постоянностью занимались непосредственным изучением Библии, — тем не менее, привнесли в новые формы особенности традиционного еврейского мироощущения, как бы утверждая на самом пороге христианского летоисчисления все то же сакраментальное "Я есть Кто Я есть".

Нагляднее всего проявилось это в писаниях и в судьбе Иосифа Флавия. Он родился в Иерусалиме (37 г. н. э.) в прославленной семье Хасмонеев и умер в Риме (105 г.), где служил в качестве личного советника и историка императоров из рода Флавиев, по распоряжению которых ему еще при жизни был установлен памятник, а его сочинениям отведено почетное место в народной библиотеке. До начала литературной деятельности Иосиф был одним из военачальников иудейской армии в Галилее, сражавшейся за независимость от Рима. Потерпев, однако, сокрушительное поражение, он сдался на милость врагу, что, понятно, оказало влияние на его репутацию среди соотечественников. В то же время, несмотря на далеко не восторженное к нему отношение со стороны многих его критиков, вряд ли можно отказывать ему в глубоком патриотизме, который проявлял себя тем сильнее, чем отчаяннее стеремился Иосиф искупить вину за бесславное решение прислуживать врагу. Всю свою деятельность в период жизни среди завоевателей Иосиф направляет на ослабление враждебности Рима к евреям

и их наследию.

Ниже — выдержки из его очерка, направленного против популярного александрийского юдофоба Апиона.

Между теми обычаями и законами, которые утвердились среди народов земли, существует бесчисленное количество различий, однако в кратком виде эти различия можно, вероятно, представить следующим образом: одни законоучители призывают свои правительства служить монархическому государственному порядку, другие — порядку олигархическому, третьи — республиканскому и т.д. Что же касается нашего законодателя, Моисея, он, отрицая все названные формы государственного устройства, предписывает то, что можно было бы назвать "теократическим" порядком; иными словами, вся государственная власть и сила должны — по его мнению — принадлежать лишь Богу, которого весь народ почитает в качестве истинного Творца всех добрых дел, направленных как на благо всей земли, так и на радость каждого отдельного человека. Законодатель наш учит: ничто не скроется от Господнего ока — ни явные деяния людей, ни тайные их помышления. Кроме же этого он отзывается о Боге как о чем-то непреложном и не ограниченном в пространстве и во времени, как о первопричине и распорядителе всего сущего, как о Существо, который, не открывая Своего лица, заявляет о Себе посредством Своих деяний.

Я не берусь сейчас отвечать на вопрос о связях между подобными представлениями о Боге с идеями мудрейших греческих мужей. Тем не менее, известно, что греческие мудрецы никогда не сомневались в полном соответствии подобных представлений самой истине, в их абсолютной согласованности с самою природой Божественного: и Пифагор, и Анаксагор, и Платон, и следовавшие им философы-стоики, и почти все остальные греческие мыслители высказывали по существу те же идеи, хотя отваживались заявлять об этом не всенародно, а в тесном кругу своих учеников, ибо подавляющее большинство подверженных предрассудкам людей издавна придерживается совершенно иных представлений. Что же касается нашего законоучителя, чьи практические деяния не расходились с проповедуемыми им принципами, — он отнюдь не ограничивал круг внимателей приближенными к нему священниками, но утверждал свое представление о Боге среди всего народа с такою непоколебимою силою, что никогда никто не сможет уже его пошатнуть.

Причина, по которой наше законоучение совершеннее любого иного, заключается в следующем: Моисей отнюдь не считал, что религия есть одна из разновидностей истины; напротив, он утверждал, что любые истины являются составными частями религии, понимая под

истинами как стойкость и терпимость, так и полную согласованность между собой всех членов человеческого сообщества. Все наши деяния, все помышления и намерения — лишь разновидности служения Богу, ибо ни одно из проявлений человеческой жизни Он не оставляет без определения и обозначения. Существуют два способа исполнения любого морального предписания, два способа следования любой истине: первый — исполнение и следование на словах, второй — в практических делах. Все иные законодатели по существу разъяли меж собой эти два способа, т.е. облюбовав один из них, полностью игнорируют другой. Лакедемоняне и критяне, например, утверждают свои истины не словами, а практическими делами, тогда как афиняне — подобно почти всем остальным грекам — составляют законы в соответствии с тем, что следует или чего не следует делать, но отнюдь не в зависимости от практической значимости этих законов.

Наш же законодатель сумел оба упомянутых способа слить воедино чрезвычайно удачно и гармонично; каждое практическое деяние он поверяет той или иной выраженной в словах заповедью, так же как не позволяет следовать какому-либо предписанию без предварительного выяснения его практической ценности; хотя, считает он, ни одно из проявлений нашего существования, даже наша кухня, не должно обуславливаться исключительно лишь целью личного удовольствия и личного благополучия.

Это позволило Моисею создать цельный свод жестких предписаний, касающихся разных сторон жизни: чего нельзя и что можно есть, как общаться с людьми, как относиться к своим обязанностям, в каких случаях прерывать отдых и т.д. Следование этим законам, подобно следованию воле собственного родителя или господина, уберегает нас от греха умышленного или невольного. Поскольку никакое преступление, совершенное даже по неразумению, не должно быть оставлено без наказания, Моисей настаивает на том, что каждому надлежит хорошо знать закон и относиться к нему как к совершенному и необходимому своду правил человеческой жизни; с этой именно целью он призывает всех собираться вместе для изучения закона и глубокого постижения его духа. Как известно, ни один другой законодатель никогда не выставлял подобного требования.

* * *

(В нижеследующем отрывке Иосиф описывает т.н. эссенскую секту, жизнь и убеждения которой оказались одним из интереснейших и лучших проявлений еврейского духа, в частности, его социальной энергии, воспитанной на библейских принципах нравственности и спра-

ведливости. Одни считают эссенов провозвестниками христианства, другие — первыми социалистами. Правы и те, и другие, ибо оба учения — христианство и социализм — предвосхищены именно еврейским мышлением и переживанием мира... Эссены, согласно описанию другого знаменитого "светского" еврея Филона Александрийского, — еврейская секта из 4000 человек, живущих вдали от городской суеты, чреватой "пороками и заразой"; эссены не изготавливали никакого оружия, и главным их занятием было, по существу, упражнение духа в нравственности, набожности, святости, справедливости и любви к Богу и человеку. Рабство они считали осквернением законов природы, и свою любовь к истине выражали также в пренебрежении к деньгам, мирской славе и наслаждениям.)

Эссены не предпринимают ничего без специальных распоряжений своих старейшин. Хотя каждый член общины вправе по собственному почину оказывать помощь нуждающимся и кормить голодных, он не может отсылать родственникам какой-либо подарок без одобрения администрации. Эссены презируют богатых, и никто среди них не обладает добром в большей степени, нежели любой другой. Они придерживаются правила, что новые члены обязаны передать все свое имущество всему братству, и нет среди них ни чрезмерной роскоши, ни чрезмерной бедности.

Эссены отличаются невозмутимостью, верностью и миролюбием. Слово, данное ими, оказывается, как правило, крепче, нежели клятва, принесенная иными людьми, и все они питают чрезвычайный интерес к писаниям древних... Выше всего они чтят Бога, а после Него — Моисея. Они почитают за честь повиновение старшим и следование решению большинства. Скажем, в собрании десяти человек никто не станет разговаривать, если остальные девять предпочитают молчать. Субботние предписания эссены выполняют с большим рвением, чем все остальные евреи...

Живут они долго: многие доживают до ста и больше, скорее всего по причине простоты и постоянства образа их жизни. Они презируют страх и, благодаря своей сильной воле, пренебрегают болью. Позорному существованию они предпочитают славную смерть, что проявилось также и в войне против римлян. Изнывая от боли в переломанных суставах, связанные по рукам и ногам, вздернутые на дыбу и подпаленные огнем, они отказывались хулить Моисея, своего законодателя, или есть запретную пищу; не склоняли голов перед завоевателями, не проронили ни одной слезы в их присутствии. Улыбаясь в минуты предсмертной агонии и надсмехаясь над своими мучителями, они испускали дух, уверенные в том, что когда-нибудь вернут его себе обратно.

НОВОЗАВЕТНЫЙ ПЕРИОД

THE NEW TESTAMENT PERIOD

ВВЕДЕНИЕ

INTRODUCTION

Не только язык Нового Завета, место его рождения и его авторы прямо связаны с Израилем, но и сам дух этой книги в существенных моментах — категорически еврейский. Если б мы составляли антологию иудаизма в качестве учения сектантского, то, конечно же, следовало бы обойтись без этого раздела: христианство столь широко раздвигает границы иудаистской секты, что на деле их уничтожает, а само учение иудаизма лишает определенности. Всякая секта, в том числе и христианство, существует постольку, поскольку она четко и бескомпромиссно очерчена в своих пределах...

Между тем, тот факт, что как апостолы, так и сам Иошуа из города Назарет, опираясь на учение Пророков, оказались "еретиками" в трактовке ряда ветхозаветных положений, — придает особый смысл включению новозаветных пассажей в антологию еврейского духа, многопланового и самопротиворечивого.

Although the language of the New Testament, the place of its creation, and its authors are unequivocally linked with Israel, the very spirit of the book in its most vital moments is also undoubtedly Jewish. If our task was to compile an anthology of Judaism as a strictly religious teaching, then we could eliminate this particular chapter. Christianity launched to draw so widely the limits of the Judaic sect that, in fact, it might destroy those limits and deprive the teaching its distinctive message. Any sect, including present-day Christianity itself, exists to the extent that it uncompromisingly outlines its own limits.

However, the Apostles as well as Jehoshua of Nazareth himself, while relying on in the teaching of Moses and other Jewish prophets, dissent in the interpretation of a series of the Old Testament's ideas. This fact offers even greater justification for the inclusion of New Testament passages in an anthology of the Jewish soul — a soul always multidimensional and very often self-contradictory.

ИСТИНЫ ИОШУИ НАЗАРЕТСКОГО

Раввин Иошуа из города Назарет, или Иисус Христос, был проповедником, которому в силу целого ряда биографических и исторических условий выпала честь настолько сильно утвердить значение еврейского духа, что почти весь нееврейский мир решил вести свое летоисчисление с предполагаемого дня рождения этого замученного римскими варварами галилейского пророка. В отличие от многих своих коллег-соотечественников равного дарования, но, быть может, меньшей силы духа, Иошуа Назаретский не только не оказался канонизирован еврейской традицией, но был объявлен Иерусалимским Синедрионом — высшим еврейским коллегиальным учреждением — еретиком. Помимо либерализации действующей обрядовой системы, его разногласие с иудаизмом сводилось, в основном, к учению о Мессии. В то время как иудаисты связывали пришествие Мессии с неблизким еще будущим, утверждая тем самым в человеческой душе спасительный психологический принцип надежды и подстегивая общество к постоянному нравственному совершенствованию как условию конечного избавления ото всех известных невзгод, — Иисус Христос, преследуя те же цели, объявил пришествие Мессии уже состоявшимся фактом, а себя — воплощением Вселенского Избавителя. Его разногласие с хранителями иудаистской традиции сводилось, можно сказать, скорее к методике, нежели к сущности. В своих раввинических проповедях Иошуа Назаретский переместил мессианское царство, или, как он выражался, Царство Небесное, в сознание каждого отдельного человека, — подход, идея которого, пусть и не абсолютизирована иудаистской традицией, однако уже опробована ранее именно в рамках того же иудаистского мышления. Что же касается самого духа его учения, он насквозь пронизан мудростью и страстью всех предыдущих великих пророков Израиля, о чем нижеследующее и свидетельствует.

(Нагорная проповедь)

Блаженны нищие духом, ибо Царство Небесное принадлежит им.

Блаженны плачущие, ибо они утешатся.

Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.

Блаженны жаждущие правды, ибо они насытятся.

Блаженны милостивые, ибо они будут помилованы.

Блаженны чистые сердцем, ибо они увидят Бога.

Блаженны миротворцы, ибо они будут названы сынами Божиими.

Блаженны изгнанные за правду, ибо Царство Небесное принадлежит им.

Блаженны вы, когда будут вас гнать, а меня злословить; радуйтесь и ликуйте, ибо велика вам награда на небесах: так гнали и пророков, живших прежде вас. Вы — соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему не годна, — разве что бросить ее на поправление толпе. Вы — свет мира: не может укрыться город, стоящий на горе. Зажигая свечу, не ставят ее под сосудом, — ее ставят на подсвечник, и она светит всем в доме. Точно так же да светит свет ваш людям, чтобы открылись им ваши добрые дела и чтобы прославляли они Отца вашего Небесного.

Не думайте, будто я пришел нарушить Закон или изменить Пророкам: не нарушить пришел я, но исполнить. Говорю вам истинно: если не исчезнет небо и земля, не пропадет и йоты одной из Закона, пока он весь не воплотится. И потому кто нарушит пусть даже малейшую заповедь Закона и станет подстрекать к тому же других людей, тот наречется малейшим в Царстве Небесном; а кто исполнит заповедь и научит других тому же, тот наречется в Царстве Небесном великим. Если, говорю вам, праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то не вступите вы в Царство Небесное.

Вы слышали как говорили древним: "Не убивай; убийца подлежит суду". Я же говорю вам, что суду подлежит каждый, кто гневится на брата своего напрасно.

Вы слышали как говорили древним: "Не прелюбодействуй". Я же говорю вам, что каждый, кто взглянул на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с ней в душе своей.

Слышали вы также как говорили древним: "Не преступай клятвы!" Я же говорю вам: не клянитесь вовсе; не клянитесь ни небом, ибо оно — престол Божий, ни землею, ибо она — подножие Его; ни Иерусалимом, ибо он — город великого Царя; ни даже головой своей, ибо не властны вы над нею, не можете вы сделать седой волос черным. А вместо клятвы да будет слово ваше простым: "да" или "нет"; а что сверх этого, то — от лукавого.

Вы слышали: "Око за око, и зуб за зуб". Я же говорю вам: пусть никто не противится злу; если же кто ударит его в правую щеку, пусть он подставит ударившему и левую; если кто судится с тобой из-за рубашки, отдай ему и накидку.

Слышали вы: "Люби ближнего твоего и презирай врага". Я же говорю вам: любите и врагов ваших, благословляйте и проклинающих

вас, творите добро и для ненавидящих вас, молитесь и за преследующих и притесняющих вас. Да будете вы верными сынами Отца вашего Небесного, который повелевает солнцу Своему светить как добрым, так и злым, и который орошает дождем как праведных, так и неправедных. Ведь если возлюбите вы одних только любящих вас, — какая вам награда? Не то же ли самое делают и мытари? И если приветствуете одних только братьев ваших, — что вы особенного тем самым делаете? Не так же ли поступают и язычники? Будьте же совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный!

Смотрите, не раздавайте милостыни вашей на людях с тем, чтобы все видели это, — иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного. Раздавая милостыню, не труби о ней во все стороны, как делают это лицемеры в синагогах и на улицах с тем, чтобы люди хвалили и прославляли их; тем самым, говорю вам, они уже получают всю свою награду. Что же касается тебя, — когда раздаешь милостыню, пусть левая твоя рука не знает, что делает правая; пусть милостыня твоя будет тайной, и Отец твой, ведающий все тайны, воздаст тебе явно. Так же: когда молишься, не уподобляйся лицемерам, которые молятся в синагогах и на улицах с показным рвением. Удались в комнату твою, затвори за собою дверь и молись втайне незримому Отцу твоему: Он, видящий все тайное, воздаст тебе явно.

Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют все и где крадут и копают воры. Собирайте себе сокровища на небе, где нет ни моли, ни ржи и где воры не подкапываются и не крадут. Ибо где сокровище ваше, там пребывает и сердце ваше.

Не смущайте себя и не спрашивайте: "Что нам есть?" или: "Что пить?" или: "Что одеть на себя?" Подобными вопросами задаются язычники, тогда как Отец наш Небесный помнит о ваших нуждах. Доискивайтесь прежде всего Царства Божия и правды Его, а остальное — приложится. Не беспокойтесь за завтрашний день, ибо завтрашний день сам будет заботиться о себе: довольно для каждого дня своей заботы.

Не судите, — и не будете судимы. Ибо каким судом судите, таким будете судимы сами, и какою мерою мерите, такою отмерят и вам. И отчего смотришь на сучок в глазу брата твоего, а бревна в своем не чувствуешь?

Не отдавайте святыни псам, и не бросайте жемчуга свиньям, чтобы они не попирали его ногами своими, и потом не набросились на вас.

Просите, и дано будет вам, ищите — и найдете, стучите — и отворят вам, ибо всякий кто просит, — получает; всякий кто ищет, — находит, и всякому кто стучит, — отворяют. Найдется ли между вами человек, который отказал бы сыну и вместо хлеба подал бы ему камень? Или — змею вместо рыбы? Если же вы, создания злые, умеете творить благо

детям вашим, то уж, конечно, Отец ваш Небесный не откажет вам в благе.

Итак, как хотели бы чтобы поступали с вами, сами поступайте так же с людьми, — в этом и есть Закон, в этом и есть Пророки.

Евангелие от Матфея, гл. 5,6

(Молитва)

Молясь, не говорите лишнего, как язычники, думающие, что в многословии своем будут услышаны. Не уподобляйтесь им, ибо знает Отец ваш в чем вы нуждаетесь еще до того, как вы попросите у Него об этом. Молитесь же так:

Отец наш, пребывающий в небесах! Да святится имя Твое! Да наступит Царствие Твое! Да будет воля Твоя и на земле, как на небе! Хлеб наш насущный дай нам на сей день; и прости нам долги наши, как прощаем мы сами должникам нашим; и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого, ибо и Царство, и сила, и слава, — все Твое во веки веков. Амен!

Там же, 6:7-13

(Изречения)

Нет ничего сокровенного, что не открылось бы; и тайного, что не было бы узнано.

Там же, 10:26

Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня.

Там же, 10:37

Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит.

Там же, 12:25

Не бывает пророк без почестей, разве только в отечестве своем и в доме своем.

Там же, 13:57

Горе миру от соблазнов, ибо соблазнам нельзя не придти; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит.

Там же, 18:7

Если бы у кого было сто овец, и одна из них заблудилась, то не оставит ли он девяносто девять в горах и не пойдет ли искать заблудившуюся? И если случится найти ее, то, истинно говорю вам, он радуется ей больше, чем девяносто девяти не заблудившимся.

Там же, 18:12-13

Петр приступил к нему и сказал: "Господи! Сколько раз прощать брату моему, согрешившему против меня, — до семи ли раз?" Иисус говорит ему: "Не говорю тебе "до семи", но говорю "до седмижды семидесяти раз".

Там же, 18:20-21

Много званных, но мало избранных.

Там же, 22:14

Бог не есть Бог мертвых, но живых.

Там же, 22:32

Берегитесь, чтобы никто не прельстил вас, ибо многие придут под моим именем и будут говорить: "Я Христос", и многих прельстят.

Там же, 24:4-5

Суббота для человека, а не человек для субботы.

Евангелие от Марка, 2:27

Кто не против вас, тот за вас.

Там же, 9:40

Вы ищете меня не потому, что видели чудеса, но потому, что ели хлеб и насытились.

Евангелие от Иоанна, 6:26

Наступает время, когда вы перестанете поклоняться Отцу как на горе сей, так и в Иерусалиме. Вы не знаете, чему вы кланяетесь, а мы знаем, чему мы кланяемся, ибо спасение от иудеев.

Там же, 4:21-22

Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться именно в духе и истине.

Там же, 4:24

Если пшеничное зерно, упавши в землю, не умирает в ней, то оно простым зерном и останется; а если умирает, то приносит много плодов. Тот, кто влюблен в свою душу, губит ее, а тот, кто взывает к ней в этом мире, приносит ей вечность.

Там же, 12:24-25

Ненавидящий Меня ненавидит и Отца Моего.

Там же, 15:23

Царство Мое не от мира сего. Если бы от мира сего было Царство Мое, то служители мои заступились бы за Меня и не предали бы Меня иудеям.

Там же, 18:36

САУЛ О МУДРОСТИ ЛЮБВИ

“Сверхдвенадцатого” апостола Павла, или Саула из города Тарса, названного так в честь первого израильского царя Саула, многие признают в качестве второго основоположника христианства, хотя сам себя этот малоазиатский ремесленник именовал “евреем из евреев”. Это обстоятельство, парадоксальное с первого взгляда, не содержит в себе никакого противоречия, ибо в ту пору учение, позже названное христианством, являлось лишь особой формой популяризации еврейской культуры, и, в частности, еврейского религиозного и философского гения. В свете этой мысли заслуги Саула из Тарса, проповедовавшего теорию Христа перед язычниками за пределами Палестины, особенно очевидны, ибо, как принято думать, именно благодаря этому наиболее страстному и красноречивому из апостолов, слову Иошуи Назаретского удалось вырваться за пределы родины ортодоксального иудаизма, где по многим причинам оно вполне могло бы “благополучно” заглохнуть. (Одна из причин – отсутствие в программе самого Христа какого-нибудь принципиально нового для еврейской аудитории содержания.) Вот почему Павла можно расценивать как одного из первых успешных апостолов еврейского духа в нееврейском мире.

Саул Тарсский был казнен римскими язычниками, воспринимавшими проповедуемое им учение как иудейскую ересь, но позже эту “ересь” благословившими. По преданию, он воскрес и объявился императору Нерону со словами: “Вот я, Саул, воин Божий, не умер, но живу в Боге моем!” Это предание выражает ту же самую истину, которую Генрих Гейне высказал по поводу судьбы другого еврея – Иисуса Христа: “Бедный раввин Назаретский, над умирающей головой которого язычник-римлянин начертал злорадные слова “Царь Иудейский”, этот увенчанный терниями и облаченный в издевательскую багряницу, этот освищенный царь иудейский сделался в конце концов богом римлян, и они вынуждены были преклониться перед ним”.

Да будет ваша любовь непритворна; бегите от зла и приобщайтесь к добру. Будьте нежны в любви брат к брату, и будьте почтительны друг к другу. Не падайте никогда духом в служении Господу. Утешайтесь надеждами, а в скорби будьте терпеливы, как будьте постоянны в молитве. Заботьтесь о нуждах людей, и будьте к ним гостеприимны.

Благословляйте гонителей ваших; благословляйте, а не проклинайте. Радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими. Будьте единомысленны в помыслах своих; не мудрствуйте лукаво, но следуйте смиренным; не мните о себе слишком много. Никому не воздавайте злом за зло, но помышляйте о сотворении добра для всех людей. Делайте все, чтобы жить в мире со всеми. Сами никому и никогда не мстите, оставьте это Господу, ибо сказано: "Я воздам". Если враг твой голоден, накорми его, если жаждет он, напои его: поступая с ним так, ты бросаешь ему на голову горящие угли. Не поддавайся злу, но побеждай зло добром.

Не будьте никому должником, разве только в любви, — ибо тот, кто любит другого человека, исполняет тем самым Закон; ибо заповеди "не прелюбодействуй", "не убивай", "не кради", "не лжесвидетельствуй", "не пожелай чужого", — эти и все другие заповеди выражаются в единой фразе: "люби ближнего твоего, как самого себя". Любовь и есть исполнение Закона.

К римлянам, 12:9-21; 13:8-11

--

Пусть знаю я языки людские и ангельские, но если я не имею любви, — то я — лишь медь звенящая или кимвал звучащий. Пусть имею дар пророчества и знаю все тайны, все науки, пусть имею всю веру и пусть я способен передвигать даже горы; но если я не имею любви, то я — ничто. И пусть я раздам в милостыню все имущество свое, а тело свое отдам в жертву на сожжение, но если нет во мне любви, — то нет и пользы от дел моих.

Любовь терпелива, милосердна, независтлива, не чванлива, не горда. Она не бесчинствует. Она не себялюбива, не раздражительна, не злонамеренна, не злорадна. Она доискивается истины. Любовь покрывает все и всему верит, надеется и терпит. Любовь никогда не исчезнет, хотя исчезнут пророчества и языки, хотя даже упразднится и знание; нынче мы отчасти знаем, а отчасти пророчествуем, но когда наступит совершенство, тогда все, что лишь отчасти, исчезнет. Будучи младенцем, я по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал, но теперь, став мужем, оставил все младенческое. Нынче мы видим все как бы сквозь тусклое стекло, мы нынче гадаем, но потом, когда наступит совершенство, мы окажемся ко всему лицом к лицу; нынче я знаю все лишь частично, а потом — познаю все сполна, подобно тому, как сам я познан сполна.

Нынче царствуют три начала: вера, надежда и любовь, но самое величественное из них — любовь.

I послание к коринфянам, 13:1-13

(Изречения)

Я жажду передать вам духовное откровение во имя вашего же блага; иными словами, желаю я утешиться верой, которая будет еди-на — для вас и для меня.

Послание к римлянам, 1:11-12

Неправедники, познавшие Бога, не признали его Богом, но, будучи глупцами, омрачили себе сердца суетным мудрствованием. Именуя себя мудрецами, обезумели, — и образ нетленного Бога свели к некое-му подобию человеческому.

Там же, 1:21-23

Скорбь и теснота всякой душе человеческой, творящей зло, — прежде всего душе иудея, потом и эллина. Но слава и мир каждому, утверждающему добро, — прежде всего иудею, потом и эллину.

Там же, 2:9-10

Не тот иудей, кто таков по наружности, и не то есть обрезание, которое на плоти. Тот иудей, кто таков внутри, и то обрезание, которое не по букве, а по духу.

Там же, 2:28-29

Какое преимущество в том, чтобы быть иудеем? Великое: им вверено слово Божие. Если же некоторые и неверны этому слову, разве их неверность упраздняет верность Божию?

Там же, 3:2-3

Уничтожает ли вера закон? Напротив: вера утверждает его.

Там же, 3:31

Грех не вменяется, если нет закона.

Там же, 5:13

Нынешние страдания — ничто в сравнении со славой, которая откроется в нас.

Там же, 8:18

Не все те израильтяне, которые от Израиля.

Там же, 9:6

Израиль чего искал, того не получил; получили лишь избранные... Но если падение его есть богатство для мира, то тем очевиднее значение его... Если отвержение его приносит мир, то чем же станет его принятие, как не воскрешением из мертвых!

Там же, 11:7, 12, 15

Кто ест, да не уничтожает того, кто не ест; и кто не ест, да не осуждает того, кто ест, ибо Бог принял его.

Там же, 14:3

Блажен, кто не осуждает себя в том, что избирает.

Там же, 14:22

Разве не знаете, что вы – Храм Божий, и Дух Божий живет в вас?

I послание к коринфянам, 3:16

Если кто из вас хочет быть мудрым в нынешнее время, тот да станет безумцем, чтобы оказаться мудрым. Ибо мудрость мира сего есть безумие перед Богом.

Там же, 3:18-19

Кто думает, что знает что-либо, тот ничего еще не знает так, как следует знать. Но кто любит Бога, тому и знание от Него.

Там же, 8:2-3

Видимое временно, а невидимое вечно.

II послание к коринфянам, 4:18

Закон добр, если кто применяет его законно.

I послание к Тимофею, 1:8

Избегай тех, кто постоянно учатся, но доискаться истины не могут.

II послание к Тимофею, 3:7

Для чистых все чисто, а для оскверненных и неверных нет ничего чистого.

Послание к Титу, 1:15

Судя по времени, вам надлежало бы быть наставниками, но вас снова нужно учить азбуке слова Божьего.

Послание к евреям, 5:12

Не неправеден Бог, чтобы пренебрег делом вашим и преданностью вашей.

Там же, 6:10

Если бы первый завет был без недостатков, то не было бы нужды утверждать другой.

Там же, 8:7

Вера есть осуществление ожидаемого и уверенность в том, что не очевидно.

Там же, 11:1

Всегда радуйтесь.

I послание к фессалоникийцам, 5:16

Все испытывайте, хорошего держитесь.

Там же, 5:21

Не спешите сомневаться и смущаться ни от духа, ни от слова, ни от послания – будто уже наступает день Христов. Да не обольстит вас никто никак: ибо день тот не настанет пока не случится отступление и не откроется человек греха, сын погибели, выдающий себя за Бога.

II послание к фессалоникийцам, 2:2-4

ТАЛМУДИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

ВВЕДЕНИЕ

Лишенные политической самостоятельности, рассеянные по миру, преследуемые за самобытность и привыкшие уже к потрясениям, евреи переживают в начальном веке христианской эры новую трагедию: разрушение Святого города, Иерусалима, и уничтожение Святой Святынь, Храма. По логике вещей трагедия эта должна была предопределить исчезновение самого народа, лишившегося теперь уже как государственности, так и символа религиозного единства. К тому же именно в этот период мир испытывает серию взрывов, выбросивших в небытие чуть ли не все национальные культуры, находившиеся в более надежных условиях, нежели еврейская. Такою взрывною силой обладала сперва греческая, затем — римская, и позже — универсалистские цивилизации христианства и мусульманства. Еврейская культура, однако, не только выстояла, но обрела в этот период новое дыхание.

Как же это случилось?

На подобный вопрос немыслимо отвечать однозначно, привлекая исключительно логические, "земные" доводы, или,

THE TALMUDIC PERIOD

INTRODUCTION

Deprived of political independence, scattered through the world and persecuted for their distinct ways, the Jews, having grown accustomed to continuous trauma, suffered a new tragedy at the beginning of the first century of the Christian era: the destruction of the Holy City, Jerusalem, and of the Holiest of Holies, the Temple. Logic dictates that this tragedy should have signaled the disappearance of the Jews as a people; they had now lost not only their statehood but the symbol of their religious unity. During this period, world history witnessed a series of explosions in which virtually every civilization, all existing under safer conditions than that of Jews, collapsed into oblivion. The Greeks had had such an explosive power; then the Romans, followed somewhat later by the universal cultures of Christianity and Islam. Jewish culture, meanwhile, not only survived, but was able to assert its vitality and uniqueness anew.

How did this happen?

Such a question cannot be answered solely by "earthly" logic or mystical divination. One thing is clear: whatever the answer,

наоборот, ссылаясь лишь на мистические понятия. Ясно одно: каким бы ни был ответ, он должен обозначить основные слагаемые еврейского духа, в пределах которого мысль чувственна, а страсть осмыслена не просто знанием, но и верой; в пределах которого преданность абстрактному Богу проявляется помимо прочего, в соблюдении обета, данного отцу, и в воспитании готовности к обновлению этого обета у потомка. Весь дух еврейский уже до наступления талмудической эпохи оказался наложен на священный обет самосохранения. Библия и Пророки убедили евреев, что этот обет обусловлен не инстинктом жизни; он одухотворен верой в то, что Израиль несет святую миссию, а посему должен жить. Миссия эта не преходяща: вести мир к Божьему Царству. Но если Библия и Пророки предложили народу программу живучести, раввины талмудической эпохи разработали его метод и к у, — как же именно выжить? Ответ был представлен ими в бесчисленных фрагментах, интерпретирующих Тору с ее 613 пунктами запретов и предписаний, следование которым должно отличать еврея от всего остального мира, отличать ведущего от ведомого. Эти "продолжения" Закона служили одной цели: "обнести Тору изгородью, ибо огороженный виноградник надежнее неогороженного" (Абот

it must reveal the essential layers of the Jewish soul, through which thoughts are always ineffably felt-grasped like passion; through which not only knowledge, but faith is comprehended. It is here that devotion to an abstract God is expressed, through the observance of a promise made to the father and renewed in each generation. Even before the Talmudic period, the Jewish ethos rested on the sacred promise of self-preservation. The Bible and the prophets convinced the Jews that this promise was conditioned not by common instincts, but by the belief that Israel was charged with a sacred mission; it was for this reason that they must live. Their mission, to lead the world to the Lord's Kingdom, was not egoistical or transient. If Bible and Prophets gave the Jews a program that would insure their vitality, the Talmudic rabbis elaborated on its practical application: survival. The answer was written in countless fragments, interpreting the Torah with its 613 restrictions and dictates, the observance of which was meant to distinguish the Jews from all other nations, to separate the leaders from the led. The infinite continuation of the Law — truly a creation of the people — served one goal: "to enclose the Torah with a fence, for a fenced-in vineyard is safer than one that is not protected" (Avoth d' Rabbim Nathan, 1:2a).

Натан, 1:2a). К 200 г. н. э. "изгородь" выглядела уже как шеститомный свод четырех тысяч канонических предписаний на любой случай жизни. Этот труд был назван Мишной, Повторением. "Повторение" азбуки и тонкостей еврейского духа и уберегло Израиль от плачевной участи тех многих народов, которым повторять было либо нечего, либо, увы, незачем.

Завершив Мишну, еврейские мудрецы отгородились от мира, уйдя в бесконечные споры вокруг новоутвержденных представлений. Эта трехвековая дискуссия, — вылившаяся в 63 трактата-комментария к Мишне, названных Гемара, Исследование, — выявила одну из характерных черт еврейского духа: его диалектичность, что помимо изощренности и демократизма приносит Израилю и долговечность. Не успокоились раввины и тогда, когда в самом начале шестого века основная опасность исчезновения еврейства казалась уже позади, и Мишна была объединена с Гемарой, названа Талмудом, Учением, и воспринята всем народом как воплощение священной мудрости, символ родины и надежных границ. Огромный материал, накопленный в раввинической среде, но не вошедший в Талмуд, был позже заново обработан, собран и назван Мидраш, Толкование, —

By the year 200, the "fence" protecting Israel from "storm and attack" had become a six-volume code of four thousand instructions governing every detail of a Jew's life and the life of Jewish people as a whole. It was called the "Mishnah": Reiteration. This reiteration of the foundations and subtleties of the Jewish spirit guarded Israel from the fate of others nations, who, some believe, had either little to reiterate, or little reason to do so.

Having completed the Mishna, Jewish sages removed themselves from the world around them, entering into endless debates over the newly advanced laws. This discussion, which lasted for three centuries, flowed into 63 tractates of commentaries on Mishna, known as the "Gemara" (Examination), and exposed a particularly Jewish trait — dialectical reasoning — which, apart from refinement and democracy, has brought Israel lasting vitality. The rabbis continued their efforts through the beginning of the sixth century, even though the underlying threats to Jewish life appeared to have passed. The Mishnah was united with the Gemara under the name "Talmud" — Teaching — and accepted by the people as the embodiment of wisdom, the symbol of their sacred homeland, of safe boundaries. A wealth of material, accumulated in rabbinic circles but not incorporated into the Talmud, was

еще одна изгородь, обнесенная вокруг Торы.

Между тем, ни одна из изгородей, сохранивших Израилью жизнь, не "отняла" его от остального мира. Мудрость — это также чувство меры, — и талмудисты это понимали: "Обносить Тору слишком высокой изгородью не смейте, ибо изгородь может рухнуть, — и погибнут насаждения, которые ей следовало защитить" (*Абот Натан, 1:2a*).

later worked over and compiled into the "Midrash" (Interpretation), forming yet another fence around the Torah.

None of those fences, however, "closed" Israel "off" from the rest of the world. Wisdom also implies a sense of tact and balance, concepts the Talmudists apparently understood: "One must never enclose the Torah with too high a fence, for a fence can collapse and the fields it was meant to protect will wither." (*A v o t h d' R a b b i N a t h a n, 1:2a*).

МИШНА

Раббан Гамалиел говорил: "Найди себе учителя, избегай сомнительных вещей и не обрекай себя на неясности".

Симеон, сын его, сказал: "Всю свою жизнь я провел среди мудрецов, и вот я нахожу, что нет ничего лучше, чем молчание. Главное не учиться, но действовать. И тот, кто разглагольствует, не боится греха".

Раббан Симеон бен Гамалиел сказал: "Мир держится на трех вещах – Истине, Законе и Мире".

Раббан Гамалиел, сын Рабби Иегуды Принца, сказал: "Предаваться будничным заботам так же хорошо и обязательно, как заниматься Торой, ибо в этом случае не остается времени грешить".

Рабби Элиезер сказал: "Честь товарища твоего да будет дорога тебе, как собственная; и не будь скоропалителен в злобе твоей; а еще учись вовремя раскаиваться. Грейся у костра знаний, но избегай углей раскаленных, дабы не обжечься. Знание кусается, как лиса, а плоть у него – скорпионья".

Рабби Иегошуа сказал: "Злой глаз, злое желание и злобная душа отвращают человека от мира".

Рабби Йосе сказал: "Благополучие товарища твоего да будет тебе дорого, как твое собственное. И еще заставляй себя изучать Тору, ибо знание это не наследуется. И все дела твои посвящай Царству Небесному".

Рабби Симеон сказал: "Не произноси молитвы бездумно и бесстрастно, но да будет молитва твоя искренней и горячей мольбой Богу".

Рабби Элазар сказал: "Будь жаден до изучения Торы и умеи пристыдить маловеера".

Акавья бен Махалалел сказал: "Помни о трех вещах – и тебя не возьмет никакой порок: знай, откуда ты пришел, куда идешь и перед кем тебе отчитываться. Откуда ты? Ты произошел из зловонной жидкости. Куда идешь? В пыль, к червякам и личинкам. Перед кем отчитываться? Перед Царем Царей, перед Всевышним, да святится имя Его!"

Рабби Ханина, из священников, сказал: "Молись за устойчивость правительства, ибо там, где нет страха перед правительством, люди станут глотать друг друга живьем".

Рабби Симеон сказал: "Если трое едят за одним столом и при этом не произносят ничего из Торы, то это как если бы они съели из того, что предназначено для мертвецов, в жертву усопшим".

Рабби Ханина бен Хачинай сказал: "Тот, кто думает лишь о себе, — угрожает своему благополучию".

Рабби Ханина бен Доса говаривал: "Если чьи-нибудь деяния значительнее его знаний, то знания эти действительны, но если знания значительнее деяний, такие знания тщетны". Он сказал также: "Дух Божий почивает именно на том, кого избирает дух человеческий".

Рабби Ишмаил сказал: "Будь послушен с повелителем, любезен с просителем и дружелюбен с остальными".

Рабби Акиба сказал: "Насмешливость и сквернословие ведут к похотливости. Традиция охраняет Тору; часть поддерживает целое; обет ограждает истину; и молчание утверждает мудрость".

Рабби Элезар бен Азария сказал: "Где нет Торы, нет и очищения; и где нет очищения, не может быть и Торы. Где нет мудрости, не может быть никакого почитания; и где нет почитания, не может быть и никакой мудрости. Где нет знания, не может быть никакого проникновения; и где нет проникновения, не может быть и никакого знания. Где нет никакой пищи, не может быть и Торы; и где нет Торы, не может быть и пищи".

Бен Зома сказал: "Кто мудр? Поучающийся у каждого. Кто силен? Владующий своими чувствами. Кто богат? Довольствующийся малым. Кто почитаем? Почитающий всех".

Бен Азай говаривал: "Не пренебрегай никем и не считай ничего невозможным, ибо каждый человек имеет свой час и все имеет свое место".

Рабби Левитас из Явне сказал: "Будь скромн, очень скромн, ибо участь человека — черви".

Рабби Иоханан бен Борока сказал: "Тот, кто оскверняет Бога тайно, будет наказан явно, и наказания этого не избежать — независимо от того, осквернил ли он Бога по неведению или по злобе".

Рабби Меир сказал: "Если начнешь отвергать Тору, то с каждым разом будешь находить все новые и новые причины отвергать ее".

Рабби Яннай сказал: "Нам не дано понять причины благоденствия грешников, так же как не дано понять причины бедствования праведников".

Рабби Маттатия бен Хараш сказал: "Спеши приветствовать людей, и будь лучше львиным хвостом, чем лисьей главой".

Рабби Симеон бен Элезар сказал: "Не пытайся успокаивать товарища своего, когда он в ярости, или утешать, когда он в отчаянии, или задавать вопросы, когда он дает обет; и не пытайся смотреть на него в час позора".

Рабби Самуел Младший сказал: "Не радуйся, если враг твой падет, и не ликуй, если он споткнется".

Рабби Элеазар ХаКаппар сказал: "Зависть, алчность и гордыня отвращают человека от мира".

Бен Баг-Баг сказал: "Не пытайтесь возвыситься, и не ищите чести большей, чем заслуживаете. Не усаживайтесь за царский стол, ибо собственный стол лучше царского, так же как собственный венец лучше царского венца".

* * *

Существует четыре типа людей:

Обыкновенные люди говорят так: то, что мое — мое, и то, что твое — твое;

чудаки говорят: то, что мое — твое, и то, что твое — мое;

святые говорят: то, что мое — твое, и то, что твое — твое;

порочные говорят: то, что мое — мое, и то, что твое — тоже мое.

Существует четыре типа характеров:

одни люди легко возбуждаются и легко успокаиваются; ошибка исправляется тут благочестием;

другие медленно возбуждаются, но медленно и успокаиваются; истина извращается тут ошибкой;

третьи медленно возбуждаются, но легко успокаиваются, — добрые люди;

четвертые легко возбуждаются, но неохотно успокаиваются, — то люди злые.

Существует четыре типа учеников:

первый быстро учится, но быстро и забывает, — природный дар испорчен тут явным недостатком;

другой учится медленно, но медленно и забывает, — природный недостаток скрашен достоинством;

третий быстро учится и медленно забывает, — счастливый ученик;

четвертый медленно учит и быстро забывает, — никудышный ученик.

Существует четыре типа людей, раздающих милостыню:

человек, раздающий милостыню, но не желающий, чтобы так же поступали и другие;

человек, желающий, чтобы раздавали другие, но не он;

человек, раздающий и желающий, чтобы раздавали и другие;

человек, не раздающий милостыню и не желающий, чтобы ее раздавал кто-нибудь другой.

ГЕМАРА

Как-то в Риме еврейских старейшин спросили: Если Богу вашему ненавистны идолы, отчего Он их не уничтожит?" Они ответили: "Видите ли, если б люди преклонялись вещам, в которых бы мир не нуждался, то такие вещи Он бы уничтожил. Но станет ли Он разрушать мир Свой из-за дураков?" Спросившие возразили: "В таком случае Он обязан уничтожить то, в чем нет никакой нужды, и оставить лишь вещи, которые необходимы". Старейшины сказали: "Тогда бы почитатели звезд, солнца и луны укрепились в своем идолопоклонстве, ибо стали бы говорить: "Смотрите! Вот истинные божества, ибо их невозможно уничтожить".

Абода Зара, 54в

Однажды, когда Рабби Самуел приехал в Рим, он нашел на улице браслет, принадлежащий королеве. Королевский глашатай поехал по всей стране, выкрикивая указ: "Если кто найдет и вернет браслет в течение 30 дней, он получит то-то и то-то; если же браслет будет найден у кого-нибудь через 30 дней, ему снесут голову". Рабби Самуел, однако, не вернул браслета, пока не прошло ровно 30 дней. Когда же он, наконец, вернул его, королева спросила: "Слышал ли ты мой указ?" "Слышал", – ответил он. "Почему же тогда не вернул браслет в срок?" "Да потому, – ответил он, – чтобы ты не подумала, будто боюсь я именно тебя. Боюсь я не тебя, а Бога". И королева воскликнула: "Да славится Бог евреев!"

*Т.И., *Мессия, 2:5*

Рабби Меир сказал: "Взывая к Богу, будь немногословен".

Беракот, 61а

Реб сказал: "Если кто не спокоен, он не вправе молиться. Рабби

* Тут и далее Т.И. является аббревиатурой Талмуда Иерусалимского, окончательная редакция которого относится к более позднему периоду, чем завершение работы над составлением пользующегося бóльшим авторитетом Вавилонского Талмуда, т.е. собственно Талмуда.

Ханина не молился, если был возбужден”.

Эрубин, 65a

Рабби Иоханан сказал: ”Тот, кто молится Богу чаще, чем следует, будет отвергнут в мире”.

Мегилла, 18a

Реб сказал: ”Тот, кто вправе помолиться за соседа, но не делает этого, должен быть признан грешником”.

Беракот, 12б

Горошинка зерна, – и та не повторяет в точности себе подобную.

Т.И., Санхедрин, 4:9

Для прославления имени Своего господь Бог в день творения создал лишь одного единственного человека: когда человек чеканит монеты, все они – на одно лицо, но Господь Бог, хоть и создавал людей по образу и подобию Адама, создал их всех неодинаковыми. Посему каждый человек вправе сказать: ”Мир сей создан для меня”. Создав поначалу одного только человека, Бог хотел внушить каждому, что уничтожение одного человека – такой же грех, как уничтожение всего мироздания, а спасение одной жизни засчитывается за спасение всего человечества.

Там же, 4:5

В день сотворения человек был создан в единственном числе именно для того, чтобы никто никому не мог сказать: ”Родитель мой был знатнее твоего”.

Там же, 37a

Для чего человек был создан в единственном числе? Для того, чтобы нельзя было сказать, будто одни народы лучше других.

Там же, 7б

Явнинский рабби любил приговаривать: ”Я – Божья тварь, и сосед мой – тоже Божья тварь: я работаю в огороде, он – в поле; я поднимаюсь утром рано, и он поднимается рано. Он не может превзойти меня в моей работе, я – в его. Вы можете возразить, что я творю дела великие, а он – малые. Но ведь сказано: если человек открыт душою

небесам, не имеет значения что он творит – большое или малое.

Берахот, 17а

Из десяти частей страданий девять – в Иерусалиме, и одна – во всем остальном мире.

Абот р. Напаха, гл. XLVIII

Дети мои, не горевать немислимо, но и черсчур скорбеть тоже нельзя. Сказали мудрецы: человек пусть белит дом свой, но пусть оставляет небольшое место невыбеленным в память о Иерусалиме; пусть он заготавливает себе все, что необходимо для пиришества, но допустит небольшое упущение в память о Иерусалиме; пусть женщина украсит себя, но опять же допустит маленькое упущение в память о Иерусалиме.

(Сказано Рабби Иисусом в ответ на "подвижничество" фарисеев, отказавшихся от мяса и вина в знак скорби по разрушенному Иерусалиму).

Сота, 9:15

Рабби Иоханан сказал: "Израильтяне – как оливковые плоды: подобно тому, как плоды эти исходят маслом лишь под бременем тяжелого пресса, так и израильтяне только в страданиях обретают истину".

Менахот, 53б

Израиль подобен винограду: главы семей – это ветви, ученые мужи – плоды, а невежды – кожура.

Хулин, 92а

Израиль – как виноград. Виноград топчут ногами, но вино удостаивается позже царского стола. Так же и Израиль: притесняемый, он обретет когда-нибудь истинное величие.

Недарим, 49б

Только когда вы, израильтяне, ведете себя, как дети Господни, вы и заслуживаете именоваться Его сынами.

Кидушин, 36а

Праведные дела, совершенные неевреями, напоминают Богу греховность Израиля. Если те, кому не дана была Тора, вершат добрые дела, то каковы же должны быть дела тех, кому она дана!

Баба Батра, 10а

Рабби Осия сказал: "Бог был милостив к Израилю, рассеяв евреев среди разных народов".

Песахим, 87б

Бог рассыпал народ Свой по всей земле, ибо только так народы земли могли вызвать к себе Божию милость.

Там же

"И ангел Божий объявился ему посреди горящего куста". Один язычник спросил у Рабби Йошуа бен Кара: "Отчего это Всевышний решил заговорить с Моисеем из горящего куста?" Рабби ответил: "Если б то был не куст, а рожковое дерево или сикомора, ты б все равно задал подобный вопрос. Но как бы то ни было, я не хочу оставить тебя без ответа. Итак, почему именно из колючего кустарника? Чтобы научить тебя, что Бог присутствует всюду, даже в колючем кустарнике". А Рабби Иоханан на тот же вопрос ответил так: "Подобно тому, как колючий кустарник идет на садовую ограду, Израиль служит оградой всему миру."

Там же, 12а

"И размножу семя твое, как звезды на небе, и как песок на берегу морском". Рабби Иегуда бен Иллай объяснил эти слова так: "Израиль уподоблен тут пыли и звездам. Когда он падает, то падает он в грязь, когда же поднимается, — достигает звезд".

Там же, 87а

Да будешь благословен Ты, Бог наш Всевышний и Царь Вселенной, наделивший мудростью все народы и все языки.

Берахот, 58а

Всякий, кто отвергает идолопоклонство, вправе зваться евреем.

Мегилла, 13а

Рабби Меир сказал: "Иноверец, живущий праведной жизнью, подобен первосвященнику".

Абода Зара, 3а

Бог сказал: "И иноверец, и израильтянин – оба дети Мои; как же могу Я позволить первому погибнуть ради второго?!"

Санхедрин, 98б

Сказал Рабби Танхума: "Если нееврей благословит тебя, скажи "Аминь!", ибо написано: "И будешь ты благословлен всеми народами".

Т.И., Берахот, 8б

Обмануть иноверца – даже хуже, чем обмануть еврея, ибо помимо нарушения морального закона подобный поступок вызывает презрение к религии Израиля и наводит тень на имя Всевышнего.

Баба Кама, 11б

Римский сенат пытался однажды утвердить закон, запрещающий соблюдение субботнего праздника и ритуала обрезания. Рабби Реубен решил перехитрить врагов: выдав себя за римлянина, он предстал перед сенатом и сказал: "Презирая евреев, этим вот законом вы сделаете их богаче, ибо работать будут они уже не шесть, а все семь дней в неделю". Сенат точас же снял с повестки дня первый вопрос, и Рабби Реубен продолжил: "Если же вы запретите им соблюдать обряд обрезания, то не будет у них и недомоганий, связанных с обрезанием". Так была упразднена и вторая часть закона.

Мегилла, 17а

Рабби говорят: если кто-нибудь придет к вам и выразит желание перейти в еврейскую веру, спросите его: "Почему тебе хочется стать евреем? Знаешь ли ты, что сынов Израиля грабят, травят, преследуют и истязают, знаешь ли, что они постоянно страдают?" Если он ответит: "Знаю, но думаю не об этом", – принимайте его без лишних слов.

Йебамот, 47а

Высшая мудрость – это доброта.

Берахот, 17а

Доброе деяние равносильно выполнению сразу всех заповедей.

Т.И., Петах, 1:1

Люби соседа, как самого себя, – вот главное правило в Торе.

Т.И., Недарим, 9:4

Тора начинается и кончается прославлением любви и доброты.

Сота, 14а

Доброта говорит Торе: Ты прекрасна лишь тогда, когда тебя украшаю я; ты напоминаешь прекрасную женщину, которая для ухода за своей красотой нуждается в служанке.

Галахот Гедолот

Если из двоих, взывающих к тебе о помощи, один – враг, помоги сперва врагу.

Баба Меция, 32б

Раздавание милостыни и добрый поступок равносильны выполнению всех заповедей Торы, но добрый поступок следует ставить выше. Милостыню раздают лишь живым, тогда как добрый поступок адресован и мертвым; милостыню отдают лишь нищим, а добрый поступок рассчитан не только на нищих; милостыня выражается лишь в деньгах, но добрый поступок проявляет себя многообразно.

Сукка, 49б

Встречающий тебя с улыбкой лучше встречающего с молоком.

Кетубот, 111б

Если кто отдаст нищему монету, над ним свершатся шесть благословений, но тот, кто утешит нищего добрым словом, заслуживает одиннадцать.

Баба Батра, 9б

Рабби Барух из Зузы посещал обычно рынок в городе Лапет. Однажды объявился ему там пророк Илья, у которого Рабби Барух спросил: "Есть ли среди всего этого народа хоть один человек, кто заслуживает себе места в Грядущем Царстве?" "Нет", – ответил Илья, но заметив в толпе двоих мужчин, тотчас же поправился: "Вот эти двое, впрочем, удостоятся Царства". Рабби Барух подошел к ним и спросил: "Что вы тут делаете?" Те ответили: "Мы – пересмешники, весельчаки; мы разнимаем дерущихся и замиряем их".

Таанит, 22а

Если, скажем, группа евреев окажется в плену у бандитов-язычников, а те говорят: "Оставьте одного из вас с нами, не то прикончим вас всех", — должны погибнуть все, ибо никто из израильтян не должен быть оставлен язычникам.

Санхедрин, 84а

Тот, кто раздает милостыню втайне, величественнее Моисея.

Баба Батра, 9б

Кто обещает и дает, получает награду за обещание и за дело; кто обещает, но не может выполнить обещанного, получает награду за обещание; кто сам не обещает, но побуждает дать другого, получает награду за свои слова... Если человек, хотя сам и не обещает, не дает, и других не побуждает, но успокаивает нуждающегося словом, то и тогда ему полагается награда.

Пеах, 8:4, 17

Два ученика Рабби Ханины, которые, подобно своему учителю, разуверились в силе волшебства, пошли как-то в лес раздобыть немного хворосту. Там они повстречали астролога, предсказавшего им, что они не вернутся живыми домой. Слова эти, однако, не смутили их. По дороге встретили они старика, попросившего еды. Располагая одною единственной буханкой хлеба, они поделили ее со стариком. После возвращения их в свой дом люди, знавшие о предсказании, обратились к астрологу: "Не лжива ли твоя наука?" В ответ тот предложил ученикам Рабби Ханины развязать вязанки хвороста, привезенного ими из лесу: в каждой из них оказалось по змее. "Что же вы такое совершили, чем заслужили избавление от верной смерти?" — спросил он. "Ничего кроме того, что отдали страннику полбуханки хлеба". Астролог тут воскликнул: "Что же я могу поделать, если еврейского Бога можно задобрить полбуханкой хлеба?!"

Санхедрин, 39б

Милостыня не знает ни расы, ни веры.

Гиттин, 61а

Рабби Йоханан сказал: "Пока существовал Храм, Израиль искупал вину на алтаре, но теперь вину каждого человека искупает его стол (за которым могут питаться бедняки)".

Берахот, 55а

Раздавайте милостыню, но остерегайтесь раздать все, что имеете.

Аракин, 28a

Кто дает взаймы бескорыстно, лучше того, кто дает милостыню; но лучше всех тот, кто вкладывает деньги в дело бедняка.

Шаббат, 63a

Рабби Иона сказал: не написано – "Блажен, кто подает нищему", но написано – "Блажен, кто обращает внимание на нищего" (Псалом 41). Иными словами, блажен, кто размышляет над тем – как же следует выполнить заповедь о помощи нищему.

Т.И., Пеах, 9:21б

Однажды по пути в тиберийские бани Рабби Йоханан и Рабби Симеон бен Лакиш встретили бедняка, просившего милостыню. "Потом, потом, на обратном пути", – сказали они и прошли мимо. Однако к тому времени, когда они возвращались из бани, бедняга скончался, и они решили: "Поможем ему хотя бы сейчас". Убирая труп для погребения, они нашли у него в кармане кошелек, наполненный серебряными монетами и вспомнили слова, сказанные Рабби Абаху: "Мы обязаны подавать даже обманщикам, ибо если не будем верить никому, можно обидеть и неpritворщика, за что потом будем наказаны".

Там же, 8:9

Акиба сказал: "Лучше уж работать в субботние дни, нежели просить милостыню у товарища".

Песахим, 112a

Кто ест от хлеба товарища своего, тот избегает смотреть ему в глаза.

Т.И., Пеах, 1:3

Кто не нуждается в милостыне, но принимает ее, не умрет прежде, чем вправду станет нуждаться в ней; кто нуждается, но не принимает, не умрет прежде, чем обретет возможность подавать другим. Кто не хром и не слеп, но выдает себя за такого, не умрет прежде, чем вправду станет хромым и слепым.

Там же, 8:9

Мар Укба имел обыкновение посылать своему нищему соседу на Йом Кипур какую-то сумму денег. Однажды сын его, которому

надлежало передать соседу деньги, доложил отцу: "Я не дал ему никаких денег, ибо сосед наш сидит и попивает доброе старое вино". И отец сказал: "Что ж, если наш сосед обладает изощренным вкусом, следует удвоить подаяние".

Кетубот, 67б

Когда умирает мудрец, это значит, что каждый человек теряет своего близкого, и посему каждый оплакивает его.

Шаббат, 105б

Ученый лучше пророка.

Баба Батра, 12а

Увидеть умершего мудреца – увидеть сгоревший свиток Торы. Рабби Абаху говаривал: "Я пощусь в этот день".

Т.И., Моед Катан, 3

Рабби Хийя бар Абба, собравшись выехать из Палестины по торговым делам, попросил патриарха Иуду дать ему рекомендательное письмо. Тот написал в нем: "Знайте же все, что податель сего – муж великий. Величие его в том, что когда его спрашивают о вещах ему неизвестных, он не стыдится признаться, что вещей этих не знает и ничего о них не слышал от своих наставников. Он – наш полноправный представитель, и со всеми нами общается на равных".

Т.И., Хагига, 1

Нескольким рабби предстояло совершить некую сделку с римской кокоткой, вращавшейся в высших кругах. "Кто же к ней из нас пойдет?" – задумались они. Вызвался Рабби Йошуа, и вместе с учениками направился к римлянке. Подойдя к ее дому, он снял с себя филактерии, толкнул дверь и закрыл ее за собой. Ученики терпеливо ждали Рабби, который, наконец, появился на пороге, безмолвно зашагал к себе домой, и, тщательно там выкупавшись, обратился к ним: "Скажите, о чем вы подумали, когда я снял с себя филактерии?" "Мы подумали, что учитель не решился идти в нечистый дом со святыми атрибутами". А когда я закрыл за собою дверь?" "Мы подумали, что у тебя к ней дело секретное". "А когда я позже выкупался?" "Мы подумали, что при беседе кокотка случайно забрызгала тебя слюной". И Рабби произнес: "Так ведь все и было; и вот, подобно тому как благосклонно судили вы меня, так же благосклонно будет судить вас и Бог".

Шаббат, 127б

Императорская дочь спросила как-то у Рабби Иошуа бен Хананья, известного своей уродливостью: "Как же это твой Бог допустил, чтобы великая мудрость покоилась в отвратительном сосуде?" Тот ответил: "Знаешь ли ты, отчего отец твой хранит вино в глиняных сосудах?" "Где же их еще держать?" – спросила она. "Люди вашего ранга могут держать вино в серебряных и золотых сосудах". Вскоре после разговора дочь уговорила отца перелить вино в сосуды из серебра и золота; вино, конечно же, скисло. Император вызвал к себе Рабби и потребовал объяснить причину его губительного совета. Рабби Иошуа ответил: "Я желал убедить твою дочь, что, подобно вину, мудрость следует хранить именно в неказистых сосудах". "А разве не бывает ученых с приятной наружностью?" – удивилась дочь. "Бывает, – ответил Рабби, – но будь уродливыми, они были бы мудрее".

Таанит, 7а

Рабби Иоханан сказал: "Слова Торы остаются лишь с тем из мужей, кто не строит на свой счет никаких иллюзий".

Сота, 21б

Кто лишь учится, но не обучает, тот подобен мирту в пустыне, от которого никому никакой пользы.

Рош Ашана, 23а

Ученик вправе задать вопрос учителю лишь в том случае, если уверен, что тот способен ответить. Не иначе.

Хулин, 6а

Если экзаменующийся заметит ошибку у экзаменуемого, он обязан его поправить.

Санхедрин, 6б

Раб Хисда сказал: "Для того, чтобы изучить Тору, лучше ходить к кому-нибудь одному из учителей, но для того, чтобы обсуждать ее, ходите сразу к нескольким. Различные толкования помогают понять Тору глубже.

Абода Зара, 19а

Рабби Иоханан сказал: "Всевышний, слава Ему, дает мудрость лишь тому, кто мудр".

Берахот, 55а

Рабби Меир выказывал огромное уважение к старцу, пусть даже

старец был невеждой, ибо считал, что "долгая жизнь не может быть дарована человеку ни за что".

Т.И., Биккурим, 3:3

Реб Иосиф, услышав шаги приближающейся к нему матери, говорил: "Надо встать, – идет Шехина (Святой Дух)".

Кидушин, 31a

Если убийца смешался среди людей, то свободны все. Если приговоренные к казни смешались между собой, то их казнят самым легким способом.

Санхедрин, 9:3

Никто не вправе доносить на себя.

Йебамот, 25б

Фиговое дерево не "упраздняется" ради виноградника.

Килаим, 6:4a

Нельзя объявлять человека виновным в его отсутствие.

Кетубот, 11a

Отсрочение выполнения приговора равносильно его отмене.

Санхедрин, 95a

Сущность благих дел заключается в благих намерениях.

Мегилла, 20a

Существует семь разновидностей воров и лжецов, но худшие из них те, кто лгут друзьям. Те, например, кто уговаривают ближнего навредить им, хотя вовсе того не желают. Или же те, кто предлагают ближнему подарок, хотя знают, что ближний подарка не примет.

Тосефта Баба Кама, 7:8

Какая бы ни случилась беда, лучшее лекарство – молчание.

Мегилла, 18a

Если молчаливость красит мудреца, - то на сколько же ценнее она для глупцов!

Песахим, 98б

Для чего человек сотворен именно на шестой день? Для того, чтобы если возгордится, ему было сказано: вспомни, что блоха сотворена прежде тебя.

Санхедрин, 38а

Конец мудрости – покаяние.

Берахот, 17а

О, куца Моисеева! Не оттого, что высока ты, но оттого, что приземиста и объявился Господь среди тебя.

Шаббат, 67а

Рабби Ханина бен Хама сказал: "Все – во власти небес, кроме страха небесного. Бог определяет – чем выпадет заниматься тому или иному человеку, и от чего он падет; но не Бог, а сам человек предопределяет – быть ему праведным или нет".

Нидда, 16б

Если кто-нибудь устоит против соблазна один раз, потом – второй, а потом – третий, то дальше его оградит от греха сам Бог.

Т.И., Кидушин, 1

Если кто-нибудь совершает один и тот же грех дважды, – он кажется ему уже дозволенным.

Йома, 87а

Когда Рабби Иоханан бен Закаи умирал, его навестили ученики и попросили благословить их напоследок. Он произнес: "Вот что скажу вам: да будет страх ваш перед Богом таким же сильным, как страх перед человеком!" Ученики удивились: "А разве Господа страшиться следует не сильнее, чем человека?" Он ответил: "Верно, но чего же еще пожелать вам, если все вы станете бояться грешить в одиночестве, на виду одного лишь Господа, не меньше, чем побоялись бы согрешить на глазах всего народа".

Берахот, 28б

Каждый грешит лишь за себя.

Баба Меция, 8а

Все, что продано пьяным человеком, считается проданным, а все, что куплено им — купленным. Если пьяный добыл капитал путем преступным, его следует наказать. Во всех вещах и во всех делах с пьяного следует взыскивать как с трезвого.

Эрубин, 65а

Подобно тому, как запрещено разрешать то, что запрещено, запрещено и запрещать то, что разрешено.

Т.И., Терумот, 5

Из двух пререкающихся прав тот, кто умолкает первым.

Кетубот, 71б

Запрещена любая ложь, если только она не способствует миру и покою.

Барита Перек Ашалом

Худший вид воровства — заимствование чужой мысли.

Тосефта Баба Кама, 7:8

Рабби Иоханан бен Торта сказал: "Из-за чего был разрушен Первый Храм? Из-за того, что израильтяне поклонялись идолам, развратничали и убивали. Однако во дни Второго Храма они честно служили Торе и исправно выплачивали десятину; из-за чего же тогда был уничтожен и этот Храм? Ответ в том, что они, люди, ненавидели друг друга. Это учит тому, что ненавистничество есть тяжкий грех перед лицом Господним, грех столь же позорный, сколь позорны идолопоклонство, разврат и убийство".

Тосефта Менахот, 13:22

Если ты человек меча, тебе не позволено объявлять себя человеком Книги; если же ты — человек Книги, тебе не стать человеком меча.

Абода Зара, 17б

Ограбление человека — грех более удручающий, нежели ограбление Бога.

Баба Батра, 88б

Воровство — такой же грех, как поклонение идолам.

Семахот, 2:1

Почему Тора призывает к тому, чтобы укравший скотину, зарезавший ее и продавший мясо, должен уплатить штраф в четыре или в пять раз превышающий стоимость украденного? Потому, что такой человек не только ворует, но насаждает раздор и обиду.

Баба Кама, 68a

Не воруй у вора того, что он украл у тебя.

Т.И., Санхедрин, 8:3

Когда нечего красть, вор становится блюстителем закона.

Санхедрин, 22a

Кого следует считать раскаявшимся? Рабби Иуда сказал: "Того, кто удержится от греха, если ему снова предоставить возможность согрешить."

Йома, 86б

Кого из благочестивых можно считать глупцом? Того, например, кто при виде тонущей женщины говорит себе: "Притрагиваться к женщине запрещено, а посему и спасать ее не позволено".

Сота, 21б

Кто причиняет себе мучения и боль, воздерживаясь от какого-нибудь желания, тот должен зваться грешником.

Назир, 19a

Многие рабби осуждают самоограничения. Рабби Исаак, например, сказал: "Разве Закон запрещает вам так мало, что вы вынуждены подумывать о дополнительных запретах ?!"

Т.И., Недарим, 41

Реб сказал: "В Судный день каждый будет осужден, если ему случалось воздерживаться от того, чего он желал всею душой".

Т.И., Кидушин, 9:12a

В Грядущем Царстве спросится с каждого, кто, пожелав чего-нибудь поесть, отвернулся и не поел.

Там же

Рабби Йосе сказал: "Чрезмерно поститься не позволено никому,

дабы никто не оказался обузой для окружающих и не заставил их заботиться о себе”.

Тосефта Таанит, 2:12

Нет лекарства против глупости.

Гиттин, 70б

Когда в кувшине мало монет, — он звенит; когда же он полон, — безмолвствует.

Баба Меция, 85б

Когда мысль не впечатляет, — спешно приводят тысячи доводов.

Т.И., Берахот, 2:3

Жемчуг — везде жемчуг. Если кто потерял его, то потерял его только он.

Мегила, 15а

Украшение украшает только красивого человека.

Т.И., Недарим, 9

Уши твои да слышат все, что говорит язык твой.

Т.И., Берахот, 2:4

На каждый час довольно своего горя.

Берахот, 9а

Бог любит троих: того, кто не гневится попусту; того, кто не перепивается; и того, кто не настаивает на своих привилегиях.

Бог презирует троих: того, кто говорит одно, а думает другое; того, кто может быть свидетелем защиты, но избегает этого; и того, кто, являясь единственным очевидцем преступления своего ближнего, дает показания лживые.

Существует три типа людей, не понимающих жизни: склонные к беспричинному гневу, чересчур благодушные и чересчур привередливые.

Песахим, 113а

Существует три типа людей, жизнь которых мало чего стоит: те, кто питаются за чужим столом; те, которыми повелевают жены; и те, кого постоянно мучают болезни.

Беца, 32б

МИДРАШ

Разве может еврей оказаться хоть где-нибудь пришельцем? Куда бы он ни пришел, Бог его — с ним.

Дебарим Рабба, 2:16

Почему Израиль сравнивают с голубем? Любая птица, выбившись из сил, присаживается на камень или ветку, — только не голубь. Когда голубь устает, он продолжает парить: подобрав одно крыло, летит на другом.

Берешит Раба, 39:10

Чем же Израиль напоминает песок? Стоит вам утром выкопать в песках ямку, — к вечеру она залетает новым песком и выравнивается. Так же — с Израилем.

Песикта Бубер, 139

Израиль — что песок. Подобно тому, как песок передвигается с места на место безо всякого шума, без всяких жалоб и причитаний, — кочует и Израиль из края в край.

Вступление к Танхума Бубер, 134

Подобно тому, как все опирается на землю, каждый народ опирается на Израиль. Но подобно тому, как земля долговечнее любой постройки, Израиль переживает все народы.

Берешит Раба, 41:9

Подобно тому, как мирт сладок для обоняющего его и горек для едящего, Израиль приносит процветание благосклонному к нему народу, но обрекает на позор и падение тех, кто к нему недобр.

Эстер Раба, 6:5

Рабби сказал: "Нет ничего величественнее мира и покоя, и даже когда израильтяне кланяются служащим миру идолам, Бог молвит так: "Такое идолопоклонство не наказывается".

Берешит Раба, 38:6

Сказано (Исход, 32:9): "Присмотрелся я к этому народу и вижу – жестоковыйный народ". Комментируя эти слова, Рабби Иоханан сказал: "Вот три непокорных существа: из животных – пес; из птиц – петух; из людей – Израиль". Но Рабби Амми добавил: "Не следует, однако, думать, что это – хула; это – похвала, и сказано это во славу Израиля, ибо быть евреем – значит стоять на своем и быть готовым к любым страданиям".

Шмот Раба, 42:9

Рабби Аха сказал: "Еврей – печальное зрелище, если он обретает возможность пренебрегать гнилыми плодами. Бедность идет ему так же, как красная попона белому скакуну".

Бамидбар Раба, 13:4

Возлюбившие детей Моих возрадуются с детьми Моими.

Шмот Раба, 18

Когда в мир приходит печаль, первым чувствует это Израиль. Когда забрезжит первый луч, первым видит его опять же Израиль.

Эка Раба, 2:3

Процветающему еврею иноверцы говорят так: "Мы – братья твои". Но еврея споткнувшегося они сбивают с ног.

Берешит Раба, 37

Один император приходит, другой уходит, но евреи пребывают вовеки.

Дерек Эрец Зута

Когда разбойники из иноверцев грабят еврея, они считают, будто совершают не преступление, но правосудие.

Бамидбар Раба, 10:2

Дождь в засуху – благодать гораздо большая, нежели Закон Божий, ибо Закон дан Израилю, а дождь – не только ему.

Мидраш Теилим, 117:1

Если ты приучил язык к злословию по адресу иноверцев, – в конце концов будешь бранить и израильтян.

Дебарим Раба, 6:9

Рабби Симеон бен Элазар сказал: "Может ли человек, недвижно сидящий на месте и хранящий молчание, утверждать мир между людьми во Израиле? Не лучше ли, если б он рыскал по свету и искал Израиль мир? Ищите мира не только на своем месте, – утверждайте его всюду".

Абот Р. Натан, 12:26а

Чем может быть полезен миру человек, если по складу ума он в ученые не годится? В этом случае он обязан посвятить себя общественным делам и заботиться о всеобщем благоденствии.

Ваикра Раба, 25

Рабби бен Йохаи, иллюстрируя истину, согласно которой грех отдельного человека приносит вред не только самому грешнику, поведал такую историю: "Однажды несколько мужчин плыли в лодке по морю. Один из них вынул из кармана сверло и стал дырять им прямо под своим сиденьем. Товарищи его встревожились, но он ответил: "Какое вам дело?! Разве я сверлю не под своим сиденьем?!"

Там же, 4:6

Дверь, закрытую для нищего, придется открыть для врача.

Берешит Раба, 32:3

Рассказывают, что Рабби Иоханан бен Закай гулял как-то в сопровождении своего ученика Рабби Йошуа в окрестностях Иерусалима. При виде разрушенного Храма Йошуа воскликнул: "О, горе нам! Место, где Израиль искупал свою вину за беззакония свои, выжжено и опустошено!" Рабби Иоханан возразил: "Не печалься, сын мой, ибо каждому из нас оставлена не худшая возможность искупать свою вину; я имею в виду подаяние милостыни. Сказано ведь в Писании: "Мне угодны пожертвования, а не жертвоприношения" (Осия, 6:6).

Абот Р. Натан, 4:5

Кто раздает немного из честно заработанных денег, лучше того, кто раздает много из сокровища, добытого мошенничеством.

Когелет Раба, 4

Рабби Акиба сказал, что суд, вынесший утром смертный приговор, должен прекратить свою работу на весь остальной день, ибо сказано в Торе: "Не ешь того, что в крови" (Левит, 19:26).

Сифра, 90б

Симеон бен Шета сказал: "Если судишь двоих, тяжущихся между собой, и один из них беден, — не смей думать, будто верить надо словам бедняка".

Абот Р. Натан, 20:22а

К чему судья, если нет исполнителя?

Танхума Шофетим, 2

Смысл всего сущего станет яснее, если вспомнить царя, который, держа в руках несколько пустых кубков, произнес такие слова: "Если залить кубки кипятком, они могут расплавиться, если же залить их ледяной водой, они могут треснуть". Потом он смешал ледяную воду с кипятком, слил ее в кубки, и все они остались целы и невредимы. Точно так же рассуждал и Бог: "Если создать этот мир по принципу всепрощения и милосердия, он навсегда погрязнет в грехах; если же подчинить его исключительно принципу наказания и правосудия, его невозможно будет стерпеть. Посему я смешиваю меж собой оба эти принципа, и мир окажется сносен".

Берешит Раба, 12:15

Когда царь Давид завершил работу над Книгой Псалмов, его обуяла страшная гордыня и он воскликнул: "Повелитель Вселенной, есть ли на свете существо, которое бы посвятило Тебе больше славословий, чем я?" Услышав эти слова, Бог направил к Давиду лягушку, и та сказала: "Не заносись, Давид. Я славословлю моего Создателя получше тебя, и служу Ему даже в последние свои мгновения: умирая, я сползаю в воду и отдаю себя на съедение обитателям морских глубин. Смерть моя, — и та угодничество Богу".

Ялкут Шимеони, 11:8

Сказали отцы: "Обносите Тору изгородью" (Абот, 1:1), ибо огороженный виноградник лучше неогороженного. Но обносить его слишком высокой изгородью не смейте, ибо изгородь может рухнуть, и погибнут насаждения, которые ей следовало бы защитить".

Абот Р. Натан, 1:2а

*Если тебе не хватает учености,— чего же ты можешь достигнуть?
Если ты достигнул учености, — чего же тебе не хватает?*

Бамидбар Раба, 19:3

Счастлив муж, дела которого значительнее его познаний.

Элиау Раба, 17

Если ученый человек лишен вкуса, цена ему меньше, чем скотине.

Тана д'бе Элиау, 33

*Ни один стол не удостоится благословения, если за ним не ест
и ученый.*

Там же, 91

Там, где дураки все, никого дураком не зовут.

Мидраш Темира, 2

Кто доверит суд безумцу, будет сам судим им.

Петихта Эка Раббати, 14

Если человек работает, значит он благословлен.

Мидраш Теулим, 23

*Рискующий жизнью безо всякой необходимости, — пусть даже
во имя Торы, — не достоин быть даже названным по имени.*

Баба Кама, 61

*Тот, кто ест собственный хлеб, блажен, как младенец, возвращен-
ный молоком собственной матери.*

Абот Р. Натан, 31

Не допускай того, чтобы забор был роскошнее сада.

Берешит Раба, 29:3

Ешь меньше, чем можешь, наряжайся скромнее, чем хочешь,

но жилище ищи себе добротное.

Там же, 76:3

Если человек сражается с волной, она его осиливает; если же он позволяет ей прокатиться над собой, волна убегает.

Песикта Зутари Берешит, 32:5

Не убегай слишком далеко, ибо, возвращаясь, придется пройти столько же.

Когелет Раба, 11:9

Каждый человек вправе льстить жене во имя семейного спокойствия, кредитору – во имя отсрочки дня возвращения долга, и учителю – во имя большего внимания к себе.

Оцар Мидрашим, 224

Даже честнейшего из людей не дозволено испытывать на грех, тем более – человека плутоватого, ибо, говорят мудрецы, испытание на грех – как разведение костра рядом с соломой.

Танхума Бубер, 266

Кто нарушает заповедь о разведении огня, тот кончит нарушением более важной заповеди. Если кто отвергает слова "Люби соседа своего, как самого себя" (Левит, 19:18), он преступит вскоре и заповеди "Не питай ненависти к брату в сердце твоём" (Левит, 19:17) и "Не мсти и не держи злобы на сынов народа твоего" (Левит, 19:15). Преступив же эти заповеди, он отрешится и от другой: "И брат твой будет жить рядом с тобой" (Левит, 25:36); и так, шаг за шагом, он дойдет до убийства.

Сифре Второзакония, 187

Кто не выдает преступников, – пусть даже сам и не приобщается к ним, – тот является их пособником.

Абот Р. Натан, 30

Запрещено молиться о гибели порочных. Умри Тера за свое идолопоклонство, не родился бы и сын его Авраам.

Мидраш ХаНелам, 105a

Как только человек задумал согрешить, он уже отступил от Бога.

Ваикра Раба, 8:5

Рабби Неемия сказал: "Если кто задумал согрешить, Бог не считает его грешником до тех пор, пока тот действительно не согрешит. Однако если человек полон решимости выполнить какую-нибудь заповедь, но лишен соответствующей возможности, Бог засчитывает ему это как выполнение заповеди".

Мидраш Теилим, 30

Рабби Ишмаел сказал: "Пока человек не грешит, его боятся, но как только начинает грешить, он боится уже сам".

Песикта Бубер, 44б-45а

Заповедь против убийства связана с заповедью о почитании Бога, ибо ведь по образу и подобию Божьему и создан человек.

Заповедь против блуда связана с заповедью против идолопоклонства, ибо и то, и другое – лишь разные формы богохульства.

Заповедь против воровства связана с заповедью против лжесвидетельствования, ибо первое ведет ко второму.

Заповедь против лжесвидетельствования связана с заповедью о соблюдении субботы, которая дана нам для того, чтобы можно было утверждать: Бог и есть Создатель всего сущего.

Заповедь против стремления к чужому связана с заповедью о почитании родителей, ибо пожелание жены ближнего приводит к разводу, что, в свою очередь, лишает детей возможности чтить своих предков.

Песикта Раббати, 21:18

Сказано: "Мы есть глина, а Ты – Отец наш" (Исайя, 64:8). Израиль по этому поводу утверждает: "Даже если мы грешим и гневим Тебя, Ты нас не покидаешь. Если гончар, изготовив кувшин, не очищает его от гальки, это не значит еще, будто кувшин непременно даст течь. Так же и Ты не очистил нас от Злого духа во дни нашего ребячества, ибо сказано ведь, что "помыслы сердца людского дурны и порочны с малого возраста" (Бытие, 8:21). Поэтому мы и молим Тебя гнать эти помыслы из сердца нашего, дабы нам суметь исполнить Твою волю. И вот Бог ответил на это: "Я и сделаю это во дни Пришествия".

Шемот Раба, 46:4

Рабби Самуел бен Нахман, объясняя слова "и увидел Бог, что это очень хорошо" (Бытие, 1:31), заявил, что они относятся к Злому духу. Но разве Злой дух хорош? Конечно, ибо не будь его, никто не

построил бы дом, никто не женился бы, никто б не заводил детей, никто не обучался бы ремеслу. Соломон сказал: "Всякий успех есть результат соревнования с соседом своим" (Экклезиаст, 4:4).

Когелет Раба, 3:11

Не презирай того, кто презирает пороки свои.

Мидраш Мишле, 6:30

Вот кому не может быть прощения: тем, кто просит прощения повторно; тем, кто грешит повторно; тем, кто грешит среди праведного поколения; тем, кто грешит, рассчитывая на прощение; и тем, кто оскверняет имя Господне.

Абот Р. Натан, 39:58б

Пока порочные раскаиваются в порочности, они обретают прощение; когда же они перестают раскаиваться, — возвращаются к своим порокам.

Танхума Ваикра, конец

Вот кто стареет раньше срока: тот, кто живет на последнем этаже; тот, кто всю жизнь работает резником; и тот, кто повелевает, но не подчиняется.

Оцар Мидрашим, 166

Встречая одинокого путника, Рабби Меир произносил: "Привет тебе, ищущий смерти". Встречая двоих, он говорил так: "Привет вам, ищущие ссоры". Но если ему попадались в пути трое мужчин, каждый из которых шествовал сам по себе, он обращался к ним так: "Я приветствую вас, мужей мира".

Когелет Раба, 4

Камень падает на кувшин? Горе кувшину. Кувшин падает на камень? Горе кувшину.

Эстер Раба, 7:10

Одною свечой можно зажечь много других, и ее не убудет.

Сифре Бехалотеха, 93

Если кто-нибудь сказал тебе, что ты — осел, плюнь и пройди ми-

мо; если же сказали двое, — покупай на себя седло.

Берешит Раба, 45:10

Дерево сваливают наземь топором, который вырезают из дерева.

Элиау Раба, 29

Примирение без возложения вины за ссору на обе стороны не есть истинное примирение.

Берешит Раба, 54:3

Плохие соседи считают доходы, а не расходы человека.

Песикта Раббати, 31

Плотник, не имеющий плотницких инструментов, — не плотник.

Шемот Раба, 40:1

Как много изломано перьев, как много истрачено чернил, чтобы описать то, чего никогда не случилось.

Танхума Шофетим, 18

Кто истребляет что-нибудь полезное, тот совершает грех.

Мидраш Агада Шофетим

Один богатый еврей, забрав с собой раба, направился на заработки в дальние края. Заболев там какой-то страшной болезнью и почувствовав приближение смерти, он продиктовал писцу такое завещание: "Рабу, который доставит этот документ, я завещаю все мое добро. Что же касается моего сына, который ждет меня в Иудее, завещаю лишь одну любую вещь по его выбору". Раб спешно вернулся в Иудею со всеми пожитками усопшего господина и показал завещание. Рабби сказал сыну богача: "Мудрейшее завещание! Если б твой отец завещал все тебе, раб этот скрылся бы со всеми деньгами, которые были при усопшем. Теперь же он доставил их тебе в полной сохранности, а ты — согласно завещанию — можешь унаследовать себе именно раба, и тем самым — все отцовское имущество, ибо имущество раба принадлежит по закону его господину".

Танхума Берешит, Лек Лека

ВВЕДЕНИЕ

INTRODUCTION

Если б Тора, вопреки призывам дальновидных талмудистов, была обнесена чрезмерно громоздкой оградой, то в условиях последующего периода (9-12 вв.) еврейский дух вряд ли оказался бы способен выявить особенность, которую сегодня можно назвать исконной. Синтетичность духа, его безыскусственная многогранность, позволяющая говорить об универсальности еврейского мира, обусловлена именно тем, что ограда вокруг Торы, никогда не напоминая глухую китайскую стену, была испещрена воротами, открывавшимися как наружу, так и вовнутрь.

”Всему свое время”, сказано в Библии, и новая, послеталмудическая эпоха знаменовала время ”открытых ворот” и осмысления окружающего мира. Наступление этого времени обусловлено двумя факторами. Во-первых, в напряженной атмосфере крушения одних и зарождения новых империй, евреи, не располагающие иной силой, кроме Библии и Талмуда, оказались победителями: утверждаемый ими монотеизм настойчиво завоевывал мир посредством рас-

If the Torah, against the judgement of far-sighted Talmidists, had been enclosed by too high a wall, the Jews would hardly have been able to preserve the uniqueness that proved so essential during the succeeding period, encompassing the ninth through the twelfth centuries. The tendency toward synthesis within the Jewish soul, its natural versatility, allowing it to describe universal experience, is what preserved it. The fence around the Torah never resembled the impenetrable wall of China: it was studded with gates, which opened from the inside looking out and from the outside looking in.

”To each, a time will come”, the Bible records. The post-Talmudic period marked a time of “open gates” for the Jews; they fixed their gaze on the world around them, darkening it in, comprehending it. This period was launched by two factors. The first was that, in the vortex of history, through which empires rose and fell in rapid succession, the Jews, having no other power than their Bible and Talmud, proved the winners: the monotheistic principles affirmed by them slowly but

пространения христианства и магометанства. В этих условиях евреи стали пользоваться вниманием, что привело мир к более терпимому к ним отношению. Возросшая терпимость и оказалась вторым фактором, подстегнувшим выход еврейского духа за возведенную талмудистами ограду и его сближение с культурой окружающего мира.

Теперь уже, с закатом греко-римского мира, даже языческая культура эллинов не страшит еврейских мудрецов, и они охотно идут "на выучку" к чужеродным философам и ученым, тем более, если гений тех уходил корнями в мир Пророков и раввинов. Именно в этот период выявляется любопытная логика еврейского духа: порождая новые истины и ценности, он запирается в себе, отверженный миром и обреченный на самоуглубление, которое, по достижении предела, грозит оказаться удручающим. К этому моменту, однако, окружающий мир принимает предложенный евреями дух, по-своему его видоизменяя, что, в свою очередь, приводит к высвобождению этого духа из гетто. Освобожденный же, он смело синтезирует в себе свои же видоизмененные формы, обогащенные опытом остального мира.

surely conquered the world through the birth and spread of Christianity and Islam. Although their persecution continued, they were acknowledged with greater tolerance, particularly among adherents to the latter, having become objects of affection and respect. Increased tolerance, in turn, became the second factor behind their new, outward looking stance.

Now, at the sunset of the Greko-Roman world, the pagan culture of the ancient Greeks no longer threatened Jewish scholars; they willingly brushed up on foreign learning — all the more so because these new ideas were themselves rooted in the Jewish world of the Prophets and rabbis. It was at this time that the Jewish spirit revealed its curious nature: giving rise to new truth and values, it remained locked within itself, an outcast condemned to self-absorption which, if strained to the limit, could threaten depression. The surrounding cultures, however, accepted the Jewish revelations, modifying them with their own interpretations and thus releasing them from the cramped darkness of the ghetto. Once set free, the Jewish soul boldly incorporated its altered forms, enriched by the contact with the world around it.

МИР ГАБИРОЛА

Соломон бен Иуда ибн Габирол, сефард,* родившийся в 1021 г. в Испании и проживший всего тридцать с лишним лет, олицетворял собой классический образ еврейского мудреца, универсально образованного и многосторонне талантливого. Пожалуй, именно в его творчестве ярче всего проявила себя та особенность еврейского духа, которую этот дух обычно характеризуется в эпохи его выхода за стены гетто и тесного альянса с остальным миром. Будучи раввином и значительно обогатив синагогальную литургию своего времени, Габирол, известный тогдашнему христианскому миру под именем Авицеброн, оказал решительное влияние на развитие христианской схоластики. Этот на взгляд парадоксальный факт, роднящий Габирола разве что с новозаветными апостолами, вполне нормален, если учесть, что испанская действительность 11 века никак не препятствовала выходу еврейского духа на библейские просторы осмысленного универсализма.

”Жемчужная россыпь”

В этой составленной сперва на арабском языке, но позже переведенной на иврит и ставшей необычайно популярной среди евреев книге раввин Габирол в афористической форме синтезировал те почерпнутые им в еврейском и окружающем мире идеи, которые он расценивал как мудрость, порожденную библейским мышлением.

Вопрос мудреца — полпути к истине; терпимость к ближнему — половина мудрости; безмерная трата не ведет к насыщению.

Кто вправе править? Либо мудрец, наделенный венцом, либо венценосец, наделенный мудростью.

Нет смысла, сказал мудрец, стремиться к знаниям в надежде на то, что когда-нибудь они будут исчерпаны. Я стремлюсь к мудрости лишь для того, чтобы не пребывать в дураках, и именно этим должен руководствоваться каждый разумный человек.

Человек мудр лишь тогда, когда доискивается мудрости; но как только он считает, будто нашел ее, сразу же оказывается глупцом.

Короли могут судить каждого, но именно мудрецам дано судить

* Первоначально словом ”сефард” обозначали еврея-выходца из Испании. Сегодня сефарадами именуют часто восточных евреев вообще.

королей.

Цена каждому человеку пропорциональна тому, что он знает.

Мудреца спросили: "Кто лучше — мудрец или богач?" "Мудрец", — ответил тот, но ему возразили: "Почему же тогда богачи навешают мудрецов реже, чем мудрецы богачей?" Он сказал: "Потому, что мудрец сознает значение богатства, а богач не понимает значения мудрости".

Первый шаг на пути к мудрости — молчание, второй — слушание, третий — запоминание, четвертый — делание, пятый — преподавание мудрости.

Никто не вправе считаться мудрецом прежде, чем обретет три качества: не мнить себя способнее других в постижении мудрости; не завидовать тому, кто богаче; и не ждать вознаграждения за свою мудрость.

Лучшее качество человека — любознательность.

Когда праведнику недостает мудрости, он обязан заимствовать ее у циников.

Мудрость, в которой не сомневаются, подобна затерянному складу, из которого никогда и ничего уже не забрать.

Существует четыре типа людей: человек, который знает и знает, что знает; это — мудрец, следуй за ним... Человек, который знает, но не знает, что знает; помоги ему оценить свои знания... Человек, который не знает и знает, что не знает; учи его... Человек, который не знает, но уверен, что знает; это — глупец, беги от него.

Никто не может уличить учителя в ошибке, пока не познакомится с другими учениями.

Избегай святого глупца и порочного мудреца.

Мудрец сказал: "Я никогда не прислушиваюсь, если кто-нибудь начинает произносить бранные слова". "Почему?" — спросили его. "Боюсь услышать еще более непристойные".

Лучший ответ глупцу — молчание.

Сказали мудрецу: "Мне сдается, что люди вокруг только и делают, что творят зло, а потому душа моя подсказывает отлучиться от людей". Мудрец ответил: "Не делай этого, ибо невозможно жить без людей. Вот тебе, однако, совет: живи среди них, как жил бы глухой, умеющий слышать, слепец, умеющий видеть, и немой, умеющий говорить".

Если кто не в силах сдерживать свой пыл, у него неполадки с мозгами.

Кого называть сильным? Того, кто умиротворяет глупца и смягчает его нрав.

Кто не может управлять собой, тот не сможет управлять и другими.

Залог успеха всякого скромного человека заключается в том,

что друзья изъявляют готовность содействовать ему в его самоуничтожении.

Я считаю, что скромность помогает мне больше, чем все мои друзья.

Мудреца спросили: "Почему ты никогда не бываешь печален?" Он ответил: "Потому, что всегда избегаю приобретать вещь, потеряв которую, стал бы печалиться". Он сказал еще: "Все на свете нуждается в ограде". Его спросили: "Что же такое ограда?" Он ответил: "Ограда — это убежденность". "Что же в таком случае может служить оградой убежденности?" — спросили его, и он ответил: "Вера". На следующий вопрос: "Что же может служить оградой вере?" он ответил: "Бесстрашие".

Тому, кто отказывается подчиниться воле Создателя, никогда не отделаться от своей глупости.

Кого называть мудрейшим из людей и самым верующим? Того, кто принимает вещи таковыми, каковы они есть.

Есть несчастье, которое рядом с другими кажется везением. Но бывает еще, что благодаря духовной стойкости беда оказывается благоприятной.

Кто ищет большего, чем нуждается, лишает себя радости наслаждаться тем, что имеет.

Малым может довольствоваться именно тот, кто ждет от мира лишь удовлетворения своих жизненных потребностей.

Способность довольствоваться стоит даже выше способности мыслить.

Желания следует подчинять возможностям, ибо иначе невозможно освоить даже то, что имеешь.

Не тот умен, кто, споткнувшись о предмет, начинает его тщательно рассматривать, но тот, кто рассматривает его так, словно и не спотыкался.

Кто из людей способен достичь цели? Тот, кто, сметая с себя все поверхностное, избирает кратчайший путь.

Испытаниям никогда не бывает конца, но мудрецу они лишь помогают увеличивать знания.

Образование устраняет замешательство из благоразумной души, но нагнетает его в душе глупой. Точно так же рассвет увеличивает видимость для человека зрячего, но подчеркивает слепоту незрячего.

Не пытайся усестись в главное кресло, ибо кресло это легко качается.

Полного придурка терпеть гораздо легче, чем полуглупца, т.е. глупца, прикидывающегося рассудительным.

Помните, что если люди способны болтать о бунте, они способ-

ны и на бунт; посему не позволяйте им толковать о том, чего вам не хотелось бы видеть.

Всякая любовь имеет свой предмет. Всякая, кроме любви глупца.

Мудрец учил сына: "Если старый друг верен тебе, не меняй его на нового; не думай и того, будто один враг — мало, и того, будто тысяча друзей — много."

Мудреца спросили: "Кого ты любишь больше — брата или товарища?" Он ответил: "Я не могу полюбить брата до тех пор, пока он не станет мне товарищем".

Существует три категории друзей: одни напоминают хлеб, без которого не обойтись; другие — лекарство, без которого не обойтись в болезни; а третьи — болезнь, без которой каждый хотел бы обойтись.

Лучшим товарищем человеку является его рассудок, но опаснейшим врагом ему является желание.

Лучшей скотине подобает кнут, беднейшей бабе — муж, а умнейшему из мужей — спрашивать советов.

Приятель, который при каждой встрече напоминает тебе о твоих ошибках, предпочтительнее того, кто при каждой встрече дарит золотой.

Пусть не прельстит тебя дружба с королем, если его министр с тобою враждует. Зато не страшись короля, если его министр — за тебя.

Кого считать ленивейшим из людей? Того, кто ленится обзавестись друзьями; но еще ленивее тот, кто имея друзей, теряет их.

Что всего лучше иметь человеку? Рассудок. Если нет рассудка, нужно иметь деньги, ибо богач способен вызвать к себе уважение. Если же нет и денег, надо иметь добронравную жену, способную скрыть ничтожность мужа. Если же нет и ее, одно лишь молчание может спасти человека. Если же он не способен и молчать, то лучшее для него — могла.

Выбирая друга, попытайся сперва рассердить его. Если он в гневе своем выложит всю правду о тебе — дружи с ним, если же умолчит — пройди мимо.

То, что скрываешь от врага, не открывай и другу.

Некто, доверив другу какую-то тайну, спросил: "Ну как, понял?" "Понял, — ответил тот, — но забыл".

Отказываться от того, чего не говорил, легче, чем от того, что сказал.

Лучший вид служения Богу — молчание и надежда.

Может случиться, что молчаливость принудит тебя к раскаянию, но болтливость ведет к нему непременно.

Говоря, говори мало, ибо чем меньше слов — тем меньше ошибок.

Мудрый радуется тогда, когда находит истину, глупый же тогда, когда обнаруживает ложь.

Нет беднее того, кто ненасытен глазом и недоволен судьбой.

Нет беднее того, кто боится обеднеть.

Познал я горечь любой невзгоды, но нет ничего горше бедности.

Какую невозможно залечить рану? Когда многознающий муж обеднел, вынужден просить о помощи, но ему отказывают, — такую невозможно залечить рану.

Кто-то попросил мудреца: "Помолись за меня, чтобы мне не пришлось нуждаться в помощи ближнего". Мудрец ответил: "Такого не бывает, чтобы человек не нуждался в помощи, но я помолюсь Господу, чтобы тебе не пришлось обращаться за помощью к человеку, не заслуживающему того".

Я не видел, чтобы кто-нибудь истязал себя больше, чем завистники: горю их нет конца, душа их постоянно скорбит, разум изнашивается ни за что, и сами они безутешны.

Каждому на свете дано удовольствоваться своею долей, каждому, кроме того, кто завидует чужой удаче, ибо он может быть счастлив лишь тогда, когда не останется ни одного довольного.

Любую вражду можно свести на нет; любую, кроме той, которая возбуждена завистью.

Завистнику твоему мстит сама жизнь, ибо он страдает, пока ты счастлив.

"Источник жизни"

Название этого посвященного метафизике сочинения Габирол заимствовал из Псалма 36, и это название указывает на основную проблему книги — соотношение между материей и формой как основа и источник жизни всего сотворенного мира. Благодаря этой книге Габирол получил прозвище "еврейского Платона", в мировоззрении которого "мышление и поэтическое творчество, истина и красота слились воедино". По мнению Габирола, человек — миниатюрный слепок с мироздания. Тело его является воплощением материи, внешность воплощает форму, душа — волю, а разум — главную субстанцию, т.е. Божество. Стремление к Богу, следовательно, сводится им к самопознанию, которое приближает человека к осмыслению высших принципов бытия, причины и цели жизни. Слияние души с высшим миром, Божеством, есть истинное счастье, ибо тем самым осуществляется возвращение человека, его души, к тому, что некогда дало ему и всему сущему начало.

Так как разум — лучшее в человеке, то он, в первую очередь,

должен устремиться к познанию, причем именно к самопознанию, ибо таким образом и можно достигнуть понимания и знания всех иных вещей. Дело заключается в том, что человеческая сущность объемлет другие вещи и проникает в них. Наряду с самопознанием человеку следует стремиться к постижению конечной причины его личного существования: поскольку все подчинено воле Единого Существа, постольку каждое существование имеет конечную цель.

Что же касается воли, подчиняющей себе все, она есть божественная сила, творящая все и всем движущая; нет ни единой вещи, независимой от нее. Благодаря познанию и деятельности душа соединяется с высшим миром, ибо знание побуждает к деятельности, а деятельность отвращает душу от скверны и возвращает ее к своей истинной природе и сущности.

Вещи различаются лишь по форме, ибо материя, составляющая их, едина.

По своему порядку и строению человек подобен Вселенной. Разум, будучи наиболее хрупкой, возвышенной и простой силой человека, соединяется с телом отнюдь не непосредственно; душа и разум по существу дела суть промежуточные звенья между человеком и Вселенной.

Все многообразные вещи стремятся к объединению, ибо материя, носительница всего, едина.

Единство — это истинное благо. В природе ни одна из существующих вещей не желала бы быть раздробленной. Все вещи жаждут единства.

Под влечением и любовью нам следует понимать стремление пристать к любимому предмету и слиться с ним воедино; а поскольку материя стремится к тому, чтобы соединиться с формой, постольку любое движение материи совершается из любви к форме и из влечения к ней.

Цель всего существования — познание мира Божества, обладающего абсолютными масштабами, рядом с которыми все остальное ничтожно мало. К этому знанию возвышенного ведет двоякий путь: сначала нужно приобрести знание о высшей силе, а потом, сочетавшись с этой силой, подниматься в познании Божественного вверх, ступень за ступенью, пока не дойдем до начала и источника ее. Спасение от смерти и слияние с источником жизни — вот результат, которого мы добьемся на этом пути.

”Царский венец”

Габирил считается одним из тех лучших еврейских поэтов, в сочинениях которых невозможно определить границу между утонченным

лирическим ощущением и глубоким религиозно-философским чувствованием. Нижеследующие строфы переведены нами из самой известной поэмы Габирола "Царский венец" ("Кетер Малхут"), признанной в качестве одного из лучших образцов религиозного гимна и лирической меланхолии.

*Что знает человек? Почти ничто.
Что ведомо ему? Ничтожно мало.
Страдает. Стонет. Мучится. За что?
Когда б узнал, — то горше б горевал он.
Зачем вдруг весел? Счастлив от чего?
И долго ль пировать еще осталось?
Когда последний час пробьет его?
Когда б узнал, — то вряд ли б ликовал он...
Что — человек? Что — сын земли? Ничто.
Конец его не дальше, чем начало.
И что такое жизнь? Жизнь — решето.
Лишь решето, разбитое о скалы.
Что — участь человека на земле?
Погибнуть от меча или печали,
Пропасть в песках или в морском котле,
Или загнить от язв больших и малых.
Страдать, покуда наступил черед
Сойти к червям, покуда плоть не стала
Обузой для души, покуда мед
Не весь испил, припав к пчелиным жалам.
Что — человек? Увы, сплошная боль.
Бедая большая. И чем больше боли,
Тем меньше силы и тем меньше воли,
И тем бессмысленней, увы, любая роль.
Чем больше дней прошло — тем меньше сил;
Чем меньше сил, — тем тише и стенанья;
И жизнь — от колыбелей до могил —
Лишь тесными ограждена стенами.
И на стенах такие письмена:
"Чем дальше путь — тем ближе мрак небыли,
И все земное — лица, имена
И слава — сгинет все в зловонной пыли.
Что было пылью — снова станет пыль;
Что было прахом — прахом обернется..."
К чему роптать, когда один ковыль
Лишь шелестом могильным отзовется!*

*О, праха сын! О, сын большой печали!
Лишь каяться оставлено тебе,
И лишь молиться о такой судьбе,
Когда бы небеса не допускали
Тебя к порочным мыслям и делам!
Но каяться когда? Когда молиться?
Когда роптать, взывая к небесам?
О, как короток день и грозны лица
Твоих врагов, надсмотрщиков, вельмож!
И как они торопят! Как смеются
Над долею твоей бездольной! Что ж,
Увы слезам, что на чужбине льются...
За всех, кому молитва не дана,
За всех и за себя молю, Спаситель,
За муки наши без конца и дна
Прости грехи, прими в Твою обитель!
Прости нам зло хоть на излете дней,
И откажись взывать за око око.
Безмерно грешен каждый из людей, —
Как жил, так и погибнет, — одинокий.*

ОТКРОВЕНИЯ МАЙМОНИДА

Когда в 1204 г. в Каире в возрасте 69 лет скончался сефардский раввин Моисей бен Маймон (акроним РаМБаМ), или Маймонид, местные мусульмане объявили трехдневный всенародный траур, а евреи Иерусалима — всеобщий и полный пост, тем самым воздавая ему должное как "второму Моисею", как одному из величайших еврейских раввинов, как систематизатору и реформатору духа иудаизма, как общепризнанному арабоязычному писателю, как вдохновителю новых открытий в области христианской схоластики, как универсально образованному ученому, как человеку выдающегося благородства, и, наконец, как прославленному врачу, о котором арабы восклицали так:

Когда б лечить Абу-Имрам решил*

Луну, — он и луну бы исцелил:

С лица луны он пятна б удалил

И сделал бы ярчайшим из светил.

Могила Маймонида в Тиберии, на берегу Галилейского моря, служит местом паломничества и сегодня, а его наследие вплоть до настоящего момента определяет собой дух иудаистской философии. Так, хотя многое в учении Маймонида было поначалу отвергнуто и объявлено ересью ортодоксальными раввинами, его современниками, — что, в свою очередь, свидетельствует о нескончаемой борьбе вокруг представлений о "надежной ограде вокруг Торы", — маймонидовский список 13 догматов иудейской веры даже сегодня является, пожалуй, наиболее популярным кратким кодексом еврейской религии. Согласно Маймониду, иудаизм — учение, сводящееся к следующим принципам: 1. Творец существует; 2. Он — един; 3. Он — нетелесен; 4. Он не ограничен во времени и вечен; 5. Ему одному должно поклоняться; 6. Пророки правдивы; 7. Величайший из пророков — Моисей; 8. Тора, какой мы ее знаем, была вверена Моисею; 9. Истины Торы неизменны; 10. Богу известны все помыслы и дела людей; 11. Он вознаграждает и наказывает; 12. Пришествие Мессии неминуемо; 13. Воскресение неминуемо.

Значение Маймонида для развития еврейского духа заключается прежде всего в его попытках примирить веру и знание, точнее, т.н. божественные откровения, содержащиеся в Библии, — с нормами

* Арабское имя Маймонида

человеческого рассудка; примирить земное с потусторонним, прагматизм с идеализмом. Поскольку же именно эта черта — стремление к единению чувства и логики, возвышенного и обыденного, "недоказуемого" и постижимого — оказалась, пожалуй, самой характерной в еврейском духе, постольку творчество Маймонида, будучи понятным или даже близким любому народу, находится с принципом еврейства во взаимообуславливающей связи.

Ниже — тематически отобранные пассажи из разных сочинений Маймонида.

Человек и мироздание

Люди придерживаются мнения, будто зла в подлунном мире больше, чем добра. Добро, считают они, исключительно и нетипично, тогда как зло неограниченно и неизбежно. Причем заблуждаются подобным образом не только люди из толпы, но и те, кто воображают себя мудрецами... Причина подобного заблуждения в том, что люди судят обо всем мироздании на основании своего индивидуального опыта. Неуч и глупец склонен считать, будто весь этот мир существует исключительно ради него, и поэтому стоит с ним случиться какой-нибудь беде, он тотчас же приходит к заключению, что весь универсум является воплощением зла.

Если б, однако, он исходил из осмысления цельности всего универсума и осознания собственной ничтожности, из осознания самого себя в качестве крохотной частички единого мироздания, то в этом случае он смог бы постичь подлинную истину...

Некоторые утверждают, будто все мироздание сотворено с единственной целью обеспечить существование человека, который тем самым обрел бы силы служить Богу. Все, что создано, уверяют они, создано ради человека; даже небесные сферы, — и те, дескать, подчиняются в своем бесконечном движении и становлении человеческим интересам и имеют целью удовлетворение людских потребностей.

Эту точку зрения нельзя не назвать ложной. Тех, кто придерживается ее, следовало бы спросить: мог ли Бог сотворить человека без сотворения всего, что ему предшествовало; или же человек мог появиться на свет лишь тогда, когда было создано уже все остальное? Если они ответят утвердительно, т.е. если заявят, что человек мог быть сотворен даже когда еще не существовало небес, — то в этом случае им надлежит найти ответ и на такой вопрос: в чем же назначение всех иных предметов и явлений, которые, дескать, существуют не ради того, что способны существовать и самостоятельно? Даже если предположить, что мироздание сотворено ради человека, а существование

человека, в свою очередь, имеет целью служение Богу, то следовало бы спросить: какова конечная цель этого служения Богу? Он, Бог, вовсе не становится сколько-нибудь совершеннее от того, что Его создания Ему же и служат; так же как от Него, от Бога, ничего не убудет, если вокруг не существовало бы ничего кроме Него Самого.

На это можно было бы возразить, что служение Богу совершенствует не Бога, но нас самих. В таком случае встает другой вопрос: какова цель нашего совершенствования?

Теснимые подобными бесконечными вопросами, которые сводятся к вопросу о цели творения, мы вынуждены придти к следующему заключению: такова уж воля Бога. Это – единственно верный ответ. Логика, равно как и традиция, ясно указывает на то, что мироздание сотворено отнюдь не ради человека, и что все на свете вещи существуют ради самих же себя.

Путеводитель заблудших, III

Человек и его судьба

Каждый человек волен действовать как ему хочется. Если он желает ступить стезею добра и обрести праведность, – он волен поступать именно так; если же он желает встать на путь зла и сделаться порочным, – в его руках и эта возможность. Собственно, это и имела в виду Тора: "Смотри, человек уподобился Нам: он распознает добро и зло" (Бытие, 3:22). Иными словами, род человеческий обрел совершенно особое положение во всем мироздании именно благодаря тому, что человек способен к самопознанию, к различению добра и зла. Да не поверит тому ни одна душа – ни тугодум из иноверцев, ни неуч из израильтян – будто Всевышний, да славится Его имя, уже при рождении каждого человека предопределяет ему быть либо праведником, либо грешником. Все обстоит иначе. Каждому человеку предоставлен свободный выбор: он волен стать праведным, как Моисей, и порочным, как Иероваам; он волен стать мудрым или глупым, добрым или жестоким, мстительным или великодушным. Отсюда следует мысль, согласно которой грешник сам уготовляет себе падение, сам обрекает себя на невзгоды и слезы, сам приговаривает себя к душевным мукам.

Эта мысль составляет один из важнейших принципов веры: она и есть опорное древо нашей Торы и ее заповедей. Если бы Бог решал вместо человека – быть ему праведным или порочным – как, собственно, считают недомыслящие астрологи, то к чему было бы Ему тогда повелевать нам через Пророков: делайте это и не делайте того, исправляйте пути свои и не следуйте за грешниками? Если бы судьба человека выковывалась не им самим, а навязывалась ему некоею постороннею

силой, — какое тогда оправдание Торе? Или, скажем, по какому праву Бог стал бы наказывать порочных и вознаграждать праведных? "Судия всей земли поступит ли неправосудно?" (Бытие, 18:25).

Не удивляйся и не говори в недоумении: "Может ли человек делать все, что пожелает? Может ли он управлять своими действиями? Можно ли представить себе, будто человек совершает какой-нибудь потупок без позволения Создателя, против Его воли? Сказано ведь в Писании: "Все, что Господу угодно, и творит Он на небесах и на земле" (Псалмы, 135:6)! Пойми же и знай, что хотя все на свете соотнобразуется с Божьей волей, наши поступки и деяния, однако, не выходят из-под нашего контроля. Что же я имею тут в виду? Создатель желает, чтобы все Им созданное подстраивалось к Его воле, но точно так же Ему было бы угодно предоставить человеку свободу воли, дабы ничто не принуждало человека к поступку и никто не запрещал ему его деяния; дабы каждый смертный был волен жить согласно собственному рассудку, дарованному ему Богом, жить и вершить все, что дано вершить смертному. Именно поэтому каждого человека судят по его деяниям.

Йад Тешуба, V:1-4

Мессия

Не допускай и мысли, будто с пришествием Мессии исчезнет хоть что-нибудь из ныне существующего, или будто в системе мироздания появится нечто новое. Мир останется прежним. Что же касается знаменитого утверждения Исайи — "Волк станет жить с ягненком, а леопард уляжется возле козленка" (11:6) — то это не больше, чем метафора, знаменующая будущую безопасность Израиля, которому дано будет пребывать в покое в окружении порочных язычников, уподобившихся волкам и леопардам. Все они, язычники, обратятся к истинной вере, и, отказавшись от прежних своих повадок разрушать и грабить, заживут честно и мирно, как живет Израиль.

Мудрецы и Пророки наши жаждут пришествия Мессии вовсе не для того, чтобы установить свое господство над миром, или повелевать язычниками и прочими иноверцами, или заставить восхищаться собой все народы, или приступить к нескончаемому пированию и веселью. Они жаждут именно того, чтобы обрести свободу для посвящения самих себя Торе и ее мудрости; жаждут того, чтобы никто не притеснял их и не ущемлял, и жаждут этого с единственной целью ничем не ограниченного служения небесам и обретения жизни в Грядущем Царстве.

В ту, мессианскую, пору не будет ни голода, ни войн, ни зависти,

ни соперничества. Процветать будет весь мир, и будет изобилие любых благ. Не станет деяний, ненавистных Господу, а люди станут мудрыми и познают то, что скрыто от них. Они познают всю доступную смертным премудрость Создателя, и будет, как сказано: "Земля наполнится знанием Господа, как морское дно покрыто водою" (Исайя, 11:9).

Йад, Мелахим, XI:I; XII:I, 4е

Да будешь ты знать, что никакому человеку не подобает пытаться предугадать время наступления "конца". Как разъяснил Даниил, "слова сии сокрыты и запечатаны до конечного мгновения" (12:9). Есть среди ученых людей такие, которые удосуживаются морочить себе голову этим вопросом, и после долгих отвлеченных размышлений воображают, будто решение ими найдено правильное; однако, как предсказал тот же Пророк, "многие будут суетиться, а знание будет разрастаться", подразумевая, что всяким мнениям и предположениям по этому вопросу не будет конца. Всевышний, да славится Он, предупредил через Своих Пророков, что найдутся люди, которые станут вычислять дни "конца" нынешнего мира и назовут время пришествия Мессии, но... придут и пройдут эти дни, а Мессия не объявится. Он предупреждал нас к тому же не отчаиваться из-за этого и наказывал нам: не унывайте, ежели расчеты ваши окажутся неверными; но чем больше будет медлить с приходом Мессия, тем больше уповайте на него и тем больше его ждите. Вот как сказано об этом: "Видение относится ко времени отдаленному, – сказано о времени конца. И не окажется сказанное обманом: хотя оно медлит, жди его, ибо оно непременно наступит, не отменится" (Аввакум, 2:3)...

Даниил разъяснил нам тщетность любых представлений о "конце" и сказал, что дни конца сокрыты от нас мраком тайны. Именно поэтому мудрецы запрещают нам стараться вычислить время пришествия Мессии; любые подобные спекуляции внушают толпе лживые надежды и иллюзии, что, в конечном счете, ввергает людей в уныние и печаль. И вот как они восклицали, наши мудрецы: "Увы тому, кто вычисляет дни конца!"

Игрет Шеман, Ответы II, 5а

Вера и знание

Даже в науке о Природе есть такие предметы, которые не следует излагать полностью. Наши мудрецы выставили следующее правило: "Маасе Берешит" (т.е. комментарий к Бытию – Н.Д.) не следует изла-

гать в присутствии двух лиц". Если бы кто-нибудь захотел излагать эти предметы полностью в письменном виде, то это значило бы, что он хочет их объяснить тысячам лиц. По этой причине наши Пророки излагают эти предметы иносказательно, а наши мудрецы, следуя методу Священных Книг, говорят о них в иносказаниях; существует очень близкое родство между этими предметами и метафизической наукой, и их тайны действительно составляют часть тайны метафизики. Не думай, что эти великие тайны могут быть до конца поняты кем-либо из нас. Дело обстоит не так. Иногда истина обнаруживается столь ярко, что мы ее воспринимаем как бы при свете дня; но затем наша природа и наши привычки скрывают ее от нас, и мы погружаемся в такую же густую тьму, в какой пребывали раньше. Мы похожи на тех, кто наблюдает непрерывно следующие друг за другом вспышки молнии, но сами пребывают в глубокой ночной тьме. Если эти вспышки следуют друг за другом очень быстро, то они образуют как бы сплошной свет, и ночь превращается в день. Такого высокого пророческого совершенства достиг Моисей, которому Бог сказал: "А ты здесь останься со Мною" (Второзаконие, 5:28), и о котором сказано: "Стало сиять лучами лицо его от того, что Бог говорил с ним" (Исход, 34:29). Между одной молнией и другой может быть значительный промежуток; такова степень совершенства большинства Пророков. Другие воспринимают в течение целой ночи лишь одну молнию; о них сказано: "Они стали пророчествовать, а потом перестали" (Числа, 11:25)...

Степень совершенства людей видоизменяется сообразно подобным различиям. Относительно тех, кто не видит света и бродит в сплошной тьме, сказано: "Не знают, не разумеют, во тьме ходят" (Псалмы, 81:5). Истина, хотя и сияет столь ярко, совершенно скрыта от них, так что к ним подходят следующие слова Писания: "И ныне люди не могут глядеть на светило, которое ярко сияет в небесах" (Иов, 37:21). Такова толпа обыкновенных людей.

Когда Божественная Мудрость пожелала сообщить нам те глубокие истины, которые она считала необходимыми для нас, она воспользовалась иносказаниями, иносказаниями и весьма скрытными предложениями. Наши мудрецы сказали: "Существу из плоти и крови невозможно полностью объяснить творение. Поэтому Писание просто рассказывает нам: вначале Бог сотворил небо и землю". Стало быть, наши мудрецы обратили внимание на то, что упомянутые предметы составляют великую тайну. Известно также изречение Соломона: "Далеко то, что было, и глубоко-глубоко: кто постигнет его?" (Экклесиаст, 7:24). Все эти предметы излагаются посредством одинаково звучащих, но разнозначных слов, так что необразованный понимает их в одном

смысле, а образованный может понимать также и в другом.

Путеводитель заблудших, Введение

Необходимо, чтобы каждый человек умел мысленно классифицировать и различать все, чему он верит; иными словами, он должен отдавать себе отчет, скажем, следующим образом: "Я верю этому, ибо это говорят Пророки; я верю этому, ибо это подтверждают мои чувства; я верю этому, ибо в этом убеждает разум". Но если кто-нибудь верит тому, что не укладывается ни в одну из этих трех форм, о нем следует сказать так: "Глупец верит каждому слову" (Притчи, 14:15).

Ответы, II, 25a

*Тот, кто желает достичь доступного человеку совершенства, должен первым долгом изучать логику, затем – в известной последовательности – различные отрасли математики, затем – физику, и наконец – метафизику.**

Путеводитель заблудших, 1:34

В сфере науки пророк ничем не отличается от остальных смертных, и применительно к науке он не обладает никакими дополнительными правами. Если, скажем, пророк высказывает какое-нибудь соображение, расходящееся с мнением не-пророка, но доказывает свою правоту декларативно ("Всевышний, да славится имя Его, убедил меня в моей правоте"), – верить ему не следует. Если, скажем, тысяча пророков, таких, как Илья и Элиша, выдвигают одно соображение, а тысяча и один мудрец – другое, нам следует примкнуть к большинству и отвергнуть мнение этой тысячи выдающихся пророков.

С.М. Введение

Тора

Основное назначение Торы двояко: благополучие души и благополучие плоти. Благополучие души поддерживается и обеспечивается истинными идеями, которые воспринимаются людьми в зависимости от их способности восприятия. Некоторые из этих идей заявлены непосредственно в абстрактной форме, другие – в аллегорической, ибо даже элементарные идеи, выраженные в абстрактной форме, слишком

* Т. е. философию

трудно воспринимаются простонародьем. Благополучие плоти утверждается посредством соответствующего контроля над нашим собственным поведением и над нашими взаимоотношениями с людьми.

Требование обеспечивать благополучие плоти является первичным требованием, на котором Тора настаивает наиболее часто и тщательно, ибо благополучие души может быть достигнуто лишь при наличии неуязвимой плоти. Стало быть, прежде всего человеку необходимо удовлетворение своих естественных потребностей по мере их возникновения. Однако ни один человек не в силах обеспечить себя необходимым без посторонней помощи. Физические наши нужды могут быть удовлетворены только посредством коллективных усилий; к тому же, как известно, человек по природе своей "стаден".

Духовное совершенствование человека заключается в обретении истинной благоразумности; духовно совершенный человек знает все, что может знать отдельное лицо. Такое знание, однако, достигается не только праведностью и благочестивостью, но также посредством философского анализа мира и его научного исследования.

Истинная Тора — каковой, конечно же, является Тора учителя нашего Моисея — прежде всего ставит себе целью установить общие добропорядочные и благоразумные взаимоотношения между людьми посредством воспитания в них любви к справедливости и развития благородных чувств, а, во-вторых, — утвердить нас в вере, и — при наличии достаточно развитого интеллекта — внушить нам истинные и всесторонне осмысленные идеи.

Путеводитель заблудших, III

Изречения

Когда я сталкиваюсь с какой-нибудь трудностью, когда я оказываюсь в безвыходном положении и чувствую, что нет иного пути для утверждения и распространения безусловной истины кроме как доставить удовольствие одному мудрецу и огорчение — десятку тысяч глупцов, — я предпочитаю все-таки обратиться именно к этому пути и тем самым пренебречь гневом толпы.

Там же, Введение

Истина, доказанная хоть раз, не станет тверже, если под нею распишутся все ученые; так же, как не станет она и слабее, если все начнут ее оспаривать.

Там же, 11:15

Наши потуги познать скрытое, наши старания проникнуть в непо-

стижимое – суть признак нашей неучености или нашего безрассудства.

Там же, 11:24

Кто учился халатно, а посему обучает и действует сообразно своим ущербным знаниям, должен быть судим так, как судят за умышленное злодеяние.

Там же, 111:41

Никакую мысль не считай бесспорной и доказанной лишь на том основании, что она записана в книге; ведь если лжец лжет устно, он может лгать и пером.

Игерет Теман, Ответы, II

От частого склонения истина не становится цельнее, так же, как не убывает она от редкого повторения.

Техийят ХаМетим, Ответы, II

Именно интеллект дает человеку силы почитать Бога.

Комментарий к Мишне, Хагига, 11:1

Никакое чудо не может доказать того, что невозможно; оно способно подтвердить лишь то, что возможно.

Путеводитель заблудших, III

Стремление копить деньги и увеличивать богатство вполне естественно для человеческой природы, но именно эта страсть оказывается причиной людских невзгод.

Там же

Воистину, – переход от страдания к покою доставляет большее удовольствие, чем продолжающийся покой.

Там же

Добро – это середина между двумя одинаково дурными крайностями.

Комментарий к Мишне, IV

Об эмиграции

(Из письма к евреям Марокко, 1160 г.)

Кто бы ни спросил моего мнения, я скажу, что все мы должны

сняться с мест, где нам не позволяют держать наш обет и исполнять предписания Торы, и переселиться туда, где наша вера окажется свободной от посяганий. Не следует бояться оставлять дома, детей и имущество, ибо закон Господний, данный нам, есть величайшее из наследств: все преходит, кроме страха Божьего. Каждый еврей призван сделать все ему посильное, чтобы переселиться в новое место, где ему легче было бы справлять свои обязанности перед Богом, если даже это переселение связано с риском. Бросил ведь отец наш Авраам семью и дом, порвав со всеми, кто отрицает Бога. Даже если отвергшие Его требуют от нас следовать им, то и тогда призваны мы удалиться из их среды; когда же они принуждают нас нарушить хоть одну из заповедей наших, то оставаться среди них попросту непозволительно. Каждый из нас должен уйти из этого города, бросив там все свое, и скитаться денно и нощно в поисках места, где он смог бы держаться заповеданного нам закона. Мир велик и необъятен. Если же человек этот сидит на месте, то никакие ссылки на семью или дом не вправе его оправдать: "Невозможно хоть чем-нибудь искупить у Бога (даже) брата своего" (Псалмы, 49:8)... Не искать оправданий своей бездеятельности, но действовать, – вот к чему призван каждый из нас. Сидящий на оскверненном месте оскверняет Бога и уподобляется тому, кто грешит преднамеренно.

Со дня нашего изгнания из родной земли мы постоянно преследуемы за нашу веру. Да положит же Бог конец нашим гонениям, и да исполнит Свое обещание: "Придут дни – будут искать неправды Израилевой, и не будет ее; и грехов Иуды, и не найдется их. Ибо прощу всех, которые выживут" (Иеремия, 50:20). Да будет так, аминь!

ДУХ МОЛИТВ

Быть может, самой значительной вехой в истории еврейского духа раннего средневековья явилось появление Сидур — книги молитв, антологии созданных в разное время поэтически-философских монологов, обращенных непосредственно к Богу, но призванных укреплять человека в его каждодневном метафизическом страхе перед небытием. Сидур — это молитвы на любой случай жизни, измеряемой не только временными циклами дня и ночи, осени и весны, рождения и смерти, не только категориями душевного состояния отдельного человека или всего Израиля, но также и понятиями вселенского добра и зла, мирового разума и неведения, общечеловеческих надежд и отчаяний. И тот факт, что эта книга обрела в еврейской жизни исключительное значение, свидетельствует о догадке, согласно которой освящение каждодневного бытия, взаимопроникновение (не просто сближение) земного и потусторонне-возвышенного и есть подлинное требование еврейского духа. Подобно тому, как человек в еврейской традиции — это выражение непреходящей и непостижимой сущности Бога в форме поедаемой червями и чувственно-воспринимаемой животной плоти, — каждая из молитв Сидура есть выражение того или иного глубочайшего интеллектуального откровения в упрощеннейших и доступнейших фигурах человеческой речи; почему, собственно, она, эта речь, и должна была быть всегда столь экстатически страстной.

Ниже — несколько пассажей из Сидура.

Адон Олам — Господь Превечный

(Приписываемую разным сефардским поэтам и канонизированную в 15 в., эту утреннюю молитву, воспевающую всемогущество Бога, исполняют обычно в завершение субботних или праздничных служб.)

Тот и есть Господь Превечный, Кто царствовал до сотворения первого из созданий. По сотворении Им всего сущего Он был объявлен Царем, и по истреблении всего сотворенного, в конце всех дней, лишь Он один Царем и останется. Он был, Он есть и Он пребудет в вечной славе. Он един, и сравнивать с Ним некого. Нет Ему начала, и нет конца; Его и власть, Его и могущество. Он — Бог мой и мой Избавитель, моя опора во дни лихолетья. Он — мой наставник, мое укрытие, и слава моя в заветный день. Ему и завещаю дух свой, когда бодрствую и

сплю. Пока душа моя в моем же теле, Господь со мной, и я бесстрашен.

Элоену Нешама — Душа моя чиста

(Эта обязательная утренняя молитва, описывающая союз человека с Богом, в первоначальном своем варианте была известна уже авторам Талмуда.)

Господи, душа, которую Ты дал мне, чиста! Ты сотворил ее, вдохнул в меня, Ты ее во мне удержишь, Ты и заберешь ее со временем, чтобы снова возвратить в Грядущем мире. Покуда же она во мне, я не устану благодарить Тебя, о Господь Бог мой и Бог отцов моих, сотворитель всех деяний и повелитель всех душ!

Великая любовь

(Эта молитва, выражающая страстную мечту человека постичь неземную, приписываемую Богу мудрость, была известна евреям еще в эпоху Второго Храма.)

Ты полюбил нас великою любовью, Господь наш Бог. Ты одарил нас своим благоволением. Отец наш и Царь, открой нам законы бытия, как открыл Ты их открывшимся Тебе предкам нашим, и снизойди к нам во имя них. Ты, Отец наш Милосердный, неизменно нам сострадающий, пожалей же нас, дай нам способность вникать и понимать, дабы суметь нам выполнить охотно все предписания Твоей Торы. Раскрой нам глаза на значение Торы, открой наши сердца Твоим заповеданиям, и во имя Твоей же славы сплоти нас в любви и благоговении. Да не предашь Ты нас позору, ибо мы веруем в Твое величественное и почтенное имя. Мы трепещем в радости, предвкушая избавление: о, приведи нас мирно домой со всех четырех концов земли, ибо Ты есть Господь, творящий празднества и победы. Благословен Ты, Господи, милостиво избравший себе народ Израиля!

Субботный гимн

(Этот гимн, переведенный нами с некоторыми сокращениями и исполняемый в заключение субботней службы, написан в 11 в. испанским раввином Исааком бен Иуда ибн Хайят.)

*Кто отделил святое от земного,
Да не оставит нас в беде, и новых
Пошлет удач, — и станет нас так много,
Как много звезд в сегодняшнюю ночь.*

*Скрутилась тень от пальмового древа, —
Исходит день; безгласно, как из чрева,
Взываю к Господу, боясь Его разгневать.
А стражник возвещает: скоро ночь.*

*Нет мне прощенья за грехи, и все же
Молю Тебя, неумолимый Боже,
Судить меня, как судят в день погожий
За грех забытый, как дурная ночь.*

*Когда бы вымолить мне у Тебя пощады,
Я б вызволил мой дух из мук исчадья
И плоть свою — Тебе ж служенья ради...
Теперь же я рыдаю что ни ночь.*

*Прислушайся, молю, к моим стенаньям,
К Твоим, молю, позволь припасть стенам мне.
Взгляни, моя слеза на этих камнях
Росою проступила в эту ночь.*

*Так пожалей и дай мне разобраться,
Какой из всех тропинок мне держаться,
Чтобы к Тебе поближе оказаться
И славословить Бога день и ночь.*

*Дай мне забыть о всех моих пороках,
Не дай врагам ругаться над порогом
Моим: "Да не отыщет Бог дорогу
К порогу твоему в такую ночь!"*

*О Боже, о Тебе по нас и судят.
Что — мы? Мы — воск в Твоей деснице, люди...
Так отпусти нам всем, и новым будет
И человек, и мир, и день, и ночь.*

Из разных молитв

(Ниже приводятся отдельные молитвенные фразы, упоминающие-ся то благодаря своей глубине, то из-за специфичности формы, то в силу своей типичности для породившей их эпохи.)

*Боже наш и Боже отцов наших! Да взойдет к Тебе моление наше,
ибо не так уж мы дерзки и упрямы, чтобы сказать Тебе, Господи:*

“Мы — праведники, мы не грешили”. Нет, мы и отцы наши грешили.

На Йом Кипур

Что нам сказать Тебе, восседающему в выси небесной? Что изложить пред Тобой, пребывающем над облаками? Ты Сам все ведаешь, — все, что скрыто или открыто.

Там же

Боже, отпусти нам грех, который мы совершили перед Тобой пустословием!

Там же

Новые и древние поколения надеются на щит Авраама!

Там же

Что такое человек, Боже? За что Ты чтишь его? Начало его — прах, и конец его — прах; с риском добывает он себе хлеб насущный, и подобен он хрупкому черепку, засыхающей траве, увядающему цветку, мелькающей тени, убегающему облаку, дуновению ветра, развевающейся пыли, исчезающему сну.

Там же

Баззакония отцов наших вызвали разрушение Святой Обители, а наши грехи все отдаляют время нашего избавления. Но пусть память наша о служении в Храме, и пусть изнуренность плоти нашей ускорит отпущение наших грехов!

Там же

Храм Бога нашего разрушен, пути наши безуспешны, нет нам радости в домах наших, и душа наша разучилась ликовать. Старейшины домов наших, — как странники в ночлежках... О, где найти нам покой и пристанище?

Там же

Господи, другие стали первыми, а мы — последними; что нам делать? Когда приступишь к скреплению Своего приговора нам, тогда милосердие Твое да опередит гнев Твой. Ведь если мы исполнены грехов, Ты ведь исполнен сострадания. Если мы заблудились, не дай нам оставаться в заблуждении. Если удалились от Тебя, приблизь нас к Себе. И когда мы устремляемся к Тебе, — не удаляйся!

Там же

Из-за грехов своих мы не достигли желаний наших. Ожидали покоя, – наступила тревога; надеялись на укрепление величия своего, – оказались унижены; думали: приближается спасение, – и вдруг: нет его. Горе поселилось в житницах наших, величие наше отступило от нас и в конце концов совсем исчезло с земли.

Там же

Как милы шатры Твои, Яаков! Обители Твои, Израиль!

При входе в синагогу

Благословен Ты, Господи Боже наш, Царь Вселенной, одаривший петуха способностью отличать день от ночи!

Утренняя молитва

Ты обращаешь человека в тлен и говоришь: Возвратись, сын праха! О, если б люди уразумели это и размышляли над этим! О, если б думали о конце дней своих!

Там же

Хранитель Израиля! Храни остаток Израиля! И да не исчезнет Израиль, говорящий: "Слушай, Израиль!"

Там же

Благословен Ты, Господи Боже наш, Царь Вселенной, что не создал меня женщиной!

Там же

Да будет воля Твоя на то, чтобы устранить барьер между Тобою и нами!

Там же

Превечный! Как много у меня врагов! О, как их много, восставших против меня! Но я не боюсь множества народов, обступивших меня!

Мусаф

Боже, прости мне то, что не способно причинить Тебе зла, и дай мне то, что не способно умалить Твое!

Аль-Харизи, 13 в.

ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

ВВЕДЕНИЕ

Эпоху, длившуюся пять столетий и отделяющую "золотой век" раннего средневековья от нового периода, называют "темной". Все, кто следует этой традиции, исходят из того, что мир, выстроенный в предшествующие времена на казалось бы непоколебимом фундаменте логики, пошатнулся: рационализм перестал казаться единственной опорой человеческой природы, и рассудочная связь с миром и Богом утратила свою былую прочность. Историки-атеисты говорят в этой связи о неожиданном разгуле "религиозного фанатизма". Историки же Израиля, те из них, кто видят мир как отлаженный механизм, постижимый и даже управляемый человеческим разумом, объясняют падение доверия к рационализму среди евреев тем, что сравнительно безбедные годы существования Израиля вышли, и еврейство оказалось в тисках между христианским фанатизмом на Западе и турецким экспансионизмом на Востоке. В этом есть доля правды.

THE LATE MIDDLE AGES

INTRODUCTION

The period lasting about five centuries and separating the "Golden Epoch" of the Early Middle Ages from the New Period, is often called "The Dark Era". All those who follow this tradition, go from the simple presumption that the world formed in the previous centuries on some seemingly unshakable ground of logic was now shattered. Reason ceased to be the one and only hope affirming human values. The exclusively rational link with the world and with God lost its former attractiveness and stability. Atheist historians take the abruptness of the link as the unexpected raging of "religious fanaticism" and the powerful intensification of strictly ritual perception of the world. Those historians of the House of Israel who see the universe as just mechanical, easily understood and even guided by human reason, explain the fall of rationalism among Jews by the fact that after some relatively comfortable period in the Jewish life the world Jewry appeared to be squeezed between Christian fanaticism in the West and Turkish expansionism in the East. There is a measure of truth in this.

Однако другая — и более значительная — доля в том, что история человеческого духа свидетельствует о периодическом обострении внимания к нелогическим возможностям психики. Это обострение, конечно же, может быть спровоцировано рядом исторических событий, но первопричину его следует искать во врожденном инстинкте баланса, который дух человеческий проявляет всякий раз, когда высокомерие рассудка становится угрожающим. То самое высокомерие, что выражается в неограниченной вере в возможности логики, что спровоцировало как-то вознесение Вавилонской башни, столь разгневившей Бога.

Рассудок ограничен в возможностях, и уже первые книги Библии предупредили об этом в самых драматических образах. Да, он может безгранично самоуглубляться, но есть предел, после которого самоуглубление становится удручающим, ибо подрывает волю к жизни, ту первозданную открытость миру и Богу, которая освящает существование, и подавление которой, согласно традиции, есть многозначительный грех. Напомним хотя бы, что иудаизм есть философия жизнелюбия и почтения к человеку, тогда как всякое идолопоклонство, в том числе идолизирование интеллекта унижает человека, а, значит, и его Творца.

Считается, будто традиция

More significant measure of truth, however, should be found in the fact that the historical life on the human spirit invariably attests to the periodic exacerbation of the illogical possibilities of the mind. This, of course, is often provoked by historical events; but one ought to look for the innate sense of balance which the human spirit reveals every time the arrogance of reason becomes threatening. This arrogance is based on the belief in the unrestricted possibility of logic, and it once provoked the ascent of the Tower of Babel — something that so strongly angered God.

That reason is limited in its possibilities is warned of already in the first book of the Bible with the most dramatic of images. Yes, reason could infinitely be deepened, but there is a limit after which such self-deepening becomes depressing: it undermines the very will to live, the primordial openness to the world and to God, which consecrates our existence and the repression of which, in Jewish tradition, leads to significant sins. Judaism is a philosophy of the love of life and respect for man, whereas every idolatry, including the idolization of any of human forces, even that of intellect, humbles man and, therefore, his Creator.

It is often said that the

не-рассудочного восприятия мира в пределах еврейского духа была обнаружена лишь недавно. Следует, однако, напомнить, что уже в самом начале "темного" периода один из крупнейших еврейских философов 14 века, сефард Хасдай Крескас, восстал против законности логического подхода к жизни, столь чуждого, как считал он, особенно еврейскому национальному духу. Выступив против интеллектуализма греческой (аристотелевской) культуры, "затемнившей глаза Израилю", Крескас утверждал, что еврейский Бог — прежде всего не интеллект, не рассудок, но тот сплав разума и чувства, логики и интуиции, очевидного и скрытого, постижимого и необъяснимого, который наделяет человека способностью к любви, т.е. к отношению и состоянию, не сводимому ни к одному из составляющих его и известных нам начал.

Именно таковой по преимуществу оказалась в позднем средневековье ориентация еврейского духа, о чем свидетельствуют два самых значительных движения эпохи: каббализм на Западе и хасидизм на Востоке, по существу представляющие собой элитарный мистицизм в первом случае, и мистицизм популярный — во втором.

tradition of mystical perception of the world within the Jewish thought was revealed only recently. However, one ought to remember that already in the very beginning of "Dark Era", one of the most outstanding Jewish philosophers of the fourteenth century Hasdai Kreskas, a Sefard, stood up against the legality of exclusively logical approach to life — something, in his opinion, contradictory to especially Jewish national spirit. He strongly denounced the intellectualism of the Greek (Aristotelian) culture which was "darkening the eyes of Israel"; and asserted that the Jewish God above all was not Reason, but rather such a union of Logic and Feeling, Intellect and Intuition, Evident and Hidden, Comprehensible and Inexplicable which endows man with the capability to love; this was such a fusion of different elements which could be reduced to neither any of its components nor any of principles known by us.

Such was the general orientation of the Jewish mind during the Late Middle Ages. To this attests the emergence of the two most powerful movements of the period: Cabbalism in the West and Hasidism in the East, that is respectively an elitarian and popular forms of a mystical perception of the world.

СВЕТ "ЗОХАРА"

Судьба книги "Зохар" (ивр. — "сияние"), выразившей принципы каббализма и надолго определившей особенности еврейского мистицизма, весьма поучительна: рассчитанная на узкий круг эзотерически мыслящих раввинов-мистиков, она быстро обрела популярность в самой широкой среде и была воспринята как наиболее позднее и глубокое откровение национального духа, оказав тем самым влияние на самую историю еврейства. Столь неожиданный всенародный успех Зохара напоминает о тщетности любых попыток определения точных рамок еврейского духа, обязанного своей живучестью выработанной в веках способности к обновлению, к бесконечно изобретательному и бесконечному переосмыслению традиционной идеологии евреев. Если бы, подобно иным народам, свою открытость новым эпохам и влияниям еврейство проявляло в отречении от "отжившего" и в бесконтрольном "блуде" с соблазнительно свежим, то оно сошло бы со сцены много быстрее, чем, скажем, древние греки или римляне.

Эти последние, как и любые другие народы и культуры, упоенные собственным могуществом, а посему вызывающе смело и самозабвенно заигрывавшие с новыми эпохами, оказались в плачевной, но неизбежной позе "соблазненных и покинутых". Наголову разбитые временем, все они каждый раз свидетельствовали своим концом принципиальную ущербность любой крайности, в том числе и крайности в обретении могущества. В то же время слишком уж уязвимыми чувствовали себя евреи в коловороте новых эпох, чтобы поступиться единственной своей защитной силой — предками, почему, собственно, они никогда не решались расстаться с прошлым (каким бы отягчающим оно ни было) на пороге нового (каким бы соблазнительным светом оно ни сияло). На взгляд парадоксальным, но на деле закономернейшим образом вековая слабость еврейской психики выросла в поистине все сильный фактор, до сих пор обеспечивающий этому народу успешное противоборство со временем.

В свою очередь, эта специфическая ситуация обусловила и тот факт, что наиболее характерным "жанром" еврейского гения оказался... к о м м е н т а р и й. Новое в развитии еврейского духа - это обновленный комментарий унаследованного, в результате чего удов-

летворяется и жизнеутверждающая страсть к новым приключениям духа, и жизнеохранительное требование освящения наследия. Очевидно, книга Зохар оказалась столь популярной, долговечной и влиятельной благодаря тому, что она как нельзя адекватно воплотила эту названную особенность еврейского духа.

Категорически обновленный комментарий к Библии, — вот содержание и жанр Зохара, читающегося, как мистический роман. Мистицизм, интуитивно-ритуальный, подчеркнуто нерационалистический подход к миру, преследующий цель поисков скрытого смысла всего очевидного, обрел значение символа времени, о котором идет речь в этом разделе. Как и следовало ожидать, участие еврейства в этом всеохватном движении вылилось в форму нового, мистического, переосмысления Библии, которую евреи не только давно уже подозревали в обладании неким скрытым смыслом, но пытались даже его выявить, обращаясь к разным методам Каббалы, державшимся в тайне и изустно передававшимся из поколения в поколение лишь избранным из раввинов.

Благодаря вышеназванной специфике еврейской психики, сама методология Каббалы, лежавшая в основе Зохара, принципиально отличается от общепринятого представления о мистическом подходе. Дело здесь не только в том, что Каббалу, как и другие феномены предрасположенного к синтезу еврейского духа, можно воспринимать как реакцию на две такие исторически мощные духовные установки старого мира, как рационализм на Западе (греческая логика) и спиритуализм на Востоке (индийская мистика). Дело не только в эклектизме еврейского мистицизма, или в его синтетичности. Дело вот в чем: в то время как мистицизм сводится к сугубо индивидуальному, неповторимому, тайному общению с потусторонним, еврейский мистицизм, основанный, естественно, на этом же принципе исключительности и необъяснимости опыта общения с божественным, получил название Каббала, т.е. Т р а д и ц и я!

Уже сам этот факт указывает на определяющий момент обращенного к мистике еврейского духа: истинная интуиция и истинная традиция — суть одно и то же. Иными словами, по еврейской традиции, в высшей степени личностный и интимный способ познания Бога и мира и есть именно путь к традиционной мудрости: источник мудрости един, и потаенные индивидуальные миры каждого из людей сливаются, в конечном счете, в единый всеохватный мир, именуемый Богом. Такова каббалистическая схема взаимослияния индивидуального, социального и вселенского. Такова и идеология Зохара: нет границы между Богом, миром и отдельной душой; все эти три начала едины, и их фактическое распадение явилось итогом некоего

космического греха, о котором в параболически-облегченной форме рассказано в библейской легенде о запретном фрукте, сорванном с древа познания.

Авторство Зохара приписывается испанскому раввину 13-го столетия Исааку Лурия, который, в свою очередь, приписывал его выдающемуся талмудисту 2-го в. Иоханану бен Закаи. Вернее, однако, создателями этой книги считать многочисленных раввинов-мистиков, на протяжении долгого периода неустанно стремившихся к определению в отдельной человеческой душе тех неопределяемых словами и непостижимых рассудком сил, которые предрешают в загадочной нерасчетливости обыденное и возвышенное в человеке, личностное и вселенское, доказуемое, а посему приемлемое, и недоказуемое, но тем не менее, неподвластное забвению. Эти поиски, в зависимости от вкусов или интересов того или иного автора, шли в разнообразных формах, которые, выражаясь нынешним языком, следовало бы обозначить как а) теология; б) космогония; в) психология; г) антропология и др. Ниже приводятся пассажи и фразы из Зохара, хотя и объемлемые разными из дисциплин, но в сумме своей воссоздающие образ, без которого невозможно представить картину еврейского духа.

Священный Царь обладает десятью коронами. Он и есть эти короны, а короны – это и есть Он, Его десять обличий, десять проявлений, именуемых сефирот. Вот обозначения этих начал в их последовательности:

- 1. Кетер Элион – высшая корона Бога;*
- 2. Хохма – мудрость, или первоизданная идея о Боге;*
- 3. Бина – интеллект Бога;*
- 4. Хесед – любовь, или милосердие Бога;*
- 5. Дин – власть Бога, проявляемая как правосудие и наказание;*
- 6. Тиферет – красота, или соединение двух предшествующих начал;*
- 7. Неца – превечность Бога;*
- 8. Ход – величие Бога;*
- 9. Иесод – основание всех активных сил Бога;*
- 10. Малхут – царство Бога, или Израиль.*

... Все эти божественные силы образуют восходящую фигуру, напоминающую дерево. Десять сефирот есть мистическое древо Бога, каждая из ветвей которого непостижима. Это древо Бога есть также и остов всего мироздания; остов этот разрастается и заполняет собой все вокруг. Все на свете обыденные и сотворенные вещи и явления существуют постольку, поскольку в них таится и действует энергия сефирот.

Процесс сотворения мира происходил на двух разных уровнях: верхнем и нижнем, почему, собственно, Тора начинается с буквы "Б", цифровое значение которой равно 2-м. Видимый мир, сотворенный на нижнем уровне, соотносится с тем, который вверху, с миром сефирот. Но когда кто-либо созерцает вещи в их мистическом свете, весь мир предстает ему как единое целое.

Все вверху повязано с тем, что внизу, вплоть до самого последнего звена в цепи, и истинная сущность Бога проявляется как в небесах, так и на земле; вне Его не существует ничто. Именно это и имели ввиду мудрецы, говоря: Когда Господь дал Израилю Тору, Он распахнул перед ними семь ворот земных, но и за ними не было ничего, кроме Его славы. Семь пропастей открыл Он их глазам, но ничто кроме славы Господней не оказалось внизу. Вникните в эту правду, — и уразумеете, что сущность Божья повязана и скреплена со всеми мирами, и что все формы бытия связаны меж собой и восходят к Его бытию.

Непосредственное познание человеческой души невозможно; она проявляет себя лишь посредством отдельных членов тела, которые в совокупности образуют нечто вроде инструментов души. Стало быть, душа одновременно и ведома нам, и неведома. То же самое — и с Единым Священным, да славится имя Его, ибо Он есть Душа всех душ, Сущность всех сущностей, скрывающихся от любого взгляда. Тем не менее, Его все-таки можно разглядеть сквозь ворота отдельной души.

За каждыми воротами скрываются другие, дверь — за дверью, а за нею, за последней дверью, кроется Единый Священный. Первые, ближние ворота — это ворота праведности, о которых говорится: "Открой же нам ворота праведности!" Пройдя в эти ворота, можно увидеть все остальные потайные двери, ибо праведность — основа любых прозрений.

Сегодня ворота эти замкнуты, ибо Израиль пребывает в изгнании... Они замкнуты, и нет никакой связи между ними и всеми другими. С возвращением Израиля к самому себе все остальные ворота по-прежнему окажутся гармонически связаны с первыми, и люди постигнут возвышенную мудрость, о которой никогда не догадывались, как сказано: "И дух Господний коснется их, дух мудрости и всепонимания, дух благоразумия и мощи, дух знания и страха Господнего".

Есть в Раю огромный зал, именуемый "Залом Прокаженных". В этом-то зале каждый раз и объявляется Мессия, призывая на свою голову все язвы и страдания Израиля. Если б он не делал этого, — кто бы из сынов Израиля смог снести все те беды, которые ниспосланы Израилю за его пренебрежение к Торе... Пока сыны Израиля обитали на Святой Земле, они и призывали самозабвенно на свои головы все страдания людские, и святостью своею вызволяли мир из беды. Теперь же один Мессия спасает народы от гибели.

Если кто-нибудь ходит всю жизнь стезями Господа, но случайно оступается и совершает грех, — каждое живое создание, вверху или внизу, помогает ему скрыть проступок.

Поднимаясь с постели и свешивая ноги на землю, каждый обязан сказать себе: "Следи за поступью своей, ступая по земле".

Благое намерение засчитывается в благое деяние.

Горе тому, на кого жалуется Богу бедняк, ибо бедняки ближе к Держителю.

Не обделяй собственных бедняков, раздавая милостыню чужим.

Мир этот был создан во славу тех, кто стыдится творить зло.

Правосудие — не правосудие, если хоть бы отчасти не основано на милосердии.

Кто поистине свят? Тот, кто каждый новый день воспринимает как последний, и каждый день раскаивается.

Любовь без ревности — не истинная любовь.

Бог продолжает создавать новые миры. Как? Через свадьбы.

Душа, ниспосылаемая с небес на землю, состоит наполовину из мужского, наполовину из женского духа. Мужской дух воплощается в мальчика, а женский — в девочку. Если Богу они чего-нибудь да стоят, Он соединяет их в брачном союзе. Вот это и есть настоящее супружество.

Святой Дух может почивать только на человеке женатом, ибо неженатый человек — полчеловека, а Святой Дух никогда не почивает на том, что не совершенно и не цельно.

Почитай отца твоего и мать твою, а не только Господа, ибо создавали они тебя втроем.

Любовью внуков наслаждаются больше, нежели любовью детей.

Тому, кто дважды в день заставляет сына усаживаться за Тору, — засчитывается, как если б он дважды в день присягал ей в верности.

Мудрецы превыше пророков, ибо пророк не ощущает в себе пророческого дара постоянно, тогда как мудрость мудрецам присуща всегда.

Если человек хвалит себя, значит он ничего не знает.

Самый грешный из всех грешников — тот, кто сожалеет о своих добрых делах.

Откуда в человеке трусость? Грехи его требуют немалой смелости, и ее больше ни для чего не остается.

Если человек грешит тайно, Бог прощает ему. Если человек жалеет о грехе, Бог прощает ему этот грех и забывает о нем. Если же человек не раскаивается, Бог предаст прегрешение гласности.

Тот, кто пытается предотвратить чужой грех пусть даже безуспешно, — спасает себя от ада; но грешник, не прислушивающийся к Его предостережению, погибнет в тенетах своих грехов.

Даже в золотую пору мы вправе уповать не на полное исчезновение, но лишь на ослабление Злого Духа.

Если б израильтяне не поклонялись когда-то золотому тельцу и не поддались Злому Духу, они б потеряли охоту иметь детей, и род еврейский иссяк бы.

Запрещено молить Бога насыщать на порочных погибель. Если б Бог отозвал от жизни идолопоклонника Тера, пока тот не породил Авраама, — не было б ни Израиля, ни Торы, ни Мессии, ни Пророков.

Когда в правосудии не остается ничего от милосердия, — в мире наступает голод.

Если в гневе человек разбивает какую-нибудь вещь, эту вещь следует считать жертвоприношением на алтарь Сатаны.

Как распознать гордеца? Он никогда ничего не хвалит.

Кто стремится достичь того, что создано не для него, тот теряет даже то, что дано именно ему.

Бог может простить любой грех, только не грех возложения собственной вины на невинного.

Не хвали того, кто хвалы не заслуживает: не вгоняй его в краску.

Никто не в силах властвовать над собственным ухом или глазом, но язык свой может обуздать каждый.

Молчание гарантирует спокойствие. Оно гарантирует спокойствие сердцу, легким, гортани, языку, губам и рту.

Каждая душа обследует ночью все то, что человек содеял за день.

Полноводная река замерзает медленнее мелководной.

Стоит человеку швырнуть в собаку камень, она бросается в ярости на... другую собаку.

Нет такого Нечистого Духа, который не был бы связан с Духом Святым хотя бы тоненькой нитью.

ОПТИМИЗМ ХАСИДОВ

”Шемах Исраэл Адонай Элоену Адонай Эхад” — ”Слушай, Израиль, наш Бог — Бог единый!” Сказать, что именно к этой установке и сводится, пожалуй, весь интеллектуально-поэтический мир хасидов, — значит сказать лишь половину истины, ибо эти слова, открывающие собой молитву каждого еврея и давно уже ставшие сакраментальными, обрели значение неизменного пароля среди еврейского народа. Другое дело — сказать, что, следуя утвержденному Зохаром принципу поисков тайного значения любого традиционного образа, хасидизм сводит молитвенное восклицание о единости Бога к казалось бы, незамысловатой, но неожиданной идее, которая соответственно определяет популярность и оригинальность этого учения и движения, возникшего в Восточной Европе в середине 18-го в.

Традиционное прочтение сакраментального ”Шемах Исраэл” восходит к эпохе, когда еврейский дух был зажат в тесное кольцо окружавших его бесчисленных языческих богов. Это прочтение, подчеркивающее отличие еврейства от остального мира, служило, прежде всего задаче выживания Израиля. Теперь же, когда, с одной стороны, Израиль уже прочно утвердил свою самобытность, а с другой, увлекся поисками скрытого смысла в наследии предков, утоляя тем самым жажду обновления, — в этих условиях хасидизм утверждает себя существенно новым толкованием этой корневой идеи еврейского интеллекта. Во-первых, заявляет он, идея о единости Бога должна быть понята так, что все сущее — добро и зло, мысль и чувство, камни и птицы, время и пространство — есть проявление Бога; Бог един, ибо Бог — это все. Во-вторых же, единость Бога — это цельность и нерасчленимость всего универсума: земли и неба, души и плоти, эмоции и идеи, человека и растения; все едино, и все — обличье единого Бога.

На этом, однако, и заканчивается интеллектуальная программа хасидизма, утверждавшего, что доступность Бога каждому человеку — каким бы он ни был темным и неотесанным — обеспечивается не столько посредством рассуждения, сколько через чувство восторженного отношения к жизни: ”У каждого глупца хватает причин для уныния, и только мудрец разрывает смехом завесу бытия”.

Скорее всего именно пренебрежение к формализму в религии

и в быту, безусловный, т.е. ничем не обусловленный и ничем не сдерживаемый, оптимизм, обретающий масштабы мистического подхода к миру, а также незамысловатость всей программы и обеспечили хасидизму характер поистине народного движения. До того момента, когда — подобно многим страстным идеалистическим движениям — оно оказалось во власти демагогов, хасидическое движение утверждало с новой силой присущий еврейскому духу союз неба с землей. Почти целое столетие, пока герои хасидизма — цаддики (праведники) выродились в бюрократов и алчных карьеристов, хасидизм щедро порождал имена, которым суждено было навсегда остаться в истории еврейского духа.

а) **Баал Шем Тов** (1700 — 1760) или **Бешт**, — основатель хасидизма и один из самых экстраординарных людей в еврейской истории.

К Бешту заявили как-то несколько посвященных в Закон и преисполненных полемического пыла мужей. "В старые времена, — сказали они, — было немало набожных людей, истязавших себя всякими лишениями и постами. Теперь же ученики твои внушают каждому, будто продолжительный пост противозаконен, а самоистязание преступно". Бешту пришлось ответить так: "Цель и содержание моего паломнического пребывания на земле сводится ко внушению всем моим братьям по жизни, что человек может служить Богу в радости и ликовании, ибо тот, кто исполнен радости, исполнен и любви к людям и ко всякой твари". В другой раз Бешт ответил так: "Сила, которую приходится терять во время постов, должна быть отдана Торе и богослужению. Вот почему, отказываясь от поста, можно подняться ближе к небесам".

Человек должен знать, как быть гордым, но не становиться гордецом; он должен знать, как быть сердитым, но не сердиться. Человеку следует быть полноценным и не чураться никаких страстей. Разве Тора не представляет нам самого Бога как вершителя одновременно и правосудия и милосердия!

Господь не отвергает тех, кто недопонимает чего-нибудь, лишь бы только их стремление к пониманию определялось любовью к знаниям. Господь — как отец, которому приятно выслушивать любимое дитя даже тогда, когда оно обращается к нему сбивчиво.

В час своей смерти Баал Шем произнес: "Теперь уже мне понятно, ради чего я был создан".

Когда вы чувствуете с какою настойчивостью и усердием пытаются подбить вас на злодеяние Сатана, поймите, что он всего лишь стремится исполнить свой долг. Научитесь у него прилежанию и настойчивости в исполнении вашего собственного долга — долга бороться с Сатаной и одолеваять его.

Несколько хасидов сказали Бешту: "Наши противники, бродские мудрецы, изводят нас обвинениями, будто мы пренебрегаем обычаями предков. Скажи, какую следует дать им отповедь?" Бешт ответил: "Они, хулители наши, руководствуются своим религиозным рвением и, не сомневаясь в собственной благодетельности, испытывают радость при нашей критике. Стоит ли лишать их этой радости?"

Не смейтесь над чувствами человека, усердствующего в своей молитве. Он усердствует потому, чтобы не допустить посторонних мыслей, оскверняющих молитву. Станете ли вы смеяться над утопающим, который остервенело бьет по воде руками?

Каждому человеку следует обуздывать свой разум. Он должен пытаться постигнуть все, что может, но, поднявшись на ступеньку, выше которой ему уже нет хода, он обязан обратиться к вере и углубить прежние знания. В тех сферах, которые находятся за пределами человеческого понимания, мудрец ничем не отличается от простака.

Если кто-нибудь скажет в ваш адрес, что "простак, увы, верит каждому слову", — напомните насмешнику другой стих: "Господь Бог хранит простака".

Бешт комментировал как-то такую фразу: "Наш Бог и Бог отцов наших". Он сказал: "Некоторые люди веруют только потому, что их призывали к тому отцы. Такая вера, с одной стороны, приемлема, ибо никакой философский довод не сможет пошатнуть их веру; но, с другой стороны, она не достаточна, ибо основана отнюдь не на их собственном понимании и знании... Есть, однако, другие люди, которые пришли к вере в результате долгих поисков и размышлений. Такая вера удовлетворяет нас опять же только отчасти: да, они познали Бога всем своим нутром, но если кто-нибудь приведет проти-

воположный их вере довод, они могут заколебаться и отступиться... Лучшими являются именно те из верующих, чья вера удовлетворяет в любом отношении: они веруют одновременно благодаря преданности традиции и благодаря собственным рассуждениям. Вот что и имеем мы в виду, когда произносим "Наш Бог и Бог отцов наших". Господь является Господином нашим как потому, что мы сами сознаем Его в качестве нашего Бога, так и потому, что наши отцы учили нас сознавать Его в качестве Бога".

Некий отец пожаловался Бешту, что сын его забросил Бога: "Что мне делать, Рабби?" "Любить его больше, чем когда-либо", — ответил Бешт.

У Бешта спросили: "Скажи, что же является главным в богослужении, если принять на веру твои слова, будто пост и самоистязание есть грех?" Бешт ответил: "Главное — настроить себя на любовь к Господу, Израилю и Торе. Но человек может достичь этого, если располагает достаточной для поддержания здоровья пищей и не растрачивает сил, необходимых для подавления дурных побуждений".

Нескольким из учеников Бешта было поручено отправиться к некоему заурядному человеку, о котором вдруг все вокруг заговорило, как об истинном мудреце. Перед самой дорогой они, однако, спросили у учителя: "Как же нам распознать в нем истинного цаддика?" Бешт сказал: "Спросите его совета, — что сделать, чтобы не отвлекаться во время молитвы или учебы. Если он выдаст вам хоть какой-нибудь совет, знайте, что мудрость его не стоит и гроша: до последнего вздоха человеку не отделаться от посторонних мыслей, неотступно его преследующих и мешающих восхождению души".

Каждому одаренному человеку присуща гордыня, и лишь укрощая ее на людях, он осознает всю ее силу.

Бешт спросил у кого-то: "Почему быстрая лошадь стоит в десять раз дороже медленной?" "Потому, — ответил тот, — что она бежит к цели в десять раз быстрее". "Но если она собьется с пути, — возразил Бешт, — то и уйдет от цели в десять раз быстрее". Тот не нашел, что ответить, и Бешт продолжил: "Тем не менее, если сбившаяся с пути быстрая лошадь опомнится и вознамерится вернуться на верный путь, то сделает она это в десять раз быстрее".

По-настоящему Сатана ликует именно тогда, когда ему удается убедить человека, будто злодеяние есть добро. Ведь если человек проявляет "слабость", т.е. если он совершает грех, сознавая что совершает именно грех, такой человек близок к раскаянию: если же он считает, что совершая грех, творит добро, станет ли он когда-нибудь раскаиваться?

Один набожный человек пожаловался как-то Бешту: "Всю свою жизнь я тяжело работал и беззаветно служил Господу, но вот, увы, так ничего и не достиг: кем был, тем и остался — безвестным и безграмотным мужиком". Бешт ответил: "Ты достиг того, что осознал себя человеком безвестным и безграмотным. А это совсем не мало".

Подлинный цаддик никогда не может найти у человека недостатки. Истинный праведник не в состоянии узнать о прегрешениях знакомых ему людей. Вот почему он не может служить примером и не может поучать их. Вот почему нет на земле никого, кто бы не грешил. Грех делает цаддика человеческим и позволяет ему наставлять других.

Время, потраченное на питание и сон, нельзя считать потерянным, ибо в эти минуты и часы наша душа отдыхает и обретает возможность обновления сил.

Однажды на самом пороге синагоги Бешт воскликнул с возмущением: "Комната эта битком набита молитвами и словесами!" "Отчего же тогда тебе не войти в эти святыя стены?" — удивились ученики. "Если б это были святыя стены, — ответил Бешт, — то молитвы и всякие глубокоумудрые словеса устремились бы к небесам, а синагога оказалась бы пуста. Земное пространство набивается лишь молитвами и словесами, идущими не из сердца".

Выдавливая сок из виноградных плодов, винодел процеживает его сначала сквозь сито, потом — сквозь марлю. Но сколько бы раз он не процеживал сок, от осадка отделаться невозможно. То же самое и с цаддиком. Он обязан подавлять в себе дурные побуждения, и все-таки от грешных его помыслов что-нибудь да останется.

При виде прекрасной женщины или какой-нибудь миловидной штучки, каждый мужчина безо всякого колебания должен сказать себе так: "Разве красота эта исходит не из Божественного Духа, про-

нижавшего весь мир? Если же по происхождению своему она божественна, то стоит ли мне довольствоваться лишь частичкой Духа? Не лучше ли стремиться к созерцанию Его целиком, не лучше ли созерцать источник Красоты". Когда человек вкушает вкусную пищу, он должен сознавать, что вкус этот имеет небесное происхождение и является отражением присущей небесам способности порождать качество вкусоности. Подобное отношение к красоте и есть постижение Превечного, да славится имя Его. Если, кроме того, человек выслушал какую-нибудь забавную историю, доставившую ему удовольствие, пусть он возьмет в толк, что вся эта история есть проявление царства Любви.

Стенания и печаль — грех чрезвычайно большой, и человек призван служить небесам в веселии своего сердца.

"Да оставят Меня в покое", говорит Бог, "но да веруют в Мою Тору".

Это следует понимать так: конец всякого знания — знание того, что мы не в силах знать хоть что-нибудь. Тем не менее, есть две разновидности незнания. Первая — это примитивное незнание, когда человек даже и не пытается что-либо познать, ибо де познать невозможно. Другая — поиски знания до тех пор, пока приходит понимание, что знание недостижимо. С кем же из людей можно сравнить разницу между этими двумя видами знания? С двумя мужьями, которые вознамерились как-то узреть царя. Первый входит в его хоромы, обходит все комнаты и залы дворца, наслаждается видом сокровищ, восторгается блеском и красотой царской утвари, но под самый конец убеждается в том, что самого царя ему, увы, увидеть не придется. Другой же муж говорит себе: "Поскольку царя мне не увидеть, стоит ли утруждать себя вхождением во дворец?" Отсюда — один шаг к пониманию слов Господа Бога. "Оставить Меня в покое" значит перестать доискиваться встречи со Мною, ибо увидеть Меня немислимо. Но, перестав преследовать Меня, люди да будут верны Моей Торе!

Ни одна встреча с каким бы то ни было существом или какой бы то ни было вещью на протяжении вашей жизни не свободна от тайного смысла. Все — люди, животные, вещи — заключает в себе загадочный смысл, который лишь с нашей помощью может обрести свою чистую форму и достигнуть совершенства. Если мы пренебрегаем этой ниспосланной нам на нашем пути духовной субстанцией, мы сами лишаем себя наполненной жизни.

б) Нахман из Брацлава (1770 – 1811) – правнук Балл Шем Това, живший на Украине и вошедший в историю хасидизма как один из его основных идеологов.

Человек может служить Богу даже из дурного побуждения при том, однако, условии, что всю страсть и силу своего поведения он отдает Богу.

Даже раскаяние должно быть достигнуто посредством радости. Мы обязаны радоваться Богу столь глубоко и неустанно, что в конце концов в душе нашей должно зародиться чувство сожаления за прегрешения перед Ним.

Бог отвергает подавленные души.

Прямая обязанность испытывающего радость человека – стремиться заразить этим чувством всякого, кого охватила печаль и меланхолия.

Сущность человека – это мысль и знания. Где помыслы человека – там и сам он. Да будут мысли его о возвышенном.

Злобность и жестокосердие вызывают ущербность наших знаний. Увеличение понятливости приносит душевный покой, мир, доброту и удовлетворение.

Каждый автор должен определять ценность своего труда в зависимости от того, какова связь между его трудом и Книгой Всего Человечества. Точнее говоря, ему следует ответить на такой вопрос: может ли извлечь человечество из его книги какую-нибудь пользу?

Осмысление той истины, что все случившееся с вами ведет к вашему же добру, поднимает вас до высот, которых удостоились обитатели Рая.

В своей вере в Бога человек должен основываться прежде всего на собственном чувстве веры, но не на ожидании чудес.

Среди вождей существуют и такие, кто следуют лишь самым поверхностным и даже ложным ценностям. Их, не умеющих управ-

лять даже собою, злой дух научает повелевать другими. И все-таки они заслуживают меньшего позора, чем те, кто верует в них и их поддерживает. Именно эти последние и будут в конце концов призваны к суду за свои злодеяния.

Если человек способен выслушивать оскорбления с улыбкой, он заслуживает стать вождем.

Бог повсюду, где утверждается мир.

Тот, кто жаждет большего, повинен в мысленном разбое.

Совмещать в себе человечность и деньги невозможно. Либо лишаешься денег, но остаешься человеком, либо лишаешься человечности, но сохраняешь деньги.

Занятие философией может оказаться опасным, если развитие мозга не поддерживать благородными делами.

Прежде чем помолиться, раздай милостыню.

Истинным хасидом может быть лишь тот, кто на оскорбление отвечает молчанием.

Не оказывайте почестей скандалисту, если даже он учен и образован.

Весь наш мир обязан устойчивостью тому, кто при ссоре смыкает уста.

Знания, за которые платят, запоминаются дольше.

В городе, кишящем ворами, всегда можно найти взяточников среди судей и полицейских.

Невозможно думать сразу о двух вещах. Думайте о Торе, думайте хотя бы о собственном деле, и дурным мыслям не останется места в вашей голове.

В доме неискренних родителей дети неуправляемы.

в) Другие цаддики.

Рабби Бунам сказал своим хасидам: "Величайшее из прегрешений

отдельного человека заключается отнюдь не в тех грехах, которые он совершает: соблазн велик, а воля наша слаба! Величайшее из прегрешений в том, что каждое мгновение человек может повернуться к Богу, но не поворачивается”.

Кто-то пожаловался Бунаму: “Талмуд учит, будто если человек не стремится к почестям, почести сами настигают его. Но я вот со всех ног бегу от почестей, а они, увы, и не думают меня нагонять”. “Причина в том, — ответил цаддик, — что ты то и дело оглядываешься”.

Склонившись над умирающим Рабби Бунамом, жена его горько всхлипывала. Он проговорил: “Стоит ли плакать? Вся моя жизнь была дана мне именно для того, чтобы научиться умереть”.

Рабби Бунам сказал однажды в старости, уже будучи слепым: “Я не хотел бы поменяться сейчас местами с отцом Авраамом. Что пользы Господу, если бы праотец Авраам стал таким же, как слепой Бунам, а слепой Бунам, — таким, как Авраам?”.

Рабби Зуся заметил незадолго до своей смерти: “В грядущем мире меня не спросят: “Почему ты не был Моисеем? Меня спросят: “Почему ты не был Зусей?”.

Один хассид спросил Злочевского маггида: “Сказано: “Каждый во Израиле должен возгласить: “Когда же дело мое приблизится к делу моих отцов, — Авраама, Исаака и Якова?” Как это понимать? Вправе ли мы допустить, что сможем сравняться с праотцами?”

Маггид объяснил: “Отцы наши прокладывали новые пути в служении Богу, — каждый сообразно своему характеру: один — посредством любви, другой — мужества, третий — великолепия. Так и мы, каждый из нас, в согласии со своей природой, призваны вносить новый свет в учение и служение. Не повторять уже совершенное, но делать что еще не сделано. С рождением каждого человека входит в мир нечто новое, чего еще не было, нечто первозданное и неповторимое. Долг каждого во Израиле знать и не забывать, что он в мире единственен в своем качестве и что никогда еще не появлялось никого ему подобного. Ибо если б уже был подобный ему человек, то не было бы необходимости в нем самом. Каждый — новое создание в мире, и каждый должен довести собственное своеобразие до совершенства. Непонимание этой истины и есть причина непришествия Мессии.

Рабби Энох из Александрова говорил: "Многие народы земли верят, что имеются два мира: тот и этот. Различие же между народами в том, что если большинство полагает, будто один мир отделен и обособлен от другого, Израиль признает, что оба мира составляют одно целое". (Комментарий М.Бубера: "В своей сокровеннейшей сущности оба мира составляют единый мир. Они только как бы разошлись в разные стороны. Но они должны вновь стать единством, каким они являются в своей сокровеннейшей сущности. Чтобы воссоединить оба мира, сотворен человек. Он способствует достижению этого единства, живя единой священной жизнью с миром, в котором он находится".)

Однажды Рабби Пинхасу из Кореца рассказали о страшной нищете, в которой живут неимущие. Погрузившись в горестные мысли, слушал он эти рассказы. Потом поднял голову. "Помогите впустить Бога в этот мир, — сказал он, — и все уладится". (Комментарий М.Бубера: "Но разве можно впустить Бога в мир? Не святотатственна и не дерзка ли эта мысль? Как дерзает земной червь притязать на то, что во власти лишь Бога? В этом вопросе доктрина иудаизма снова противостоит доктринам других религий, и вновь наиболее глубокое выражение эта противоположность находит в хасидизме. Именно в том и заключается Божья милость, что Он как бы передает Себя в руки человеку. Бог хочет заявиться в Свой мир, но хочет Он появиться в нем именно с помощью человека. В этом и заключается мистерия нашего бытия, сверхчеловеческая возможность человеческого рода".)

Рабби Мендель из Коцка поразил однажды ученых мужей, навестивших его, вопросом: "Где обитает Господь?" Они встретили его слова смехом: "Что вы говорите, Рабби! Разве весь этот мир не исполнен Его славы?". Тогда Рабби Мендель сам же и ответил на свой вопрос: "Бог обитает там, куда Его впускают".

Сказал Рабби Пинхас: "Сны — это отходы мозга. А все науки в мире — это отходы Торы, и этим очищается Тора, как очищается мозг ото сна. Сказано: "Когда Господь вернет пленных в Сион, мы будем, как во сне". Ибо тогда откроется, что все науки появились лишь во имя Торы, а все изгнания — во имя очищения Израиля. И все горести, — словно сон".

Рабби Шнеур — Залман спросил у нового ученика: "Что такое Бог?" Ученик ничего не ответил. Учитель спросил во второй и в тре-

тий раз. "Отчего же ты молчишь?" – сказал Рабби. "Оттого, что не знаю". "А я разве знаю? – воскликнул Рабби. – Но я вынужден спрашивать, ибо дело обстоит так, что нельзя не признать: Он существует явственно, а кроме Него ничто не существует явственно. Вот что такое Бог".

Рабби из Ружина говорил: "Мессия объявится прежде всего в России". Рассказывают также: "Один из хасидов Рабби Мотла из Черныбыля, дяди Ружинского Рабби, поехал к своему учителю и по дороге остановился в гостинице. Когда он молился, как обычно, повернувшись лицом к стене, внезапно появился за его спиной человек и заговорил: "Дали земные измерил я пядью, но такого изгнания, как в России, не видел". Обернулся хасид и увидел, что человек этот направился к дому Рабби Мотла и вошел внутрь. Но когда он последовал за ним и заглянул в дом, то его там не нашел. И никто ничего о нем не знал.

Спросили Рабби Авраама Яакова: "Наши мудрецы говорили: "Нет вещи, которой бы не было места... Если так, то и всякому человеку есть свое место. Отчего же иногда людям так тесно?" Цаддик ответил: "Оттого, что каждый хочет занять место другого".

Рабби Нахум сказал как-то стоявшим вокруг хасидам: "Если б мы все могли повесить наши страдания на гвоздь и было бы нам позволено взять любые на выбор, каждый снова взял бы свои, так как прочие показались бы ему хуже".

Одному хасиду жилось так тесно в своей крохотной лачужке, что когда стало уже совсем невтерпеж, он обратился за советом к цаддику: "Ребе! У нас в доме так много детей и родственников, что нам с женой негде повернуться!" "Если у тебя есть коза, втащи ее к себе под крышу", – посоветовал цаддик. Крайне изумленный, хасид, однако, не посмел пререкаться. Наутро, выполнив наказ цаддика, горемыка снова прибежал к нему: "Ребе! Стало хуже!" "Если у тебя есть цыплята, загони в свою лачужку", – ответил цаддик. И снова хасид не посмел сказать в ответ лишнего слова, однако через день после того, как по всему его дому забегали цыплята, пугаясь в ногах и забив собою все углы, он еще раз заявился к цаддику, на этот раз уже полубезумный. "Ну что, сын мой, трудно?" – спросил цаддик. "Конец света!" – застонал хасид. "Ну и отлично! А теперь возвращайся домой, прогони козу и всех цыплят, а завтра приди ко мне снова". Назавтра хасид вошел к цаддику с сияющим

лицом: "Ребе! Тысячу благословений! Лачужка моя теперь — как дворец!"

Как-то раз одного цаддика попросили выиграть в суде дело, касавшееся большой суммы денег. Когда он выполнил свою задачу, тяжущийся вручил ему в награду жалких десять рублей. Цаддик бросил взгляд на деньги и затем спросил наивным голосом: "Что это такое?" "Это деньги", — ответил тот. "А что с ними делать?" "На эти деньги можно купить какую-нибудь штучку, продать ее с выгодой и занять денег побольше". "Если так, — проговорил цаддик, — мне они не нужны". Он собрался было вернуть монеты, но делец остановил его: "Нет, нет. Если деньги эти не нужны тебе, отдай их жене". "А что делать с ними ей?" "Она может купить еду и одежду, а также всякую домашнюю утварь". "Ах вот как! — воскликнул цаддик и сделал вид, будто его только что осенило. — В таком случае ты должен дать мне больше".

Как-то раз в голодное время некий цаддик вызвался достать денег, которых хватило бы для того, чтобы прокормить всю общину. Он заявился с этою просьбой к какому-то богачу, славившемуся встлычивостью и крутым нравом. Вместо денег цаддик удостоился от него лишь сильной пощечины. Святой муж остолбенел, но затем произнес мягким голосом: "Да, сын мой, я это заслужил. А теперь поговорим о моих бедняках: сколько ты можешь им выделить?"

Однажды навестил цаддика некий богатый скупец. Указав пальцем на окно, цаддик спросил: "Что ты видишь через стекло?" "Людей", — ответил тот. Затем цаддик взял его за руку и подвел к зеркалу: "А что ты видишь здесь?" "Себя", — ответил тот. Цаддик проговорил: "Смотри, и то, и другое — стекло, но зеркальное стекло покрыто серебром. Получается, что как-только примешиваешь к чему-нибудь серебро, видишь уже только себя".

Жена сказала как-то цаддику: "Ты молился сегодня долго, и долго молил Господа сделать так, чтобы богачи были щедрее к нищим. Услышал ли Он тебя?" Цаддик ответил: "Пока лишь наполовину: нищие уже готовы принять помощь от богачей".

Наутро после Йом Кипур бердичевский цаддик пригласил к себе местного портного и попросил его пересказать все, о чем тот накануне молил Бога. Портной сказал: "Я объявил Господу: "Ты, Гос-

поди, ждешь, чтобы я раскаялся в своих грехах, но они ничтожны. Да, я пошил не так, как следует, да, не всегда мыл руки перед едой. Но ведь Сам Ты, Господи, грешил больше: лишил мать ребенка, у детей отнимал кормильцев. Так давай же сочтемся: если Ты простишь меня, прощу и я Тебя!" Цаддик заметил: "Ох, зря ты простил Бога так быстро! Тебе следовало заставить Его отпустить грехи всему Израилу!"

Жена одного из недругов бердичевского цаддика, повстречав его как-то на улице, окатила ведром воды. Он поспешил в синагогу и взмолился Господу в таких словах: "Господи, не спеши наказывать эту бабу. Должно быть, она поступила так по велению мужа, а посему оказала себя послушной женой".

Обычно бердичевский цаддик лично обслуживал своих гостей. Он подавал им пищу и сам стелил им постель. Когда его спросили — почему он не поручит это своему слуге, цаддик ответил: "Гостеприимство может быть истинным лишь если оно бескорыстно, а мой слуга получает за свои труды деньги".

Люблинский цаддик сказал: "Грешник, сознающий свою греховность, лучше праведника, убежденного в собственной праведности. Первый правдив, второй же лжив, ибо никто еще не жил безгрешно". Он говорил также: "Истинные хасиды рождаются очень редко. В одном городе трудно найти двух хасидов, но одного не достаточно. Стало быть, в каждом городе должно быть полтора хасида, причем каждый должен считать себя половиной, а другого — целым".

Цаддик "Джуд" сказал: "Как известно, всякий отец стремится помочь сыну стать ученым и набожным евреем. Тот, в свою очередь, пытается позже сделать то же самое. Да наступят же, наконец, времена, когда каждый отец сам будет стремиться быть добронравным евреем вместо того, чтобы переложить эту ношу на плечи своего потомка!"

Рабби Аарон Лейб из Перемышля направился как-то с визитом к жившему в соседнем местечке цаддику. Узнав об этом, местные хасиды высыпали на дорогу встречать высокого гостя. Завидев их еще издали, Рабби спешно обменялся одеждой со своим извозчиком, дабы избежать ненавистных ему почестей. Тем не менее сам цаддик, к которому направлялся высокий гость, распознал его по благородному выражению лица. И вот, пока хасиды учтиво пожимали руку

переодетому извозчику, цаддик поклонился Рабби. Позже, отвечая на вопрос — как же он догадался об обмане, цаддик рассмеялся: "Один плут не сможет провести другого".

Коцкерский цаддик сказал: "Надо заботиться о своей душе и чужой плоти. Не наоборот".

Рабби Исаак Меир из города Гер потерял всех своих тринадцать сыновей. Когда умер последний, мать не хотела слышать никаких утешительных слов, но он сказал ей: "Дети наши умерли не зря. Если с кем-нибудь случится такая же беда, он припомнит, что мы с тобой потеряли всех детей, и это убережет его от того, чтобы разгневаться на Бога".

Герский цаддик спросил как-то у молодого человека сведущ ли тот в Торе. "Немножко", — ответил тот. "Больше, чем немножко никому еще не удавалось изучить нашу Тору", — возразил цаддик.

Пюльнерский Рабби сказал: "Тора сравнила евреев с песком на морском берегу. Каждая песчинка — сама по себе, и только огонь спаивает их в стекло воедино. Так же расщеплены все израильтяне, и нужна беда, чтобы всех их соединить".

Каривский цаддик сказал: "Не презирай брата своего только потому, что сам ты не прегрешаешь. Если б он был тобой, не прегрешал бы и он, и если б ты был им, прегрешал бы и ты. Прегрешение человеческое обусловлено не только его волей, но и многими иными вещами".

Бершидский цаддик сказал: "Вымолить прощение за грех меланхолии не легко. Рассказываясь в нем, человек впадает в меланхолию более глубокую, ибо сознает, что он грешен".

Рабби Ноах Лехвицкий сказал: "Человека очень часто определяют как "маленький мир". Это следует понимать вот как: если человек мал в собственных глазах, — он действительно "мир", но если он в своих же глазах является "миром", он в таком случае мал.

Он сказал также: "Мучиться — это значит грешить. Лишь в одном случае позволено мучиться: мучиться оттого, что мучится другой".

Рабби Лейб из Ланцута был состоятельным купцом и прекрас-

но разбирался в Торе. Обанкротившись, он впал в нищету, но не перестал заниматься Торой. Жена возмущалась: "Как это ты не ведешь и бровью, растеряв все свои деньги!" Тот ответил: "Господь одарил меня быстрым разумом. Другой стал бы горевать целый год, а я сделал это в одно мгновение!"

Рабби Мендел из Любовичи не позволял себе гневаться на что-нибудь раньше, чем не вычитал бы в "Шулхан Аруке" – позволительно ли на это гневаться. Подумайте, однако, возможно ли сохранять гневный пыл, пока роешься в столь громоздкой книге?

Цаддик из города Цупенстар застал как-то своих хасидов за шахматной партией. Он сказал: "Правила этой игры должны научить вас немалой мудрости: жертвуя одной фигурой, вы выигрываете две; ничто не имеет права сделать подряд два хода; пешка ходит только вперед, – не назад; достигнув высшей клетки, она, однако, вправе двигаться в любом направлении".

Рабби Генох Александрийский сказал однажды: "Истинным изгнанием Израиля мне представляется то, что израильтяне привыкли к этому и смирились".

Цаддик из города Брыска сказал о каком-то филантропе: "Великодушный человек, но есть у него один недостаток. Он наслаждается своими пожертвованиями так самозабвенно, что хотел бы видеть всех в бесконечной нужде".

Цаддик из города Царткова перестал вдруг читать проповеди. Когда его спросили о причине, он ответил: "Много путей ведут к утверждению Торы. Один из них – молчание".

Некий хасид, наслышавшись о знаменитом Рабби Израиле Меи-ре ХаКоэне из города Радин, спросил у его учеников: "Правда ли, что ваш цаддик творит чудеса?" Те ответили "Вы считаете чудом – когда Господь исполняет волю вашего цаддика. Мы же считаем чудом – когда доподлинно оказывается, что наш цаддик следует воле Господа".

Тот, кто считает, что может жить без людей, ошибается. Тот, кто считает, что люди не могут жить без него, ошибается вдвойне.

Преследуя счастье, мы убегаем от удовольствий.

Дурные привычки легче бросить сегодня, чем завтра.

Нужда улучшает человека, везение ухудшает.

Страх перед неудачей хуже самой неудачи.

Еврей спросил Рабби: "Куда бы мне ни деться, всюду сталкиваюсь с предрассудками против евреев; и вот я подумываю — не креститься ли мне? Тем более, что это ничего во мне не изменит, ибо мне плевать на христианство. Прав ли я, Рабби?" Тот ответил: "Знаешь ли ты, что Тора сравнила евреев с песком. Пока песок сух, — это песок. Но что с ним станет, если слить воду?"

Бойся лишь двух вещей: Господа нашего и человека, который Его не боится.

Тому, кто ищет друзей без недостатков, жить без друзей.

Бойся того, кто боится тебя.

Тот, кто доверяет себе, обретает и чужое доверие.

Тому, кто не умеет выживать в тяжкие времена, не дожить до лучших.

Будем же как стрелы, устремляющиеся к центру круга и сливающиеся там. Но не будем как параллельные линии, каждая из которых — сама по себе.

Одного цаддика попросили помолиться за какого-то приболевшего богохульника. Цаддик стал уговаривать Бога в таких словах: Если судить строго, этот больной, быть может, и заслуживает смерти. Но лишь самым обычным судьям вменяется судить виновника за его злодеяния. Между тем любой царь, будучи главным судьей в стране, волен помиловать преступника вопреки требованию закона. Ты, Господи, выше любого царя; Ты — верховный судья всей земли и волен обходить любой закон. Посему молю Тебя, Господи, выказать Свое право на помилование, ибо сказано Авраамом (Бытие, 18:25): "Судья всей земли не нуждается в том, чтобы убеждать нас в своей справедливости".

ТРАДИЦИОННОСТЬ СПИНОЗЫ

Хотя сефардский еврей из Амстердама Барух Спиноза (1632-1677) принадлежит хронологически к эпохе Средневековья, дух его творчества настолько современен, что многие испытывают соблазн отсчитывать новый период в истории мысли со времени появления его трудов. Помимо прочих соображений их, однако, удерживает от этого факт, что судьба Спинозы сложилась скорее на типически средневековый, нежели современный лад: в 23 года, будучи студентом Талмудической Академии, по окончании которой ему предстояло стать раввином, Спиноза был изгнан за свое свободомыслие из еврейской общины и предан анафеме.

Сам по себе этот эпизод из его биографии выявляет парадоксальную природу еврейского духа: будучи в корне своем свободолюбивым; родившись, по существу, как диссидентская реплика (имеется в виду идея единобожия) на утвержденную в мировом обществе языческую систему ценностей и догм; еще на страницах Библии освятив принцип неограниченного критицизма, этот дух нередко оказывается на поверку отнюдь не терпимым к новым проявлениям инакомыслия. Вспомним судьбу Иисуса из Назарета; или — историю с запрещением ранних трудов "Второго Моисея", Маймонида; или, наконец, — жизнь Спинозы, самого признанного из еврейских философов всех эпох. Этот парадокс, однако, объясним: ненависть к инакомыслию восходит либо к чувству высокомерия, либо — наоборот — к ощущению собственной уязвимости. В данном случае решительная неприязнь к диссидентству обусловлена физической слабостью еврейской общины, подозревавшей любую нетрадиционную идею, зарождавшуюся в его недрах, в потенции разрушительства.

Между тем — и тут наступает черед другого парадокса — казавшиеся разрушительно-революционными, эти идеи оказывались, в конечном счете, именно нетрадиционным оформлением или толкованием глубоко традиционной мудрости евреев, того комплекса библейских истин, поэтических символов и представлений о справедливости и праведности, которые определили особенности еврейского духа. Свидетельство тому — нижеследующие выдержки из писаний Спинозы, по духу своему истинного бунтаря и одновременно скрупулезного раввина.

Свобода

Если б повелевать умами было так же легко, как и языками, то каждый царствовал бы спокойно, и не было бы никакого насильственного правления, ибо каждый жил бы, сообразуясь с нравом правящих, и только на основании их решения судил бы о том, что истинно или ложно, хорошо или дурно, справедливо или несправедливо. Но не может статься, чтобы ум неограниченно находился во власти другого. Из этого, следовательно, выходит, что то правление считается насильственным, которое посягает на умы, и что верховная власть, очевидно, совершает несправедливость по отношению к подданным и узурпирует их право, когда хочет предписать каждому, что он должен принимать как истину или отвергать как ложь и какими мнениями, далее, ум каждого должен побуждаться к благоговению перед Богом; это ведь есть право каждого, которым никто, хотя бы он и желал этого, не может поступиться...

Итак, если никто не может поступиться своею свободою судить и мыслить о том, о чем он хочет, но каждый по величайшему праву природы есть господин своих мыслей, то отсюда следует, что в государстве никогда нельзя, не рискуя слишком плачевными последствиями, домогаться того, чтобы люди ничего не говорили иначе, как по предписанию верховных властей, ибо и самые опытные не умеют молчать. Это общий недостаток людей – доверять другим свои планы, хотя и нужно бы молчать; следовательно, то правительство будет самое насильническое, при котором отрицается свобода за каждым говорить то и учить тому, что он думает, и наоборот, то правительство будет самое умеренное, при котором эта самая свобода дается каждому...

Конечная цель заключается не в том, чтобы господствовать и держать людей в страхе, подчиняя их власти другого, но, наоборот, в том, чтобы каждого освободить от страха, дабы он жил в безопасности, насколько это возможно. Цель государства не в том, чтобы превращать людей из разумных существ в животных или автоматы, но, напротив, в том, чтобы их душа и тело отправляли свои функции, не подвергаясь опасности, а сами они пользовались свободным разумом. Следовательно, цель государства в действительности есть свобода.

Богословско-политический трактат, гл. 20

Библия

Всем известно, что Священное Писание есть слово Божие, указы-

вающее людям на истинное блаженство, или на путь к спасению. Но на деле все выглядит иначе. Толпа, по-видимому, меньше всего заботится о том, чтобы жить по правилам Священного Писания, и мы видим, что почти все выдают свои измышления за слово Божие и стремятся только к тому, чтобы под предлогом религии принудить других думать заодно с ними... Не удивительно, что люди, дабы больше удивляться Писанию и почитать его, стараются так его изъяснить, чтобы оно казалось как можно больше противоречащим разуму и природе... Общее правило толкования Писания таково: не приписывать ему ничего такого, чего мы не усмотрели бы ясным образом из его истории.

Там же, гл. 7

”Избранность” евреев

Истинное счастье и блаженство каждого состоит именно в наслаждении благом, а не в том, что благом наслаждается лишь он один, — никто больше. Истинное счастье или блаженство не дано тому, кто считает себя блаженствующим потому, что другим живется не так хорошо, как ему. Радость, испытываемая при подобном блаженстве, уходит корнями в чувство зависти и в дурные качества сердца. Истинное счастье и блаженство человека состоит в мудрости и познании истины, а отнюдь не в том, что он мудрее остальных или что остальные не обладают истиной... Следовательно, когда Писание, убеждая евреев повиноваться закону, говорит, что Бог избрал их себе из прочих народов, что Он к ним близок, а к другим нет, что Он только им предписал справедливые законы, наконец, что Он, минуя прочие народы, только им объявил Себя и пр., — то оно исходит из представления людей, не знавших истинного блаженства. На деле они, конечно, были бы не менее счастливы, если бы Бог всех одинаково призвал к спасению; и Он был бы к ним не менее близок, если б Он был одинаково близок и к другим; законы стали бы от этого не менее справедливыми, а сами они — не менее мудрыми; наконец, евреи были бы обязаны почитать Бога не менее, если бы Бог одинаково одарил и все другие народы... Стало быть, еврейский народ избран Богом из других не в отношении разума и спокойствия духа, но в отношении общества и счастья, благодаря которому он достиг совершенства и удержал его в течение такого времени.

Там же, гл. 3

Фанатизм

Вы, кто высокомерно заявляете, будто, наконец-то нашли луч-

шую религию или лучших учителей, которым легковерно доверились, — откуда же вам известно, что эти учителя — лучшие из всех других, проповедовавших иные религии, или лучше тех, кто появится позже? Постигли ли вы уже все иные религии — древние и современные — рожденные у нас, в Индии или других странах мира? И если даже предположить, будто вы постигли их все достаточно глубоко, откуда вам знать, что вы на самом деле избрали лучшую?

Письмо Ольденбургу

Истина

Так как разум не требует ничего противного природе, то он требует, следовательно, чтобы каждый любил самого себя, искал для себя полезного и стремился ко всему тому, что действительно ведет человека к большому совершенству, и вообще, чтобы каждый, насколько это для него возможно, стремился сохранять свое существование. Все это столь же истинно, сколь истинно, что целое больше своей части. Далее: так как добродетель состоит ни в чем ином, как в действовании по законам собственной природы, и так как всякий стремится сохранять свое существование лишь по законам своей собственной природы, то отсюда следует, во-первых, что основание добродетели составляет самое стремление сохранять собственное существование и что счастье состоит в том, что человек может сохранять его. Во-вторых, из этого следует, что добродетели следует доискиваться ради нее самой и что нет ничего лучше нее или полезнее, чем она.

Этика, ч. 3

Изречения

Через чудеса нам не дано познать существование Бога; об этом гораздо лучше можно заключить из прочного и неизменного порядка вещей.

Богословско-политический трактат, гл. 6

Высшее достоинство разума — знание Бога, а высшая истина — признание Его.

Этика, тезис 28

Бог существует, ибо Он необходим.

Там же, тезис 11

Бог есть добровольная причина всех вещей.

Там же

Каждый обладает такою властью, какою может.

Богословско-политический трактат, гл. 3

Если позволят условия, евреи могут восстановить свое царство, и Бог может вторично избрать их.

Там же

Никакая любовь, кроме интеллектуальной, не может быть вечной.

Этика, тезис 34

Пороки будут существовать до тех пор, пока существуют люди.

Богословско-политический трактат, гл. 1

Пока человек думает, что не сможет сделать что-нибудь, он не сможет это сделать.

Этика, тезис 28

Эмоция перестает быть страстью, как только мы придаем ей ясный и понятный смысл.

Там же, тезис 3

Не существует надежды без страха и страха без надежды.

Там же, тезис 13

Я не представляю себе как можно изучать философию без того, чтобы не потревожить устоявшиеся религиозные нормы.

Из речи

Нет ничего более полезного для человека, чем человек.

Этика, тезис 18

НОВЫЙ ПЕРИОД

ВВЕДЕНИЕ

Этот период в истории еврейского духа, открывшийся в 18-м в. с началом борьбы Израиля за эмансипацию, длился почти столетие, пока падение гетто, с одной стороны, и возникновение сионизма, с другой, не возвестили о начале т.н. современного периода, длящегося до нынешнего дня.

Новым этот период является в силу того, что еврейский интеллект, обращаясь к Библии, сосредоточивается уже не столько на религиозно-философской ее доктрине, сколько на принципах политического отношения к действительности; не столько на позитивной программе, сколько на пафосе критицизма. Любая религия, рожденная даже в результате отрицания других, основана на вере; любая религия у т в е р д и т е л ь н а, тогда как политическая программа, какой бы утвердительной она ни казалась, обязана своим рождением н е т е р п и м о с т и к иным вариантам социального устройства. Универсальность Библии как двигателя и экстракта еврейского духа заключается помимо остального в гармоническом с о ю з е религиозных откровений

THE NEW PERIOD

INTRODUCTION

This period in the history of the Jewish spirit unfolded in the eighteenth century as Israel's struggle for emancipation began, and lasted almost an entire century, until the fall of the ghetto, on the one hand, and the emergence of Zionism, on the other, marked the beginning of the Contemporary period.

It is named not for its chronology, but for an intellect, which traditionally appealing to the Bible as a religious guide, began to concentrate on a biblical approach to political reality. It focused not so much on the Bible's positive program, as on its penchant for criticism. Any religion — even one born of the denial of other religions — is based on faith; religion affirms — whereas a political ideology, regardless of how affirmative or instructive it seems, necessarily precludes other forms of social organization. The universal appeal of the biblical world rests on its union of religion revelation with social and political concepts. One can even argue that the Prophets viewed the goal of a religious attitude toward life in socio-political terms. Judaism, to a great extent, is the teaching

с принципами социального мышления, ибо цель религиозного отношения к жизни Пророки усматривали также в ее лучшей социально-политической организации. Иудаизм есть в огромной степени учение о нравственности, а политическая система зиждется на том или ином представлении о морали.

Между тем, на протяжении всей побиблейской эпохи евреям приходится существовать как общине именно религиозной, почему еврейский дух и вынужден по существу разять предложенное Библией единство "религия — политика", и, культивируя его первую половину, игнорировать вторую. Конец этому дисбалансу был положен эмансипацией.

Хотя еврейский интеллект давно уже определял собой религиозное и нравственное развитие западного мира, признание гражданских прав евреев оказалось мощным стимулом для развития политического гения. Отныне, получив право участия в определении политического облика мира, евреи стремятся к его обновлению с позиций библейского критицизма и социального гуманизма.

of morality, whereas a political system is based only on a certain interpretation of morality.

After the biblical era, Jews lived only as a religious community, and were therefore forced to disjoint the biblical principle of unity between the religious and political aspects of existence, cultivating the former at the expense of the latter. An end to this imbalance was signaled by the reforms of the eighteenth century and the subsequent emancipation of the Jews.

By granting them their civil rights, the Western world, having long ago received its religious and moral foundation from the Jewish experience, now boosted the Jew's unique social and political perspective. Allowed to participate in the political process, Jews began to strive for social renewal through Bible inspired criticism and universal ideals.

МЕНДЕЛЬСОН: НАЧАЛО ПУТИ

Первым, кто предпринял попытку выяснения связи между религией и политикой, между требованиями нравственности и реальными условиями жизни, был философ Моисей Мендельсон (1729-1786), прозванный евреями Третьим Моисеем, а христианами – Вторым Платоном. Предмет его интереса, так же как и история его жизни (родившийся в гетто горбун, он вырастает в самого уважаемого и влиятельного мыслителя современной ему Европы) – представимы лишь при тех новых политических условиях, которые были названы выше. Что же касается основной, знаменитой идеи Мендельсона, которая, по словам И.Канта, "возвестила великую реформу не только в жизни одного еврейства, но и всех народов", идеи о несовместимости нравственности (религии) и политики (государства), – она восходит к врожденному критицизму еврейского духа и является начальным пунктом еврейского проекта политически-социального преобразования мира. Великий реформаторский смысл этой мендельсоновской идеи применительно к судьбе евреев выразился именно в том, что отныне утвержденное цивилизованным миром размежевание религии и государства предоставляет им шанс пользоваться полными гражданскими правами, не переставая быть евреями.

Церковь и государство

Между религией и государством – очевидное и принципиальное различие. Государство диктует и принуждает; религия учит и убеждает. Государство издает законы; религия предлагает заповеди. Государство обладает физической силой и при необходимости ее использует; сила религии в любви и милосердии. Государство не признает непокорного или неверного и выбрасывает его вон; религия принимает его к груди и даже в последние мгновения его земной жизни пытается – отнюдь не всегда открыто – наставить его на путь истины или хотя бы утешить. Одним словом, государство обладает ограниченными правами, тогда как права религии неограниченны.

Иерусалим

Прогресс

Применительно ко всему человеческому роду вряд ли можно говорить о наличии настойчивого прогресса и неуклонного движения к совершенству. Напротив, имея в виду человечество в целом, то и дело приходится убеждаться, что оно подвержено всего лишь бесконечным и еле заметным колебаниям из стороны в сторону. Никогда еще человечеству не удавалось продвинуться вперед хотя бы на несколько шагов без того, чтобы вскоре не оскользнуться и молниеносно скатиться на прежние позиции. Большинство народов словно бы оцепенели и застыли на прежних ступеньках цивилизации, навеки завязли в непроглядном мраке ушедших веков, брезжащих сегодня неясным светом, еле достигающим наших ослабевших глаз. Время от времени какая-то горстка людей вспыхивает ярким светом, ослепительной звездой, и рвется вперед; но путь, на который она вырывается, упирается в круг, возвращающий их в исходное место или неподалеку от него. Человек движется вперед, но человечество постоянно мечется из стороны в сторону, словно бы стиснутое стенами. Оно топчется все на той же ступеньке морального развития, держится все тех же представлений о вере и неверии, об истине и пороке, о счастье и беде.

Там же

Иудейство

Иудейство исходит из признания внутренней свободы религиозного убеждения; вот почему древнее истинное иудейство не представляет собою свода тех обязательных догм или символических книг, которые каждый верующий должен принимать на веру. Иудейство вообще предписывает не в е р у, а только з н а н и е и п о з н а н и е; оно требует лишь внимания и любви к своему учению, и в сфере иудаизма каждому позволено мыслить, сомневаться и ошибаться на свой собственный лад, не подвергаясь при этом обвинениям в ереси. Право наказания вступает в силу только тогда, когда дурная мысль переходит в действие. Почему? Потому что иудейство — не р е л и г и о з н о е откровение, а откровение в области з а к о н о д а т е л ь с т в а: первая его заповедь гласит не: "должно верить в это и не верить в то", но: "должно делать это и не делать того". В конституции, данной Богом, государство и религия едины; отношения человека к обществу и Богу сливаются воедино и никогда не должны противоречить друг другу.

Там же

Религиозные истины

Без истин, признанных всеми религиями, счастье является не больше, чем пустой мечтой. Без Бога и Провидения, без загробной жизни человеколюбие — не что иное, как слабость, а доброжелательность — почти нелепица, в которой люди пытаются убедить друг друга, дабы в конце концов простодушный мучился, а хитрец роскошествовал и ликовал.

Там же

Поскольку религиозно-нравственные истины необходимы человеку, как воздух, постольку они являются врожденными и не нуждаются в доказательствах. Они вечны, как истины математические. Несомненность синайского откровения основана на авторитете и силе подлинной традиции, которая является непреложным и очевидным историческим фактом. Вечные истины и истины исторические различаются по своим источникам, но по степени своей достоверности они равнозначны.

Там же

ИРОНИЯ ГЕЙНЕ

Духовная судьба Генриха Гейне (1797-1856) оказалась исполнена жестокой иронии: необычайно популярный немецкий лирик и эссеист, отказавшийся от религии предков и принявший христианство как плату за вход в пантеон арийской культуры, он признавался на смертном одре: "Теперь уже я — не священное двуногое и не "самый свободный немец после Гете", как величали меня в лучшие дни; я уже не великий язычник, этаким Дионисий, увенчанный лавровым венком и превзойденный лишь тем моим коллегой, которому был дарован титул Великого Князя Юпитера Веймарского; я уже теперь — не радостный эллин, ликующий всем своим существом и снисходительно посмеивающийся над меланхолическим назарейником. Теперь я — всего лишь нищий и бессильный еврей". С одной стороны, жестокое разочарование в окружающем мире, получившем так много от его народа, но не благодарном к нему и высокомерном, а с другой стороны, противоречивость самого еврейства, и прежде всего характерная в эпоху обманчивой эмансипации его двойственность, подобная той, которую проявил сам Гейне своим отступничеством, — смущали надежды поэта на сколько-нибудь справедливое устройство мира, оставляя место лишь иронии и сомнениям. Надо было пережить действительно сложную и мучительную духовную драму, чтобы придти к такой иронической форме доказательства своей верности предкам, какую избрал Гейне: "Это верно, что я был когда-то крещен, но я никогда не переходил в другую веру, в веру Христа. Обратиться в эту веру — задача для еврея непосильная, ибо ему в этом случае предстоит уверовать в божественность... другого еврея".

Отношение к миру

Быть может, я и вправду — не больше, чем Дон Кихот; быть может, странные писания вскружили мне голову точно так же, как когда-то они вскружили голову рыцарю из Ламанча... Однако если тот жаждал возродить угасшее рыцарство, — я, напротив, задался целью окончательно развеять дух прежних времен. Мой двойник принимал ветряные мельницы за огромных великанов, я же в нынешних гигантах вижу лишь шумливые мельницы. Он принимал бедняц-

кие пивнушки за неприступные замки, погонщиков мул — за доблестных всадников, грубых коровниц — за придворных дам; а я отношусь к нашим замкам как к ночлежкам для прохожих, к нашим рыцарям — как к потребным девкам. И точно так же, как в сцене кукольного театра тому причудилась арена государственно важных деяний, жизнь нашего государства с его заботами и делами кажется мне лишь комедией марионеток. И все-таки с тою же смелостью, какую отличался ламанчский рыцарь, я, в сущности, набрасываюсь именно на кучу одеревенелого дерьма.

Путешествие по Гарриу

Коммунизм и национализм

Это признание, что будущее принадлежит коммунистам, я делаю с бесконечным страхом и тоской. Сознаюсь, что этот самый коммунизм, который столь претит моим интересам и идеям, производит на мою душу чарующее впечатление, от которого я не могу освободиться. Два голоса говорят в его пользу в моей груди, два голоса, которые не думают умолкнуть и, быть может, являются голосами дьявола. Первый голос — голос логики. "Дьявол — логик!" — говорит Данте. Страшный силлогизм околдовывает меня, и поскольку я не в силах опровергнуть посылку, что "все люди имеют право есть", постольку я вынужден подчиниться и всем выводам, вытекающим из нее. Второй голос — голос ненависти, которую я питаю к так называемой германской националистической партии, к фальшивым патриотам, патриотизм которых состоит только в идиотской неприязни к иным народам. Я презирал эту партию и боролся с нею всю мою жизнь, и вот теперь, когда я ослабел и меч уже вываливается из рук умирающего, теперь я утешен сознанием, что коммунизм, которому эти националисты первыми попадутся на дороге, нанесет им последний удар. И конечно, не ударом палицы уничтожит их гигант, нет, он раздавит их ногой, как давят жабу.

Из ненависти к сторонникам национализма я мог бы почти влюбиться в этих коммунистов. Прочь с дороги, националисты! Настанет время, и неотвратимый сапог гиганта втопчет вас в грязь и пыль! Именно с этой верой я и позволяю себе покинуть этот мир.

Предисловие к "Лютеции"

Атеизм

До тех пор, пока философско-атеистические доктрины оставались тайной принадлежностью аристократии утонченных умов и об-

суждались на аристократическом языке посвященных, на языке, не понятном лакеям, — до тех пор я и сам принадлежал к легкомысленным "эспри форте".* Но когда я увидел, что всякое отребье на грубом своем кабацком жаргоне принялось отрицать существование Бога, когда атеизм начал сильно вонять сыром, водкою и табаком, — тогда глаза мои вдруг открылись, и чего я не понимал прежде умом, то понял теперь благодаря обонянию и неприятному чувству тошноты. И вот моему атеизму, слава Богу, наступил конец.

Признания

Библия

Что за книга! Великая, широкая как мир, уходящая корнями в глубины творения и возносящаяся до голубых таинств неба... Восход и закат, обетование и исполнение, рождение и смерть, вся драма человечества — все в этой книге. Это Книга Книг, это Писание. Евреи легко могли утешиться, утратив Иерусалим, и Храм, и Кивот Завета, и золотые сосуды, и драгоценности Соломона. Ведь потеря эта совсем ничтожна в сравнении с Библией, неразрушимым сокровищем, которое они спасли. Если не ошибаюсь, то Магомет назвал евреев "народом Книги" — именем, которое до сих пор сохранилось за ними на Востоке и которое полно высокого смысла. Книга — их отчизна, их владение, их владыка, их счастье и несчастье. Они живут в странах этой Книги, обнесенные крепкой оградой, пользуются здесь своими неотъемлемыми гражданскими правами; здесь их нельзя презирать, отсюда их нельзя изгнать; здесь они сильны и достойны удивления. Погруженные в чтение этой книги, они почти не замечали перемен, происходивших вокруг них в реальном мире; народы возвышались и исчезали, государства цвели и угасали, революции бурей проносились над землей... Они же, евреи, лежали, склонившись над своей книгой, и совсем не замечали вихря времени, пронесившегося над их головами!

Людвиг Берне

* Т.е. к приверженцам раскованного духа.

Израиль среди народов

Иудея всегда представлялась мне куском Запада, затерявшимся на Востоке. В самом деле, своей спиритуалистической верой, своими строгими, целомудренными, даже аскетическими нравами, словом, своей отвлеченной глубинностью эта страна и ее народ всегда самым удивительным образом противоречили соседним странам и соседним народам, которые, исповедуя яркое и чувственное поклонение природе, проводили жизнь в вакхическом ликовании плоти. Израиль благочестиво сидел в тени своей смоковницы, вознося хваления незримому Богу, являя добродетель и справедливость, в то время как в храмах Вавилона, Ниневии, Сидона и Тира свершались те оргии крови и распутства, при рассказе о которых еще и теперь у нас волосы встают дыбом! Когда вспоминаешь об этом окружении, не можешь надивиться раннему величию Израиля. О свободолюбии Израиля в эпоху, когда не только вокруг него, но у всех народов древности, даже у склонных к философии греков, оправдывалось и процветало рабство, не стану говорить, чтобы не скомпрометировать Библию пред нынешними владыками. Право, самым радикальным среди социалистов был Господь наш и Спаситель, и уже Моисей был таким социалистом, хотя, как человек практический, он старался только преобразовать существующие порядки, особенно в отношении права собственности. Да, вместо того, чтобы добиваться невозможного, вместо того, чтобы сумасбродно декретировать отмену собственности, Моисей стремился лишь морализовать ее, он старался согласовать собственность с нравственностью, с истинно разумным правом, и этого он достиг установлением юбилейного года, в который всякая отчужденная наследственная собственность переходит к первоначальному собственнику, — ко всему народу.

...Моисей не хотел уничтожить собственность; он, напротив, хотел, чтобы она была у всякого и чтобы таким образом бедность никого не вынуждала быть рабом с рабскими помышлениями. Свобода была всегда основной мыслью великого эмансипатора, и эта мысль горит и дышит во всех его законах, касающихся бедности. Самое рабство он ненавидел сверх всякой меры, ненавидел чуть ли не бешено, но и эту бесчеловечность он не мог уничтожить целиком, — она слишком глубоко коренилась в жизни той первобытной эпохи, — и поэтому вынужден был ограничиться законодательным смягчением срока рабской службы. Если, однако, раб, освобожденный, наконец, законом, упорно не желал покинуть дом своего господина, то, по ве-

лению Моисея, такого неисправимого раболепного негодяя прибавили за ухо к косяку господского дома и, опозоренного таким образом, держали в рабах пожизненно. О, Моисей, Моше Рабену, – учитель наш, величавый борец против рабства, подай мне молоток и гвозди, чтобы я мог наших благодушных рабов в черно-красно-золотой ливрее пригвоздить за их длинные уши к Бранденбургским воротам!

Признания

Если пророк Востока назвал евреев "народом Книги", то пророк Запада определил их в своей философии как "народ духа". Уже в самые первые дни своей истории евреи, как мы замечаем в Пятикнижии, обнаруживают склонность к отвлеченному, и вся их религия есть не что иное, как только акт диалектики, в силу которого материя и дух разделяются и абсолютное признается только в исключительной форме духа. Какое ужасающе одинокое положение им пришлось занять среди других народов древности, которые, отдаваясь радостному культу природы, понимали дух скорее в явлениях материи, в ее образах и символах! Какой яркий контраст они поэтому являли с пестро расцвеченным иероглифическим Египтом, с Финикией, великим храмом утех, с милой, благоуханной блудницей вавилонской, и, наконец, с Грецией, цветущей родиной искусств!

...Постепенно этот народ духа целиком освобождается от материи, постепенно происходит его полная спиритуализация, и это представляет поразительное зрелище. Моисей окружил дух, так сказать, материальными твердынями для защиты от реального натиска соседних племен: вокруг поля, где он сеял дух, он насадил терновую изгородь – строгий церемониал закона и эгоистическое национальное чувство. Но когда священное растение духа пустило столь глубокие корни и вознеслось в такую высь, что его уже больше нельзя было вырвать, тогда пришел Иисус Христос и сломил церемониал закона, утративший с тех пор всякий полезный смысл, и даже изрек смертный приговор еврейской национальности... Он призвал все народы земли участвовать в царстве Божием, принадлежавшем прежде лишь единственному богоизбранному народу; он всему человечеству даровал гражданские права евреев... Правда, искупитель, освободивший братьев своих от церемониала закона и национальности и давший начало космополитизму, сделался жертвой собственной гуманности: и городской магистрат в Иерусалиме приговорил его к распятию, а чернь надругалась над ним...

Но поругана и распята была только плоть; дух осенен был сла-

вой, и мученичество победителя, завоевавшего духу господство над миром, стало символом этой победы, и все человечество стремится с тех пор, в подражание Христу, к умерщвлению плоти и к сверхчувственному растворению в абсолютном духе...

Когда же вновь наступит гармония, когда мир исцелится от одностороннего стремления к победе духа, от безумного заблуждения, которое стало причиной немощи и плоти и души!

...Евреи созданы из того теста, из которого лепят богов; если сегодня их топчут ногами, то завтра перед ними падут на колени; в то время как одни из них роются в грязи отвратительного торгашества, другие поднимаются на высочайшие вершины человечности, и Голгофа — не единственная гора, где еврейский Бог пролил кровь за благо человечества. Евреи — народ духа, и всякий раз, как они возвращаются к своим началам, они велики и прекрасны, а их неуклюжие противники пристыжены и посрамлены. Глубокомысленный Розенкранц сравнивает их с великим Антеем, и разница лишь в том, что он становился сильнее всякий раз, как прикасался к земле, евреи же почерпнут новые силы, как только они снова соприкоснутся с небом. Удивительное сочетание самых резких противоположностей! Хотя у этих людей встречается столько уродства и низости, среди них же можно встретить идеалы самой чистой человечности, и если когда-то они направляли мир на новые пути прогресса, — мир, быть может, и впредь должен ждать от них новых откровений...

Людвиг Берне

На улице в Берлине я видел однажды старых дочерей Израилевых: длинные кресты, еще более длинные, чем их носы, висели у них на груди и спускались до самого пупа; в руках у них были лютеранские молитвенники, и говорили они о превосходной проповеди, только что слушанной в церкви св.Троицы. Одна из них спрашивала другую, где та причащалась святых тайн, и при этом у обеих пахло изо рта. Еще омерзительнее мне было видеть тех грязнобородых евреев, что прибыли из своих польских клоак, были завербованы для неба миссионерским обществом в Берлине, начали проповедовать на своем гнилом диалекте и при этом ужасно воняли. Во всяком случае, хорошо было бы, если бы эту вшивую польскую рвань крестили не обыкновенной водой, но одеколоном.

Там же

История современных евреев трагична, но вздумай кто-нибудь написать об этой трагедии, его еще осмеют. Это трагичнее всего.

Мысли, заметки, импровизации

Никогда не говорить об отношении к евреям! Испанец, который каждую ночь во сне беседует с богоматерью, из деликатности ни за что не коснется ее отношений к Богу-отцу: самое беспорочное зачатие все-таки остается зачатием.

Там же

Евреи лучше христиан, если они хороши; если же плохи, то хуже.

Там же

Окончена ли миссия евреев? Я полагаю, она будет окончена, когда придет земной Спаситель – индустрия, труд, радость.

Там же

После Исхода о свободе говорят всегда с еврейским акцентом.

К Лютеру

Изречения

Мы заботимся о благе материи, о материальном счастье народов, не потому, что мы, подобно материалистам, относимся с пренебрежением к духу, но потому, что мы знаем, что божественность человека проявляется также в его физическом естестве и что нужда разрушает и принижает тело, образ божий, отчего и дух погибает равным образом. Мы боремся не за человеческие права народа, но за божественное право человека.

*К истории религии и философии в
Германии*

Мы готовы принести себя в жертву ради народа, ибо самопожертвование относится к нашим утонченнейшим наслаждениям.

Признания

Доброта лучше красоты.

*К истории религии и философии в
Германии*

Все купцы в мире исповедуют одну религию.

Там же

Самый жизненный вопрос в мире — это вопрос о существовании Бога.

Там же

Жизнь — болезнь, мир — больница, смерть — врач.

Признания

Воображаемое горе доставляет не меньшую боль.

Там же

Мысль — это незримая природа, а природа — зримая мысль.

Там же

Восток — истинный хитрец: он почитает маньяков как пророков; мы же смотрим на пророков как маньяки.

Лукские бани

Бог простит: это Его профессия.

На смертном одре, 1856г.

Человеческое ничтожество слишком велико, чтобы обходиться без веры.

Признания

Человек — аристократ среди животных.

Город Лука

Только чувством можно понять чувство.

Лютеция

Римляне так и не нашли бы время завоевать мир, если бы их сперва заставляли учить латынь.

Мысли, заметки, импровизации

ВОИНСТВЕННОСТЬ БЕРНЕ

Современник, соотечественник, коллега и во многом единомышленник Гейне, Людвиг Берне (1786-1837) относится к тем свидетелям наступившей эмансипации евреев в Европе, которые сразу же разглядели ее "призрачность и лицемерие". Берневские сочинения, особенно те, которые посвящены программе еврейского движения в новых условиях и которые вызывали негодование как у германского правительства, так и у самого еврейства, знаменательны тем, что они напоминают о неодноплановости духа Израиля, и, в частности, о его неожиданной воинственности. Органичность этого начала в еврейском духе подтверждается не только Библией и не только прошлым еврейства, но и тем, чему суждено было осуществиться после Берне: рождением таких лидеров, как Зеев Жаботинский в России и Теодор Герцль в Австрии, и таких феноменов, как политический сионизм и государство Израиль.

Мы, евреи, должны отречься от всякой умеренности и в словах и в действиях. Пусть свобода отдалена от нас целым морем крови, — мы все-таки достанем ее; пусть она лежит в непролазной грязи, — мы и оттуда вытащим ее. Оттого-то злоба и побеждает всюду, оттого-то глупость и пошлость всегда остаются в выигрыше, что они идут к цели кратчайшей дорогой, не заботясь о том, чиста она или грязна. Чистота не устрашает их, они употребляют даже благородные средства для достижения скверных целей, — а мы, станем ли мы избегать грязи даже в том случае, когда по ней можно дойти до добра? Нет, выискивая только чистые тропинки, мы теряем время и все; ведь где бы мы ни нагнали нашего врага, где бы мы ни напали на него, везде будет грязь, и рано или поздно, нам придется вступить в нее, если мы хотим, чтобы наше дело одержало победу... Да, меч против меча, коварство против коварства, собачий лай против собачьего лая! Гейне говорит, что и свобода должна иметь своих иезуитов; я говорю то же самое. Не только иезуитов, — она должна иметь все, чем обладают ее враги. Нам незачем противопоставлять коварству искренность, пороку — добродетель, наглости — кротость, грубости — вежливость.

Скажите, в этих великих битвах нашего времени, когда одна

сила сражается с другою, не повторяется ли то же самое, что видим мы в мелких поединках всех времен, когда два человека дерутся между собой, каждый из-за своей собственной жизни? Разве дурак не побеждает всегда мудрого, злодей — благородного? Это происходит оттого, что благородные люди сражаются правом за право. Право можно добыть только неправдою, потому что даже в битве за истину нельзя обойтись без наемников, а этим последним не заплатить добродетелью.

Парижские письма

Чудное, право, дело! Тысячу раз испытал я уже это, и все-таки оно для меня вечно ново. Одни упрекают меня в том, что я еврей; другие прощают мне это: третьи даже хвалят меня за мое происхождение, но вспоминают об этом все. Они точно заколдованы в этом магическом еврейском круге и никак не могут из него выбраться. И я очень хорошо знаю причину этого злого колдовства. Бедные немцы! Живя в подвале, имея над собой семь этажей высших сословий, они находят облегчение в беседе о людях живущих еще ниже, чем они, — в погребке. Сознание, что они не евреи, утешает их в том, что судьба не делает их гофратами. Нет, мое еврейское происхождение никогда не было причиною моего озлобления против немцев, моего ослепления. Я ведь не был бы достоин наслаждаться светом солнца, если бы из-за насмешек, которые я всегда презирал, из-за страданий, которые я давно выстрадал, — мне вздумалось платить постыдным ропотом за милость, оказанную мне Господом в том отношении, что я в одно и то же время — немец и еврей. Нет, я умею ценить это незаслуженное счастье, — счастье быть немцем и одновременно евреем, иметь возможность стремиться ко всем добродетелям немцев, но при этом не разделять с ними ни одного из их недостатков и пороков. Да, именно потому, что я родился рабом, свобода милее мне, чем вам. Да, вследствие того, что я был обучен рабству, я понимаю свободу лучше вас. Да, оттого, что у меня не было при рождении никакого отечества, я жажду приобрести его гораздо сильнее, чем вы, и вследствие того, что место, где я родился, было ограничено одною еврейскою улицей, за закрытыми воротами которой начиналась для меня чужая земля, — мне недостаточно теперь иметь отечеством ни город, ни провинцию, ни целую область; я могу удовольствоваться только всею великою отчизной. Я перестал быть рабом граждан и поэтому не желаю теперь никакого рабства; я хочу быть совершенно свободным. Дом моей свободы я выстроил себе заново снизу до самой крыши; следуйте моему примеру и не довольствуйтесь накладкой новых черепиц на крышу полусгнившего государственного здания. Про-

шу вас, не презирайте моих евреев. Вы лишили их воздуха, но это сохранило их от гнилости. Вы насыпали в их сердце соль ненависти, но это помогло ему сохраниться в свежести. Вы всю зиму держали их в глубоком погребе, заткнув отдушину навозом; но сами, не защищаемые ничем от морозного воздуха, полузамерзли. Когда наступит весна, мы увидим, кто зазеленеет прежде — евреи или христиане.

Там же

Европейское равновесие поддерживается еврейством. Сегодня оно дает деньги одной силе, завтра — другой и т.д., — каждой поочередно, и таким образом заботливо поддерживает общий порядок. Дон Кихот принял ветряные мельницы за великанов и понесся на них с копьем; евреи же смотрят на исполинский дух времени как на ветряные мельницы, сделанные из бумаги, и решительно ничего не боятся. Господство над миром давно обещано им, и это обещание теперь исполнено. Но они народ хитрый и скрывают это. Они, подобно трусам во время сражения, притворяются мертвыми для того, чтобы их не убивали. Им очень хорошо известно, что они, как дерн, будут тем легче зеленеть, чем больше их будут топтать ногами и бить.

Там же

Каждый человек имеет право быть дураком, и с этим невозможно спорить; но ведь и правом этим надо пользоваться скромно и умеренно. Евреи глупее всякого животного, если воображают, что в случае революции немецкие правительства станут защищать их. Нет, евреев принесут в жертву народной ненависти; правительства будут стараться откупиться этой ценою у революции. В Индии, когда желают убить гремучую змею, то выпускают против нее быка; она пожирает его, и так как после этого становится неподвижною, — ее убивают. Евреи будут быками, которых отдадут на съедение революции.

Там же

На днях кто-то спросил Гейне, чем его политические убеждения отличаются от моих. Гейне ответил: "Я - обыкновенная гильютина, а Берне — паровая".

Там же

ГУМАНИЗМ МАРКСА

Существует серия идей, которые сводятся к тому, будто внук трирских раввинов Мордехай, или Карл, Маркс (1818-1883) украл у своего народа одну из древних его идей, а затем предал его и предрек ему бесславный конец. Во всех подобных концепциях столько же глупости, сколько злопыхательства.

Утверждать, что Маркс был плагиатором на том основании, что его идея об "избранности" пролетариата в новое время является-де сколком с вековой библейской тезы об избранности еврейства — так же смешотворно, как говорить на том же основании, что идеи Маркса — насквозь еврейские. Единственное, что идея об "избранности" рабочих имеет общего с "избранничеством" евреев, — это ее ограниченность во времени. Что же касается догадки о родственности Маркса еврейской духовной традиции, — об этом следует говорить громче, но, конечно же, на основании других, глобальных представлений.

Эта родственность проявляется прежде всего в том, что, подобно библейским Пророкам, свою принадлежность к еврейскому мышлению Маркс проявил в неприятии сектанства и в утверждении универсализма; подобно наиболее известным из своих предков, Моисею и Христу, Маркс создал универсальную теорию, охватывающую жизнь и интересы любого человека, независимо от его прошлого и настоящего, теорию, которая по своей распространенности и практической эффективности обрела масштабы мировых религий. С библейскими Пророками роднит Маркса не только дух универсализма, не только, так сказать, социальный гуманизм (понятый как безоглядная и бескомпромиссная страсть к справедливости, т.е. к равноправию человека в обществе), но и гуманизм, так сказать, феноменальный, понятый в качестве любви к человеку, как к единственному на земле существу, повторяющему "образ и подобие Бога" и воплощающему такие божественные категории, как способность мыслить и переживать.

Пророки восставали против идолопоклонства прежде всего потому, что оно ущемляло величие человека и оскверняло естественный порядок вещей уже тем, что бросало людей на колени перед созданиями и предметами менее ценными, чем человек. Точно так же марксова неприязнь к капитализму восходит, помимо библейс-

кого принципа равноправия людей, к непримиримости с фактом "придаточности" человека производству. Потомок раввинов, Маркс обличает жизнь, логика которой низводит человека в разряд машины, "средства": нечто постороннее, т.е. производство, обретает значение "цели", идола, оставляя человеку унижительную роль идолопоклонника.

Истинность марксовых идей, как правило, подвергают сомнению двумя такими вопросами: а) если проклинаемый им капитализм античеловечен, отчего тогда он продолжает создавать сугубо человеческие ценности? б) если проповедуемый им социализм человечен, отчего тогда социалистическая практика так часто античеловечна? Оба вопроса резонны и эффектны, но оба же вполне отразимы.

Поскольку нас занимает тут именно близость Маркса духу еврейских Пророков, а не сравнительный анализ названных систем, то законный и убийственный упрек в плачевности судьбы гуманизма в социалистической практике вряд ли уместно "смягчать" доводами, что, дескать, варваризм крестовых войн или инквизиторских процессов во славу Христа отнюдь не "закрывают" вопроса о гуманизме христианского учения. Вместо сотен и тысяч подобных фактов уместнее напомнить другое: не кто иной, как Маркс, вынужден был недвусмысленно признаться: "Что касается меня, я - не марксист". Если же отзываться на заявление о нескончаемой плодотворности отрицаемого Марксом капитализма, то опять же вряд ли тут целесообразно напоминать, что, скажем, языческая Греция продолжала создавать немеркнувшие в веках ценности много после того, как родилось бесспорно более совершенное с точки зрения гуманизма учение единобожия. Уместнее тут сказать, что, действительно, своим динамизмом нынешний капитализм, отличный от капитализма марксовых дней, обязан также отзывчивости на идеи, рожденные самим духом марксовой критики. В этом, кстати, можно усматривать еще одно проявление благотворного влияния еврейского идеализма на судьбы мира.

Да, идеализм этот, как в случае с Марксом, часто явно уж самодовлеющ, но причину его зачастую эпидемического возникновения и распространения следует искать именно на земле, в ее "греховности". Сам Маркс писал так: "Нет ничего труднее, как заставить земных богов поверить, что существует вера в истину и духовные убеждения. Государственные денди в такой степени являются скептиками, это настолько закоренелые хлыщи, что они не верят уже в истинную, бескорыстную любовь. Как же подступиться к этим пройдохам, как не с помощью того, что в высших кругах называют фанатизмом? Гвардейский лейтенант считает всякого влюбленного, имеющего чест-

ные намерения, фанатиком. Что же, из-за этого больше не вступать в брак?”

...Что же касается давнишнего мифа о юдофобстве Маркса, то о лживости его можно утверждать хотя бы на том основании, что Маркс был убежденным интернационалистом. Между тем, обращаясь к тем его писаниям, которые поверхностный глаз читает как анти-семитскую листовку, — их происхождение следует объяснять не столько даже присущим многим евреям вкусом к самобичеванию, сколько вполне очевидным терминологическим заблуждением Маркса: ратуя за освобождение от еврейства и предрекая ему скорый конец, он называл евреями не религиозную или национальную, а классовую группу людей, и это свое заблуждение основывал на знакомстве только лишь с тем западно-европейским еврейством 40-х гг., которое и вправду выказывало непомерную страсть к приобщению к буржуазии. Точно так же, кстати, смешав меж собой понятия крестьянства и славянства, недоверчивый к крестьянскому духу, но чтящий славянскую культуру Маркс вызвал нарекания в антиславянизме. К тому же, прежде, чем обвинить его в юдофобстве, все его суждения о еврействе следовало бы продумать на фоне небольшой записки, которую он отослал в разгар антисемитской кампании в Германии своему издателю Д.Оппенгейму: ”Пришлите мне все статьи Гермеса (немецкого публициста-антисемита - Н.Д.). Я тогда постараюсь как можно скорее прислать Вам статью, которая если и не даст окончательного решения этого вопроса, то все же направит его по другому руслу”.

История, человек, свобода

Частная собственность сделала нас настолько глупыми и односторонними, что какой-нибудь предмет является н а ш и м лишь тогда, когда мы им обладаем, т.е. когда он существует для нас как капитал или когда мы им непосредственно владеем, едим его, пьем, носим на своем теле, живем в нем и т.д., — одним словом, когда мы его п о т р е б л я е м. На место в с е х физических и духовных чувств мы ставим чувство о б л а д а н и я, и поэтому упразднение частной собственности означает освобождение всех человеческих чувств и свойств.

Философско-экономические рукописи 1844 г.

История есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы,

производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями; в силу этого данное поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся обстоятельствах, а с другой – видоизменяет старые обстоятельства посредством совершенно измененной деятельности. Но в искаженно-спекулятивном представлении делу придается такой вид, будто последующая история является целью для предшествующей, будто, например, открытие Америки имело своей целью вызвать французскую революцию. Благодаря этому история приобретает свои особые цели и превращается в некое "лицо наряду с другими лицами". На самом же деле то, что обозначают словами "назначение", "цель", "зародыш", "идея" прежней истории, есть не что иное, как абстракция от позднейшей истории, абстракция от того активного влияния, которое оказывает предшествующая история на последующую.

Немецкая идеология

Общественная история людей есть всегда лишь история их индивидуального развития, сознают они это или нет.

Письмо П. Анненкову, 1846 г.

Коммунизм есть необходимая форма и энергический принцип ближайшего будущего. Но коммунизм как таковой не есть цель человеческого развития, не есть форма человеческого общества.

Философско-экономические рукописи 1844 г.

Одна форма свободы обуславливает другую, как один член тела обуславливает другой. Всякий раз, когда под вопрос ставится та или другая свобода, тем самым ставится под вопрос и свобода вообще. Всякий раз, когда отвергается какая-либо одна форма свободы, этим самым отвергается свобода вообще, – она обрекается на призрачное существование, и от чистой случайности будет зависеть, в какой именно области несвобода будет безраздельно господствовать. Несвобода становится правилом, а свобода – исключением из правила, делом случая и произвола. Нет поэтому ничего более ошибочного, чем полагать, будто вопрос об о с о б о й форме существования свободы есть о с о б ы й в о п р о с. Это – общий вопрос в пределах особой сферы. Свобода остается свободой, в чем бы она ни выражалась: в типографской ли краске, во владении ли землей, в совести или же в политическом собрании...

Дебаты о свободе печати

Деньги являются всеобщим извращением и н д и в и д у а л ь - н о с т е й, которым они придают свойства, противоречащие их действительным свойствам. Они превращают верность в измену, любовь в ненависть, ненависть в любовь, добродетель в порок, порок в добродетель, раба в господина, господина в раба, глупость в ум, ум в глупость.

Так как деньги в качестве существующего и действующего понятия стоимости, смешивают и обменивают все вещи, то они представляют собой всеобщее с м е ш е н и е и п о д м е н у всех вещей, т.е. мир навыворот, перетасовку и подмену всех природных и человеческих качеств...

Философско-экономические рукописи 1844 г.

Победы техники как бы куплены ценой моральной деградации. Кажется, что, по мере того как человечество подчиняет себе природу, человек становится рабом других людей либо же рабом своей собственной подлости. Даже чистый свет науки не может, по-видимому, сиять иначе, как только на мрачном фоне невежества. Все наши открытия и весь наш прогресс как бы приводят к тому, что материальные силы наделяются интеллектуальной жизнью, а человеческая жизнь, лишенная своей интеллектуальной стороны, низводится до степени простой материальной силы. Этот антагонизм нашей эпохи есть осязаемый, неизбежный и неоспоримый факт. Одни партии сетуют на это; другие хотят избавиться от современной техники, чтобы тем самым избавиться от современных конфликтов; третьи воображают, что столь значительный прогресс в промышленности непременно должен сопровождаться столь же значительным регрессом в политике. Мы, со своей стороны, не заблуждаемся относительно природы того хитроумного духа, который постоянно проявляется во всех этих противоречиях. Мы знаем, что новые силы общества, для того, чтобы действовать надлежащим образом, нуждаются лишь в одном: ими должны овладеть новые люди...

Еврейство

Немецкие евреи добиваются эмансипации. Какой же эмансипации добиваются они? Г о с у д а р с т в е н н о - г р а ж д а н с к о й, политической эмансипации.

Бруно Бауэр (национал-либерал, антисемит - Н.Д.) отвечает им: никто в Германии не эмансипирован политически. Мы сами не-

свободны. Как же нам освободить вас? Вы, евреи, — эгоисты, когда требуете для себя, как для евреев, особой эмансипации. Как немцы, вы должны были бы работать для дела политической эмансипации Германии, как люди — для дела человеческой эмансипации, и особый род вашего угнетения и вашего позора должен был бы восприниматься вами не как исключение из правила, а, наоборот, как подтверждение правила.

Если Бауэр спрашивает евреев: имеете ли вы право, с вашей точки зрения, требовать политической эмансипации? — то мы, наоборот, задаем вопрос: имеет ли точка зрения политической эмансипации право требовать от евреев отказа от иудейства, требовать от человека вообще отказа от религии?

Еврейский вопрос получает различную формулировку в зависимости от того, в каком государстве живет еврей... (Но везде) политическая эмансипация государства от религии оставляет религию в силе, хотя и не в виде привилегированной религии. Противоречие, в котором находится последователь какой-нибудь особой религии с самим собой как гражданином государства, есть лишь часть всеобщего мирского противоречия — между политическим государством и гражданским обществом. Эмансипация государства от религии не есть эмансипация действительного человека от религии.

Поэтому мы не говорим вместе с Бауэром евреям: вы не можете быть эмансипированы политически, не эмансипировав себя радикально от еврейства. Мы, напротив говорим им: так как вы можете быть эмансипированы политически без того, чтобы совершенно и беспрекословно отказаться от еврейства, то это значит, что сама по себе политическая эмансипация не есть еще человеческая эмансипация. Если вы, евреи, хотите быть политически эмансипированы, не эмансипировав себя самих как людей, то эта половинчатость и это противоречие заключены не только в вас, они заключены в самой сущности политической эмансипации...

Всякая эмансипация состоит в том, что она возвращает человеческий мир, человеческие отношения к самому человеку.

Политическая эмансипация есть сведение человека, с одной стороны, к члену гражданского общества, к эгоистическому, независимому индивиду, а с другой — к гражданину государства, к юридическому лицу.

Лишь тогда, когда действительный индивидуальный человек воспримет в себя абстрактного гражданина государства и, в качестве индивидуального человека, в своей эмпирической жизни, в своем индивидуальном труде, в своих индивидуальных отношениях станет родовым существом; лишь тогда, когда человек познает и органи-

зует свои "общественные силы" и потому не станет больше отделять от себя общественную силу в виде политической силы, — лишь тогда свершится человеческая эмансипация.

Вопрос о способности еврея к эмансипации превращается для нас в вопрос: какой особый общественный элемент надо преодолеть, чтобы эмансипировать еврейство?

Организация общества, которая упразднила бы предпосылки торгашества, а следовательно, и возможность торгашества, — такая организация общества сделала бы еврея невозможным. *

К еврейскому вопросу

В противовес утверждению г-на Бруно, что "евреи своим давлением на пружины истории вызвали противодействующее давление", г-н Хирш (еврейский теолог — Н.Д.) вполне правильно замечает: "В таком случае евреи должны были составлять нечто в деле формирования истории, и если сам Бауэр утверждает это, то он не вправе, с другой стороны, утверждать, что они ничего своего не внесли в дело формирования новейшей эпохи".

Г-н Бруно отвечает: "Сучок в глазу тоже составляет нечто. Вносит ли он в силу этого что-либо в развитие моего чувства зрения?"

Сучок, который подобно еврейству среди христианского мира, со дня рождения моего сидит у меня в глазу, остается там сидеть, и вместе с глазом растет и развивается, не есть какой-нибудь обыкновенный сучок: это какой-то особый, неотъемлемый от моего глаза сучок, который обязательно должен был бы обусловить собой в высшей степени оригинальное развитие моего чувства зрения... Г-ну Бруно было показано значение еврейства для "формирования новейшей эпохи".

Святое семейство

Евреи (как и христиане) в некоторых государствах п о л и т и ч е с к и вполне эмансипированы. Евреи и христиане весьма далеки от того, чтобы быть эмансипированными в ч е л о в е ч е с к о м смысле.

Там же

* Иными словами, упразднение торгашества упразднило бы причину нетерпимости к евреям, нетерпимости, основанной, по мнению Маркса, на конкуренции с ними в области того "мирского культа", который он называет "своекорыстием" и "деньгами" и который он воспринимает в качестве "крайнего практического выражения человеческого самоотчуждения" — Н.Д.

Изречения

Идеализм - не фантазия, а истина.

Страсть — это энергично стремящаяся к своему предмету сущностная сила человека.

Мужчина не может снова превратиться в ребенка, не впадая в ребячество. Но разве его не радует наивность ребенка и разве сам он не должен стремиться к тому, чтобы на более высокой ступени воспроизводить свою истинную сущность?

Невежество — это демоническая сила, и мы опасаемся, что оно послужит причиной еще многих трагедий.

Производство производит не только предмет для субъекта, но также и субъект для предмета.

Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых.

Прошли те времена, когда гоготание гусей могло спасти Капитолий.

Нации и женщине не прощается минута оплошности, когда первый встречный авантюрист может совершить над ней насилие и овладеть ею.

Философы лишь различным образом объяснили мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его.

Философия есть не что иное, как выраженная в мыслях и логически систематизированная религия, другая форма, другой способ существования отчуждения человеческой сущности, и, следовательно, она также подлежит осуждению.

Недостаточно, чтобы мысль стремилась к воплощению в действительность; сама действительность должна стремиться к мысли.

В прямом соответствии с ростом стоимости мира вещей, растет обесценение человеческого мира.

Коммунизм есть положительное утверждение как отрицание отрицания.

СЕНТЕНЦИИ КОГЕНА

Герман Коген (1842-1918) — немецкий философ, с именем которого связано рождение знаменитой Марбургской школы неокантианства. В его творчестве выразилось традиционное для еврейских мудрецов галута* стремление измерить новейшими идеями прочность и величие еврейского духа. Ориентация на И.Канта как "лучшего из новых философов" обусловлена у Когена тем, что для Канта центральным звеном человеческого духа является именно нравственность, а человек выступает в его системе не средством, а целью всего сущего. Эта идея, однако, берет, по мнению и свидетельству Когена, свое начало именно в "религии Пророков". В этой же "религии Пророков" он усматривает и истоки того социалистического учения, которое обретало нарастающую популярность среди просвещенного мира. Между тем, очищая это учение от вульгаризирующего его материализма и атеизма, Коген ратует за социализм посредством утверждения этического идеализма и кладет начало утвердившейся позже традиции взаимоприближения Маркса и Канта, что опять же полностью соответствует, по словам философа, "догматам нашей веры".

Значение Когена для развития еврейского духа заключается прежде всего в его успешной попытке совершенствования путей обоснования высокой миссии Израиля в деле всечеловеческого спасения.

Действие — вот что является доказательством существования и мерилom Священного Духа.

Die Religion der Vernunft

Смысл Бога в том, что Он Себя проявляет.

Ethik des Reinen Willens

Бог есть прообраз человеческой нравственности. Что же иное может составлять сущность Бога, — я лично не знаю и не желаю знать.

Religion und Sittlichkeit

* Т.е. изгнания, диаспоры.

Царство Божие вбирает в себя все те нравственные принципы, которым принадлежит действенное место в современном представлении об обществе.

Das Gottesreich

Судьба Господа Бога вверена Израилю.

Там же

Все народы без исключения обязаны идти вместе с евреями к Иерусалиму, ибо всем дано стать священниками.

Religiose Postulate

*Все, что вы зовете христианством, я называю профетическим иудаизмом.**

Из письма

Иудаизм – религия разума.

Название сочинения

Единобожие, предложенное иудаизмом, оказалось неизменным оплотом нравственной культуры всех последующих эпох.

Das Gottesreich

Заповедь о Субботе является квинтэссенцией доктрины этического монотеизма. Заповедь эта есть символ Господней любви. Суббота оказалась самым действенным ангелом-хранителем еврейского народа. За субботней свечой еврей из гетто забывает все свои невзгоды и тревоги. В свете субботней лампы растворяется весь его позор и все его обиды. Господня любовь, обращаемая на него в каждый седьмой день недели, каждый раз заново вселяет в него чувство гордости и человеческого достоинства даже под прокопченной и приземистой крышей его покривившейся хибарки... Если б даже иудаизм подарил миру одну только Субботу, то и в этом случае он зарекомендовал бы себя как явление, предоставляющее радость и обеспечивающее покой и мир всему человечеству. Суббота явилась первым шагом на том пути, который ведет к посрамлению рабства.

Die Religion der Vernunft

* Т. е. иудаизмом библейских Пророков.

Тому, кому не приходилось никогда видеть еврея, нашептывающего "Шемах Исразл" в минуты молитвенной службы Неила или в минуты предсмертные, — тому неведома сущность религиозного экстаза.*

Там же

Еврейский Бог есть идея, благодаря которой только и может быть достигнуто полное согласие между нашей нравственностью и нашей природой.

Ethik des reinen Willens

Призыв к тому, что все вокруг обязаны отдыхать раз в неделю, принципиально устранил разницу между господином и рабом.

Из лекции

Не тому, что есть Бог, но тому, что есть человек, — вот чему должен учить меня Бог.

Из лекции

Этика и именно этика составляет центр любого учения об истории, т.е. учения о духе.

Religion und Sittlichkeit

Еврейский мессианизм есть этический социализм. Социализм может быть обоснован только с помощью этического идеализма, и истинный социализм так же мало может согласоваться с материализмом, как с атеизмом. Вера в силу идеи и в существование Бога есть не что иное, как надежда на фактическое осуществление правды и справедливости на земле.

Там же

Еврейство мыслит Бога как гарантию социального мира, как залог водворения "Царства Божия" на земле.

Там же

* Т.е. "Слушай, Израиль!", — начальные слова важнейшей из еврейских молитв, утверждающей принципы единобожия и приверженность делу отцов.

Наше изгнание, невзирая на все страдания, которые мы должны были принять на себя как роковую судьбу нашей веры, давно уже перестало быть для нас изгнанием. Всюду теперь мы живем в своем государстве и для своего же государства.

Там же

Нет никакой европейской культуры, нет никакого истинного прогресса и никакой истинной этики без идеи об Едином Боге как Боге нравственности. Следовательно, не существует никакой европейской культуры, если исключить из нее все, что привнесено в нее иудаизмом.

Там же

У евреев идеализация земной жизни в мессианские времена осуществляется одновременно с кристаллизацией представлений о загробной жизни.

Charakteristik der Ethik Maimunis

Евреи отличаются ценнейшим качеством — сдержанностью в стремлении познать Божественную сущность и тайны загробной жизни. Это качество является свидетельством их религиозного целомудрия.

Religion und Sittlichkeit

Мессия, которого ожидает еврейство, это — не Мессия, спасающий единичную личность, но Мессия, приносящий спасение всему миру, возвышение и очищение всему человеческому роду от его исторических грехов.

Die Bedeutung des Judentums

Необходимой предпосылкой для мессианского времени является требование, чтобы потребности материального существования не являлись больше помехой для развития духовной культуры. Таким образом, мы видим, что в догматах нашей веры социальная проблема была познана во всей ее определенности; она нашла свое разрешение, исходя из основных постулатов этики.

Das Gottesreich

Конечный смысл и содержание нашего учения — это подчинение интересов отдельной нации интересам человечества.

Там же

Именно в государстве следует видеть принцип согласования человека со своей религией.

Ethik des reinen Willens

Религия возникла в устремлении к будущему, в отличие от мифа, устремленного к прошлому.

Там же

Библейские Пророки, эти прародители идеи будущего и творцы нового типа религиозного мышления, не довольствуясь тем, что говорят: "так должно быть", тотчас же прибавляют: "так оно и будет".

Там же

Человечество должно ориентироваться на будущее, но это будущее отнюдь не непременно должно стать реальностью.

Там же

Понятие истории является продуктом пророчества.

Die Religion der Vernunft

Зло властвует только лишь в мифе.

Ethik des reinen Willens

ЛАЗАРУС: ЕЩЕ ОБ ЭТИКЕ

Если в средние века еврейский дух зиждится в целом на гении сефардов, то в прошлом столетии лидерами интеллектуальной жизни Израиля оказались ашкеназим — немецкие евреи. Помимо ряда иных причин, этот последний факт можно объяснять упоминавшейся уже потребностью в переориентации еврейского духа, той самой потребностью, которая была обусловлена возможностью утверждения политического равноправия Израиля среди народов земли. На смену поэтически-философскому гению должен был придти гений политически-философский, и не мудрено, что он объявил себя именно в Германии, известной своим пристрастием именно к подобному типу мышления. Конечно, не Германии обязаны евреи своим политически-социальным гением, но именно в Германии еврейский дух столкнулся в новое время с шансами на возрождение того органического взаимосплетения нравственности и политики, который так наглядно символизирован в Библии.

Между тем, как известно, выпрямляя кривую палку, ее перегибают в другую сторону: увлечение политической философией грозило оказаться самодовлеющим. Вот почему с точки зрения гармонического развития еврейского духа важное значение следует придавать появлению в этот период таких фигур, как Мориц Лазарус (1824-1903), еще и еще раз напомнимших миру о революционности открытий евреев прежде всего в области нравственности. Примечательно, что, хотя Лазарус и числится в списке немецко-еврейских мыслителей, воспитывался он в семье польского раввина, где дух хасидизма, т.е. поэтически-этического восприятия мира был еще достаточно силен, чтобы оказаться начисто смазанным западным прагматизмом. Выступая за самопознание Израиля в эпоху зарождения сионизма и углубления антисемитизма, значение еврейской этики Лазарус видит прежде всего в ее способности сплотить народы, и утверждает он ее не с целью вознесения Израиля над остальным миром, но потому, что искренне расценивает ее как лучшее в этике, как возвышенный, но практически значимый эталон нравственной жизни человечества.

Нравственность как счастье

Ближайшее знакомство с историей нравственных учений показы-

вает, что различные системы отличаются друг от друга не столько конкретным пониманием нравственности, сколько тем, что они принимают за основание и цель учения о нем.

Основное содержание теории счастья следующее: целью всякого стремления является счастье, и поведение человека нравственно постольку, поскольку оно преследует достижение счастья. Такому воззрению противостоит другое, свойственное духу иудаизма: основание и цель нравственности содержатся в ней самой. Движущую силу нравственного начала составляет не состояние, к которому стремятся, не благо, которого ищут, и не зло, которого избегают; в нем самом, в этом начале, заложен некий творческий инстинкт. Да, само по себе нравственное поведение приносит и счастье, но не потому поведение нравственно, что оно приносит счастье, а потому оно и приносит счастье, что нравственно. На нравственность не следует смотреть как на средство для достижения других целей, — она сама себе единственная цель, она — цель всех целей.

Этика иудаизма

Нравственность как универсализм

Относительно умышленного обособления Израиля от других народов все придерживаются одинакового мнения, причем единодушие это касается как самого факта обособления, так и того — имел ли Израиль на это какое-нибудь право. Все народы партикуляристичны, и всегда таковыми были. Все они чувствовали только свою противопоставленность другим народам, едва считались с ними и никогда не признавали их равными себе по происхождению. Однако партикуляристическое направление еврейской народной души имело ту особенность, что оно было проникнуто обетованием, чаянием и требованием универсализма, общечеловеческого единства, как высшей жизненной цели. С точки зрения этики в этом наиболее ярко и резко проявилось противостояние Израиля всем иным народам, и для того, чтобы сохранить это свое преимущество и деятельно его проявлять, Израиль должен был обособляться.

Там же

Нравственность как знание добра

Потребность познания, глубокое уважение к знанию восходит к ранним временам иудейского мышления. Прочтите от начала до конца гомеровские поэмы, в которых немало красивых нравственных наставлений, — и нигде не найдете даже намека на то, что познание истины

является потребностью человека. Из библейской же, а особенно из позднейшей еврейской письменности, неумолчно звучит призыв: "вейдахат", "ты должен знать", познавать, понимать. Уже Пророк видит высочайший идеал будущего в том, что "земля наполнится знанием, как морское дно покрыто водою" (Исаия, 11:9; Иеремия, 31:34). При этом речь идет о религиозно-нравственном знании. Высокая оценка знания имеет в раввиническом мире тройное обоснование: прежде всего знание имеет значение самого высокого и чистого элемента блаженства, доступного нам уже в этом мире; затем оно является источником ясного и неколебимого образа мыслей; и, в-третьих, оно представляет важный элемент человеческой задачи: оно есть нравственное занятие ума в высшем смысле слова...

Там же

Нравственность как верность закону

Нравственность есть освящение, но освящение есть послушание Богу, закону нравственности... В сравнении со всяким мистическим самоуглублением, всяким чувственным возбуждением, — принцип послушания образует ту прозрачную атмосферу, в которой вольно дышится гению нравственности. Образ мыслей, направленный на исполнение закона ради того, что он есть закон, можно рассматривать как настоящую цель закона. Свободное от всяких желаний, целей, намерений, послушание выступает тут как чистое начало. Никакой результат — будь он даже духовного свойства — здесь не преследуется. Единственное, что имеется тут в виду: поступок, будучи обусловлен послушанием, оказывается нравственным.

Всякое нравственное стремление и всякое этическое учение имеет в виду свободу, но расцвести эта свобода может лишь вследствие принятия закона и возведения его в личную норму поведения. По воззрению раввинов, этичность поступка обуславливается преимущественно его верностью закону. Яснее всего эта мысль выражается в споре о том, в чьих действиях больше достоинства: того, кто исполняет закон в силу того, что это — закон, или того, кто исполняет закон по собственному добровольному побуждению. От Рабби Ханины ведет начало изречение: кто исполняет закон из обязанности, выше того, кто исполняет его не из обязанности...

Нельзя не отнести к счастливейшим явлениям еврейской жизни то обстоятельство, что сосредоточение воли на исполнении закона — отнюдь не случайный ее признак.

Там же

Нравственность как единение

Нравственная жизнь есть жизнь освященная, а освящение жизни заключается также и в единении людей между собой.

В то время как у греков всеразъединяющий субъективизм оказался возведен в степень научного принципа, еврейский историк характеризует глубочайший упадок прежнего времени именно и только субъективизмом. Не о дурных и злых деяниях повествует он, чтобы описать упадок нравов, а о том, что "каждый делал только то, что справедливо в его глазах" (Судей, 17:6; 21:25). Конечно, и у евреев субъективизм обретал подчас ощутимые масштабы, но в теорию он никогда не возводился.

Не единичный человек, но коллектив может быть свят в истинном смысле слова. В единственном числе свят один лишь Бог. Ни Моисей, ни Илья, ни Первосвященник, ни Псалмопевец не именуется "святым". Один лишь Бог свят.

Благословенная сторона единения заключается в том, что благодаря ему возрастает уровень всеобщей нравственности. Сказано: "Есть между людьми добрые и злые, но Бог говорит: пусть они, люди, заключат между собой союз, дабы одни служили искуплением для других". Эту мысль раввины возводят на уровень религиозной идеи: "Когда вы поступаете так, говорит Бог, когда вы становитесь союзом, в тот же час Я возношусь над вами".

Соединение людей свершается постепенно и обретает различные формы. Вступая в связь, супруги выполняют свое природное назначение: поддерживать род. Но и здесь, как всюду, нравственная задача человека – облагородить природное влечение, наполнить его идеальным содержанием. На господствующей в семье любви покоится преемственность чувств, которая вместе с тем образует прочнейшую основу для преемственности духа. Оттого-то в Израиле семейное чувство всегда с такой ревностью лелеялось и культивировалось. Закон и Пророки, псалмисты и мудрецы, наконец, Талмуд и Мидраш неистощимы в увещаниях, имеющих целью придать семейной жизни как можно возвышенный и высокоорганизованный смысл.

Там же

Нравственность как эгоизм

Всякая деятельность ведет к соединению людей; в то же время она влечет за собой усиление природного эгоизма.

Нравственность требует мира, но надо разрешить противоречие

между союзом в процессе труда и взаимной борьбой за личный успех. Задача нравственного учения – установить те границы, в которых то и другое, эгоизм и преданность общественному благу, могут и должны быть оправданы. Эгоизм необходим. Он есть не зло, но созидающий элемент: чтобы отдавать, надо приобретать.

Чем выше индивидуум по своему дарованию, значению и продуктивности, тем богаче, многостороннее его деятельность на пользу целого; однако чем многостороннее его деятельность на пользу целого, тем, в свою очередь, выше поднимается человек в своей индивидуальной ценности. Поступки его как бы вращаются вокруг собственного "я", но в то же время они вплетаются в жизнь общества, которое есть единение индивидуумов.

Там же

Нравственность как мир

Никакой аспект учения о нравственности не разработан так глубоко, как ценность мира между людьми. Сказано в Библии: "Если израильтяне впадают даже в идолопоклонство, но через это хранят меж собою мир, Господь говорит: "Я невозмутим, ибо мир между ними".

Там же

ГАРМОНИЯ РОЗЕНЦВЕЙГА

Если среди немецких евреев нового времени искать философа, которому удавалось гармонически соединять поэтически-этические традиции еврейского духа с его социально-политическим гением, то, пожалуй, в числе первых следует назвать Франца Розенцвейга (1886-1929). Выйдя из полностью ассимилировавшейся семьи и получив незаурядное светское образование, он в возрасте 27 лет решает принять христианство, руководствуясь исключительно интеллектуальными соображениями. Но случается почти невероятное: посетив накануне намеченного обряда крещения небольшую ортодоксальную синагогу, где служили молитву Судного дня, переступив ее порог в качестве отчужденного еврея-отступника, он вышел из нее страстным и безоговорочным ревнителем религии предков, объятый тем всежигающим пламенем любви к своим национальным истокам, которое одновременно порождает и освящает духовное прозрение человека. Эту любовь, настоянную на глубоком религиозном чувстве и безупречном философском вкусе, пронизана главная книга Розенцвейга "Звезда искупления", история написания которой, подобно биографии самого автора, необычна: она целиком написана на небольших почтовых открытках, регулярно высылавшихся с фронта безвестным тогда некадровым офицером Ф.Розенцвейгом домой, к матери.

Стержневая идея книги сводится к тому, что цель жизни — непосредственное единение с Богом; и поскольку это так, то сегодня один только Израиль пребывает уже у цели, терпеливо дожидаясь приближения к нему всех прочих народов. Этим и обусловлена особая миссия еврейства, его уникальная судьба, его "избранность", — и нет ничего более ошибочного, чем упрекать автора в склонности к национализму: сущность родного ему народа он рассматривает именно с позиций общечеловеческих интересов и целей, с точки зрения универсальной истории, стимулов и задач человеческого бытия. Вот почему — с другой стороны — нельзя обвинить Розенцвейга и в недопонимании тех своих единомышленников, которые, в отличие от него, ратовали за возрождение Израиля именно в качестве государства, т.е. в качестве реального политического и исторического феномена. По убеждению автора "Звезды искупления", призвание еврейского народа — существовать вне истории, вне времени, вне тлетворного чувства дома, в состоянии "вечности", "искупленности" и "освященности"; а потому Израиль должен думать не столько о своем уподоблении другим народам, стесненным

преходящей и лживой плотью государственной жизни, сколько о том, чтобы убедить весь мир пренебречь превратностями земного "успеха" во имя той обетованной земли, которую давно уже обрели евреи и которая именуется небесами, Богом. Разумеется, эта последняя и производные от нее идеи в книге Розенцвейга не могут не вызвать сегодня возражений, но следует помнить и о том, что посрамлять подобные мысли — задача во все времена столь же неосуществимая, сколь неблагородно высмеивать неподдельный идеализм.

Святость Израиля

Вечная жизнь была завещана Израилю в Синайском откровении. Смысл ее — не в бесконечности отпущенного времени, но в постоянности того "сейчас", которое, с одной стороны, обрамлено застывшим прошлым, а с другой — неподвижным будущим. Как же это следует понимать?

Изменения есть выражение жизнеспособности народа. Стремиться к тому, чтобы каждый прожитый день выбрасывать в область прошлого, дабы уготовить место дню наступающему, — это и есть быть жизнеспособным. Длительность или краткосрочность этого процесса обуславливает долгую или краткосрочную жизнь нации. Внешним проявлением любых изменений, переживаемых любым из народов, служит, как правило, обычай и закон. Обычай зиждится на прошлом, тогда как закон формирует нынешнее, причем делается это именно с тем, чтобы грядущее примерить к сегодняшнему дню. Все народы и нации проводят свое существование в бесконечных революциях, в ходе которых установившиеся законы каждый раз сбрасывают прежнюю свою шкуру. Так живет любой народ, — только не Израиль. Тора, повествующая о прошлом и предлагающая одновременно закон, — священна, вечна и неизменна. Ее можно принимать или отвергать, но изменить ее не дано. Чем для всех иных народов являются обычай и закон, разграничивающие время на прошлое и будущее, — тем для евреев является Тора, заморозившая как минувший, так и наступающий день. Именно Тора превращает время в "неизменяемое настоящее", и именно благодаря ей еврей живет всегда в настоящем и настоящем, в особых условиях Вечного Сейчас.

Историческая память еврея не "расписана", как обычно, по отдельным памятным датам минувших эпох. Любой из прошедших дней одинаково близок к его нынешней жизни. Именно поэтому при праздничном пасхальном благословении пищи молитвенник предписывает: "Каждый человек и в каждом поколении обязан считать себя

участником египетского исхода". Подобным же образом вменяется еврею отнестись к любому иному событию в истории Израиля. Минувшее воспринимается евреями как неотделимая часть нынешнего.

Существование в непреходящем "сейчас" — это и есть узы, связывающие воедино все поколения. Благодаря этим узам народ обретает вечность. Подобно тому, как дед и внук непосредственно созерцают друг друга, они в то же самое время созерцают также своих давних предков и далеких потомков.

Вечный закон сообщает нынешнему дню неизбежность. И вот поскольку "сейчас" непреходяще, — оно оказывается над временем, вне времени; оно выпадает из его течения. Тора поднимает Израиль над временем и историей. Бог высвобождает евреев из пут истории, и делает Он это посредством заветного Израилю закона, взметнувшегося как мост над потоком времени. Такова уж сама сущность избираемого евреем способа освящения собственной жизни: жизнь вне времени, над временем, в вечности, в непреходящем и неизменном "сейчас". Эта непрременность и есть святость. Однако как только жизнь обретает святость, она перестает быть... живой. Вот почему мы имеем дело с такой разновидностью вечной жизни, которая, тем не менее, не может быть животворной в контексте исторического времени; и избранный народ Божий довольствуется и даже наслаждается... безжизненной жизнью, священной вечностью.

Все это означает, что Израиль, этот народ Божий, пребывает уже у конечной цели истории. Израиль существует, как можно существовать только в условиях искупления. Искупление, которое столь страстно ожидается всем остальным миром к концу истории, евреями уже обретено. В Субботний день или во дни Благоговения ("ямим нораим"), в Рош Ашана или в Йом Кипур каждый еврей ощущает в себе состояние искупленности.

Лучшим выражением состоявшегося меж Богом и человеком примирения является День Искупления, Судный день. Скрывшись под белым талесом, в котором его потом похоронят, еврей стоит в этот день пред Самим Господом Богом, нашептывая слова молитвы; он стоит перед Ним, как можно стоять лишь в час последнего суда; он стоит пред Судьей в совершенном одиночестве, — этаким труп посреди самой жизни, посреди толпы, которая вся целиком — подобно ему самому — в самый разгар жизни вознесла себя над могилой. Все, что может с ним впредь случиться, — все это уже находится вне его. Можно считать, что Йом Кипур представляет собой сгущенный образ каждодневного существования евреев в условиях непреходящего и вечно "сейчас". Поскольку еврей пребывает уже у конца, у цели истории, поскольку он живет "безжизненной жизнью вечности", постольку изо

дня в день, в самый разгар своей жизни он поднимает себя "над могилой". Он у цели, — и посему всегда, а не только в Йом Кипур, все на свете остается у него позади. Вечность покупается ценой жизни.

Отсюда следует, что для этого вечного народа земная жизнь не должна и не может измеряться мерками развития, приложимыми к существованию иных наций в пространстве и во времени. Любое развитие, любое изменение во времени оказалось бы равнозначным отрицанию вечности. Посему миссия евреев — ждать и бродить. Вечный народ не принимает фактически никакого участия в коловороте земной истории. Он не может или не должен всецело окунуться в историческую жизнь иных народов. Вечный народ призван пренебречь развитием всего этого мира, ибо его собственный мир воспринимается в качестве совершенного. Следует помнить еще о другой причине, которая обуславливает неучастие Израиля в исторической жизни наций. Дело не только в том, что весь остальной мир только еще стремится к цели, уже достигнутой Божьим народом. Дело помимо всего выглядит так, словно само священное провидение ограждает Израиль от отдачи всех своих сил этому земному миру, не подлежащему искуплению и избавлению. Освящение Израиля как царства духовников имеет своим следствием бесплодную земную жизнь. Освященность предотвращает его от того, чтобы отдать собственную душу этому неосвященному реальному миру народов, как бы сильно не стремилась к этому миру его плоть...

Вот почему государственная жизнь не может служить той самой структурой, которую следует обрести вечному народу. Любое государство — это изменяющийся организм, который шаг за шагом движется по направлению к вечности, тогда как эта вечность обретена уже народом Божьим. Государство служит символом постоянно предпринимаемых попыток обрести вечность в потоке времени. В этих бесконечных попытках государство не может не оказаться подражателем и соперником народа, несущего вечность в самом себе.

*Звезда искупления**

Живучесть Израиля

Вечность Израиля обусловлена, стало быть, самой его природой. Эта вечность обретается им благодаря непосредственности "сретения с

* В целях достижения большей ясности изложения текст тут и ниже адаптирован — Н.Д.

Богом”, прямого выхода на Него в акте откровения, а также благодаря вечному Закону, поднявшему народ Божий над потоком истории. Между тем, одним из проявлений вечности Израиля является его неизменная способность к выживанию, что обусловлено одним важнейшим обстоятельством.

Дело в том, что в то время как народ Божий ощущает собственное духовное совершенство и осознает свое пребывание у цели, в то время как душа этого народа ведет “безжизненную” жизнь искупленности, в это самое время его плоть остается и пребывает в потоке времени, в земной жизни этого мира. Каким же образом душа, живущая вне времени, поддерживает физическую живучесть Израиля во времени, в истории? Ответ в том, что Израиль усматривает гарантию собственной живучести в “общности крови”, связавшей воедино все поколения.

Благодаря самотворящей вечности, заложенной в самой крови Израиля, существование его не ставится в зависимость от тех многих моментов, с помощью которых другие нации пытаются обрести для себя вечность. Существование Израиля не связано с землей, с языком, с постоянно изменяющимися обычаями и законами. Привязанные к своим землям, народы проливают за них кровь. Благоденствие земли для них дороже собственной жизни, однако, утратив эту землю, они тем самым утрачивают и самую жизнь, ибо тот, кто завоевывает землю, завоевывает и народ. Да, земля предает народ, передоверивший ей собственную живучесть и воплотивший в ней собственную жизнь. Земля продолжает пребывать, но народ, населявший ее, исчезает. Между тем, с вечным народом дело обстоит иначе. Один только он оставил свою землю, уверовав вместо нее в кровь. Вот почему мы, евреи, спасали и спасаем нашу кровь, этот “государственный” животворящий сок, гарантирующий нам нашу вечность и живучесть.

В отличие от истории иных народов, история Израиля начинается не с того, с чего начинается обычно история коренной нации, обитающей на своей родной земле. Патриарх Авраам был чужеземцем в Ханаане, и Израиль становится нацией в египетском плену, так же как свое возрождение он переживает позже в вавилонском изгнании. Даже в родной своей стране Израиль никогда не являлся – по крайней мере, не ощущал себя – полновластным хозяином земли. Даже там, в Палестине, он – не больше, чем странник, не больше, чем аренщик, ибо “земля эта моя”, говорил еврею Господь. Изгнание с родной земли вряд ли явилось поэтому исторической катастрофой, как можно было бы подумать; вряд ли – наказанием за грехи, как гласит традиция. Потерянная родина превращается в глазах еврея в обетованную, вожденную, т.е. священную землю, однако стремление к ней не дол-

жно быть понято как стремление к возвращению. В согласии с идеей "общности крови", изгнание с родной земли явилось прежде всего не утратой, не поражением, но многозначным высвобождением из-под власти губительно опасных уз, ибо воля, направленная на существование в качестве единого народа, никоим образом не должна быть обусловлена чем-нибудь неживым, скажем, той же землей. Эта воля должна быть осмыслена исключительно в самом народе. Народ является народом только лишь как народ, и ни от чего другого его пребывание в качестве народа зависеть не должно.

Какова же тогда цель этого страстного стремления народа к своей священной земле? Прежде всего это стремление не есть одно только возвращение на родную землю. Вечный призыв к возвращению в обетованный край — это по сути дела строжайшее запрещение вечному народу найти обитель или обрести истинный дом на какой-либо иной земле. Таково основное требование, предъявляемое вечному народу во имя обеспечения собственной вечности. Израилю не должно быть позволено жить в согласии с мирским временем и мирской историей, иначе он утратит обретенную вечность. Свое место в этом мире еврей находит в собственном существе. Свою самобытность, приданную ему уже в минуту его рождения на свет, он носит с собой, как некую внутреннюю родину: он несет ее как заколдованный круг, из которого ему никогда не вырваться, как не вырваться ему из круга бегущей в его жилах крови, ибо, подобно крови, этот круг всегда находится в нем самом. Собственные свои истоки и корни этот народ таит в самом себе. Вот почему можно сказать, что "священная земля" — это край без земли, это особая земля, подобно тому, как "священная жизнь" — жизнь без жизни, безжизненная жизнь.

Нигде и никогда еврей не может найти собственного истинного дома. Ему и не надо искать для себя этого дома, ибо он несет его в самом себе. Все народы, существование которых было связано с землей и языком, с обычаями и законами, канули в небытие. Для нас же земля, язык и закон давно уже переросли свой первоначальный смысл, и из недр своего земного бытия возвысились до положения священности. Мы — прувечный народ, ибо наша жизнь не зависит от чего-нибудь постороннего, внешнего, пребывающего вне нас самих. Мы держим свои корни в самом себе; мы отказались от земных корней и посему приняли на себя миссию вечных странников, глубоко ушедших в самое себя, в собственную плоть и кровь. И эта наша углубленность в самое себя, и только в самое себя, является гарантом нашей вечности.

Там же

Изречения

(Изъятые из "Звезды искупления", писем и записей
бесед Ф. Розенцвейга)

Любые рецепты, каким может следовать обычно еврей — будь то рецепт сионизма, ортодоксии или либерализма — порождают не человека, а карикатуру на него, причем карикатуру тем более смешную, чем строже он придерживается рецептов. Существует, однако, лишь один-единственный рецепт, способный сделать еврея подлинным евреем, и, стало быть, способный полностью приобщить его к еврейскому способу жизни, к полноценному человеческому существованию; рецепт этот в том, чтобы не придерживаться никаких рецептов.

Я слышал как-то из уст Рабби Нобеля, что в душе любого великого еврея умещаются множество разных вещей. Да, лживые доктрины опасны лишь для людей ничтожных.

Все наши мнимые разногласия происходят из отождествления настоящего дня, являющегося всего лишь переходным мостом в грядущий, с насущным днем, который служит трамплином в вечность.

Говорят, что вчера мое имя было упомянуто в одной из проповедей, а книга моя была названа "истинно возвышенным сочинением новоявленного мыслителя". Однако ото всего этого не будет никакого толка до тех пор, пока меня не станут упоминать в проповедях, не цитируя выдержки из моей книги, или — что еще лучше — не зная, что цитируют именно меня.

Когда нападают на еврея, он не заслоняет себя Торой как щитом, но — напротив — укрывает собою Тору.

Сионизм, этот несравненный диагност, но весьма посредственный лекарь, сумев распознать болезнь, предложил, однако, неверное лечение.

Был ли Иисус Мессией, — станет известным лишь тогда, когда придет Мессия.

Господь Бог должен искупить человека не посредством истории, но — и это далеко не альтернативный путь — посредством религии.

Вечность — это не бесконечная протяженность во времени, но грядущий день, способный одновременно быть днем насущным.

Ни Бог, ни вечность не обладают историей. Бог, бывший началом всего сущего, окажется и его концом. Он — это Единый Надо Всем, но не Единый Во Всем.

Существовать во времени — значит ограничить свое существование началом и концом.

Как только жизнь становится священной, она перестает быть живой.

Счастье и жизнь — разные вещи, и посему неудивительно, что по мнению людей блаженством наслаждаются одни только покойники.

Река жизни движется от истока рождения до устья кончины. С удручающей однообразностью следуют дни за днями, и только одни праздничные дни, сливаясь меж собой, напоминают нам, что время связывает их в размеренные годовичные циклы. Только посредством их, только посредством праздников, наша жизнь способна ощущать постоянство и неизбытность речного течения, которое неизменно возвращает воды к своим истокам. В результате этого ощущения жизнь обретает вечность.

Быть евреем — значит быть в изгнании.

Христианин, чтобы быть христианином, должен стать им. Еврей же рождается евреем.

Любовь привносит в жизнь все то, что мертво вокруг нас.

ГЕРЦЛЬ: ДЕЛО ВМЕСТО СЛОВА

Политизация еврейского духа нового времени достигла высшего развития в творчестве Теодора Герцля (1860-1904), австрийского публициста, именуемого основателем политического сионизма. Справедливости ради следует, однако, напомнить, что за 14 лет до появления программной книги Герцля "Еврейское государство" (1896) совершенно аналогичные идеи высказал в России Лев Пинскер, — факт, по непонятным причинам, малоупоминаемый.

Если, скажем, мыслители типа Ф.Розенцвейга рассматривали историю еврейского народа в качестве уникального руководства к мышлению, если гармонию между мыслью и фактом они осуществляли прежде всего за счет изощрения мысли, — то Герцль и его единомышленники воспринимают историю еврейского духа как руководство к действию, и гармонию между мыслью и фактами они призывали учреждать посредством изменения фактов, т.е. путем целенаправленного воздействия на историю. При этом истинность той исходной мысли, к которой они старались подладить самую жизнь, определялась ими исключительно принципом политической справедливости. Именно поэтому, в отличие от Розенцвейга, усмотревшего в уникальности еврейства добро, т.е. источник новых возможностей в развитии духа, Герцль расценивает это положение как проявление зла, т.е. повод для борьбы за возвращение еврейства из положения уникальности к состоянию "нормальности", к тому политическому состоянию, в котором пребывают любые иные нации, к состоянию государственности. Фактически разница между этими двумя позициями в пределах еврейского духа сводилась к тому, что если первая, как бы призывающая к непротивлению и смирности, настаивает на избранничестве еврейства, то вторая, настаивающая на еврейской воинственности, смиряется со статусом обыденности еврейства. Герцль и идеологи его лагеря, воспринимающиеся сегодня как апостолы еврейской воинственности, не могли не сознавать, что проповедуемая ими программа требует жертвования одною из принципиальных идей еврейства, идеей о его исключительности. Между тем, эту жертву они считали, очевидно, вполне оправданной, ибо взамен ждали уничтожение векового антисемитизма. Единственный достойный реальный ответ антисемитизму, заявлял Герцль, — создание еврейского государства.

Сам по себе факт возрождения еврейской государственности —

одно из величественных "произведений" еврейского духа, однако жизнь оказалась, увы, изощреннее герцлевской схемы: став, вопреки призывам библейских пророков, "как все народы", основав собственное государство, евреи — как об этом подозревал, впрочем, и сам Герцль — так и не похоронили антисемитизм, ибо никакое государство не в силах покончить с инерцией истории, если даже эта инерция столь же злонамеренна, сколь вековечен антисемитизм. Вот почему, с другой стороны, в восхищении читателя программой Герцля проявляется именно и прежде всего уважение к духу еврейского народа, единственного из всех народов древности сумевшего помимо всего прочего дерзнуть поставить вопрос о восстановлении государственности, отнятой у него двадцать с лишним столетий назад.

(Из книги "Еврейское государство")

Вопрос о еврействе я рассматриваю не как социальный или религиозный, но как национальный вопрос, и для того, чтобы его решить, нам следует представить его в качестве мировой политической проблемы, над которой предстоит работать совету всех цивилизованных народов. Я говорю это потому, что мы — тоже народ, е д и н ы й народ, хотя я и не верю, будто тем самым мы добьемся того, что нам дадут жить мирно... Глубоко в душе народов внедрились старые предрассудки против нас. Кто хочет убедиться в этом, пусть прислушается там, где народ высказывается открыто и просто: сказки и пословицы несут печать антисемитизма. Народ везде — взрослое большое дитя, которое, разумеется, можно воспитать. Но это воспитание при самых благоприятных условиях потребовало бы такого огромного времени, что мы гораздо раньше можем помочь себе сами другим путем...

Если теперешнее поколение еще недостаточно отзывчиво, то появится другое, высшее и лучшее поколение.

Я верю в нравственный прогресс человечества, но я считаю его убийственно медленным.

Электрический свет открыт вовсе не для того, чтобы несколько богачей освещали свои пышные салоны, а для того, чтобы при его освещении мы решали вопросы человечества.

Мы направляемся, конечно, туда, где нас не преследуют, но наше появление порождает и там преследование.

Кто чужой в стране, это решает большинство: это — вопрос силы, как и все остальное в отношениях между народами.

Евреи — люди, составляющие всюду средний класс.

Еврейский народ не может, не хочет и не должен исчезнуть. Не может оттого, что враги извне скрепляют его. Не хочет, — это он доказал в течение двух тысячелетий, несмотря на невыразимые страдания. Не должен, — это я попытаюсь доказать. Целые ветви еврейства могут вымирать и отпадать, — дерево все-таки живет.

Никто не может быть настолько силен или богат, чтобы быть в состоянии переместить целый народ из одного места жительства в другое. Это в состоянии сделать только идея. Идея образования государства обладает подобной силой. В течение всей темной ночи, которую представляет еврейская история, евреи не переставали упиваться одной великолепной фразой: "Через год — в Иерусалиме!" Это — наша стародавняя мечта. Теперь предстоит доказать, что сон может обратиться в мысль, ясную, как день.

Обращаясь к рассудку, я, однако, хорошо знаю, что одного рассудка недостаточно. Старые заключенные неохотно выходят из тюрьмы. Мы увидим, выросла ли у нас молодежь, которая увлекает своим порывом стариков, выносит их на своих крепких руках и доводы рассудка переводит в воодушевление.

Давление, оказываемое на нас, не делает нас лучше. Мы не иначе созданы, чем другие люди. Мы не любим наших врагов, это правда. Но только тот может нас упрекнуть в этом, кто в состоянии превозмочь самого себя. Давление, естественно, вызывает в нас враждебные чувства против наших притеснителей, а наша враждебность, в свою очередь, способствует увеличению давления. Из этого заколдованного круга нет выхода.

"А все-таки выйти возможно, — скажут мягкосердечные мечтатели. — Возможно, разбудивши добрые чувства в сердцах людей". Нужно ли еще доказывать, что все это — лишь сентиментальные бредни?

Я уже говорил о нашей "ассимиляции". Не колеблясь ни минуты, я заявляю, что совсем не желаю ее. Наш народ слишком величествен исторически и, несмотря на все унижения, слишком славен, чтобы желать его исчезновения. Быть может, мы и могли бы везде бесследно раствориться в окружающих нас народах, если б нас только на два по-

коления оставили в покое. После кратких периодов терпимости вражда против нас каждый раз снова просыпается. Наше благосостояние, очевидно, содержит в себе нечто раздражающее, потому что мир привык в течение столетий видеть в нас самых презренных бедняков.

Таким образом, вольно или невольно мы остаемся исторической группой с очевидной взаимной связью между собой. Мы — народ. Враг делает нас таковым помимо нашей воли, как это сплошь да рядом бывает в истории. В нужде мы находим друг друга и познаем нашу силу. Да, мы в силах основать государство, и даже образцовое государство. Мы владеем человеческим и вещественным материалом, необходимым для этого.

Мы только там коллективисты, где этого требуют неимоверной трудности задачи. Вообще же мы будем помогать развитию личности и ее прав в нашем новом государстве.

На нашей новой родине мы предоставим полную свободу совести каждому, и прежде всего нашим свободомыслящим, этой бессмертной армии, которая испокон веков боролась на благо всего человечества. Никто не должен испытывать иного давления кроме того, которое необходимо для сохранения государства и порядка, и эта необходимая мера будет определена не произволом одного человека или нескольких людей, но будет основана на непоколебимых законах.

Я думаю, что евреи, как и всякая другая нация, всегда будут иметь достаточно врагов. Но когда они будут жить на собственной земле, они не могут быть рассеяны по всем странам света. Пока не погибнет вся мировая культура современности, разбросанность (разобщенность) евреев не может повториться. Страх разобщенности могут потом испытывать лишь отдельные индивидуумы, но не национальная культура, которая окажется достаточно сильной, чтобы защищать себя.

АХАД ХААМ: ДУХ ВМЕСТО СИЛЫ

Если Герцль ратовал за дело прежде слова или наряду со словом, — многие из приверженцев политического сионизма были категоричнее: меч вместо слова, сила вместо морали! Наиболее выдающийся из писавших на иврите публицистов Ашер Гинзберг (1856-1927), или Ахад Хаам (ивр. — "один из народа"), родившийся в России и на склоне лет переселившийся в Палестину, воспринял вышеупомянутый факт как "переоценку ценностей", убийственно опасную для сохранения самобытного духа Израиля. "Совершенно очевидная ошибка современности заключается в политизации нашего иудаизма, и совершенно очевидная необходимость — иудаизация нашей политики", — писал он, выдвигая идею духовного сионизма, согласно которой создавать национальный очаг в Палестине следует не во имя обретения еврейством физической мощи, т.е. государственности, но во имя учреждения национального "духовного центра", ориентированного на духовное совершенствование еврейства и мира. Эту программу, популярную в свое время и бесконечно видоизменяемую сегодня, критиковать, пожалуй, если не полезнее, то значительно легче, чем идеи Герцля: "олимпийское" спокойствие, которое само еврейство и весь мир противопоставило нацистской войне против евреев, условия рождения государства Израиль и бесконечный "суд", учиняемый ему чуть ли не всем цивилизованным миром, — достаточно веский аргумент против благородных идей Ахада Гаама.

Вплоть до нынешнего времени стандарты человеческой морали определялись интересами большинства, интересами утверждения всеобщего счастья и искоренения страдания из жизни всей массы человеческих существ. Теперь уже нам твердят, что, дескать, единственная истина, единственно возможный вариант существования добра сводится к свободному развитию индивидуальности в избранной человеческой среде с тем, чтобы со временем из нее выделилась особая категория людей, значительно превосходящая большинство.

Отсюда наши писак и почерпнули идею "переоценки ценностей". Прослышав о новой, универсальной по своему охвату доктрине, они выразили свое восхищение ею в стремлении к сотворению столь же нового учения, имеющего специфически еврейское происхождение. За это я их бранить не собираюсь. Начиная с александрийской эпохи

и вплоть до нынешнего дня, подобные заимствования имели и имеют место довольно часто; новые концепции и идеи оплодотворяли иудаизм и обогащали его не раз, стимулируя его постоянное развитие.

Ницше обожествляет физическую мощь и внешнее совершенство; он поет осанну "белокурой бестии" – такому сильному и привлекательному животному, которое, дескать, призвано править миром и руководствоваться во всем исключительно собственной волей... Что же касается Израиля, то, он, напротив, всегда и везде превозносил именно духовную мощь и внутреннее, нравственное совершенство.

Нет никакой необходимости в создании еврейского ницшеанства; еврейское ницшеанство не нуждается в зачинании по той простой причине, что оно существует уже долгие века. Вряд ли стоит напоминать, что испокон веков иудаизм зиждется не только на сострадании и милосердии, что никогда еще он не призывал своих сверхчеловеков подчиниться большинству, покориться толпе, хотя и учил их усматривать свое основное предназначение именно в заботе о благополучии этого большинства. Каждому из нас известно то особое значение, которое в нашей этической литературе – от Талмуда и Мидраша до хасидических писаний – придавалось фигуре цааддика, праведного человека: все мы прекрасно знаем, что хотя этот цааддик явлен во имя спасения других, в то же самое время "весь наш мир был сотворен именно ради него", и что рождение и существование цааддика есть по сути дела самоцель. Подобные мысли и фразы, как известно, встречаются в нашей письменности сплошь и рядом; они функционируют отнюдь не в ранге отдельных высказываний или частного мнения, не в форме отрывочных философских сентенций, но обрели подлинную популярность среди народа и самым органическим образом вплелись в систему нашей морали. Общеизвестно, что еврейский гений предрасположен к морали, и в этой сфере ему нет равных. С незапамятных времен евреи осознают свое превосходство над остальными народами именно в сфере нравственности, и сам по себе этот факт, в согласии с духом соответствующей эпохи, нашел выражение в известной религиозной догме, что Бог избрал Израиль и "возвысил его надо всеми племенами". Своим избранничеством Израиль обязан отнюдь не физической мощи или политической власти, нет. Сознание собственной исключительности в моральной сфере еврейский народ проносит сквозь всю свою историю, и именно оно, это сознание, служит ему утешением во всех его бесконечных страданиях.

Можно, разумеется, представить, можно даже стерпеть какого-нибудь единичного еврея, очарованного ницшеанской моделью сверхчеловека; еврея, склонившегося перед Заратустрой, отказавшегося от Пророков и решившего подчинить свою частную жизнь диктату новояв-

ленных ценностей. Но очень трудно понять и еще труднее стерпеть речения и деяния еврея, который пытается навязать этот новоявленный принцип существования всему народу в целом; невозможно понять и стерпеть еврея, который постоянно настолько глуп, что думает, будто этот новоявленный принцип в самом деле может придтись по душе народу, с первых же дней своего существования в мире усматривающему смысл своего бытия именно в страстном отстаивании прав человеческого духа от посягательств кулака и меча; народу, который с незапамятных времен и вплоть до нынешнего дня всю свою духовную силу черпает в уверенности в своей особой миссии, в том, что именно он призван, именно он и способен опередить все другие народы в движении к идеалу морального совершенства. Наивно думать, будто этот народ неожиданно-негаданно может изменить своим тысячелетним традициям и отказаться от своего национального превосходства в сфере морали только для того, чтобы оказаться "львиным хвостом" в сфере меча. Наивно думать, будто он в силах смести с лица земли величественный храм, возведенный им во имя Бога праведности только для того, чтобы на его месте заложить куцый алтарь (на большее он ведь тут не способен) в честь идола физической силы.

ЛИКИ РУССКОГО СИОНИЗМА

Как теория сионизм родился в России: до Т.Герцля был Л.Пинскер, а рядом с Т. Герцлем — Ахад Хаам. Как движение он развернулся там же, в России: первые халуцим поднялись в Палестину из российских гетто. Одна из причин заключалась, видимо, в том, что антисемитизм, редко отличающийся двусмысленностью, оказался наименее изощренным именно в тогдашней России. Между тем, нигде, пожалуй, сионизм не оказался столь многоликим, как опять же в России, хотя сам Герцль, подобно любому стороннему наблюдателю, воспринимал русских сионистов столь же умиляюще однопланово, сколь погромно однообразным был российский имперский антисемитизм: "Они обладают той внутренней цельностью, которая утрачена большинством европейских евреев. Их не мучает мысль о необходимости ассимилироваться, личность их цельна, без двойственности и душевных надрывов. Они идут верной дорогой без лишних самокопаний, возможно даже не чувствуя при этом никаких затруднений". Трудно высказать более ошибочное суждение о еврействе России даже сегодняшней. Помимо писаний Ахада Хаама свидетельством тому служат имена Х. Бялика, Н.Сыркина, С.Дубнова и В.Жаботинского.

Хаим Бялик (1873-1934), лучший за минувшее тысячелетие писавший на иврите поэт, клеймит ассимиляцию не только потому, что она есть символ малодушия, но также потому, что она опустошает человеческий дух. Мистический мир средневековой каббалы с ее романтической тоской по Богу сливается у него с программными публицистическими образами наступательного сионизма, обличающего философию рабства и страдания: "Жертвы ваши напрасны! — бросает он еврейским рабам, безропотно плетущимся на любого рода убой. — Ни я, ни вы, никто не ведает во имя чего вы погибли, и нет смысла в вашей смерти, как нет его в вашей жизни!"

*Дальше, о скитальцы, гордыми рядами!
Путь еще не кончен, бой еще пред вами.
Свершены блужданья по глухой пустыне:
Новая дорога стелется вам ныне.
Сорок лет блужданья — зной, пески, граниты;*

*Пали мириады, пали незарыты —
Пусть они родились в царстве Мицраима*
И рабами пали. Не жалея их. Мимо!
Пусть гниют, обнявши то, что сердцу мило, —
Тюк своих пожитков, принесенных с Нила;
Пусть им снится рабство, с чесноком и луком,
И горшками мяса, и гусиным тюком.
И поделит коршун с бурей пустыни
Жалкий прах последних из сынов рабыни.
Сладко будет солнцу озлатить впервые
Целый род свободных, не склонивших выи, —
И впервые взглянет, незнаком с бичами,
Целый род на солнце — гордыми очами!*

(Перевод В.Жаботинского)

Нахман Сыркин (1868-1924), основатель социалистического сионизма, усматривал возрождение национального самосознания еврейства в защите интересов еврейских рабочих. Утопичность благородных идей Сыркина выразилась в их быстротечной и, что называется, "благополучной" кончине. По всей видимости, сам же Сыркин чувствовал нереальность своего проекта слияния сионизма с социализмом: вряд ли иначе он так ревностно стал бы доказывать его... неутопичность. Ниже, однако, приводятся те пассажи из программной книги Сыркина, которые продолжают оставаться актуальными.

Внутренний инстинкт и глубокая убежденность придали мне смелость взяться за проповедь социалистического сионизма и противопоставить себя всей еврейской интеллигенции. Если возможно, чтобы в мозгах одного человека идея еврейской страны сплавилась в прекраснейшую из гармоний — с идеей еврейской революции, то почему бы этому сплаву не стать животворной, созидательной мыслью всей еврейской интеллигенции и простых еврейских масс? Так я возложил на себя неблагодарную миссию быть социалистом среди сионистов и сионистом среди социалистов; понятно, обе стороны отбрыкиваются от меня изо всех сил и отсылают к противной стороне.

Еврейское социалистическое государство

Еврейские социалисты выкапывают совершенно беспочвенные доводы в поддержку своего антисионизма. После того как им указывают на несостоятельность их ссылок на интернационализм и их утвержде-

* Т. е. Египта

ний об абсурдности единой еврейской народности, они приводят иной аргумент, а именно тот, что, дескать, сионизм противоречит принципам классовой борьбы. Еврейский народ, заявляют они, разделен на взаимоборющиеся классы, тогда как сионизм игнорирует их экономические разногласия и настаивает на т.н. единстве всей еврейской нации. Нет ничего более глупого, чем аргумент о противоречивости еврейской классовой борьбы сионизму. Защитники этой идеи не осознают смысла классовой борьбы и тем самым создают несуществующие противоречия. Станет ли еврейский пролетариат, которому прежде всех и поможет сионизм, отворачиваться от него лишь потому, что другие классы еврейства этот сионизм восприняли?

Классовая борьба не решает всех вопросов социальной жизни. Когда народ подвергается опасности, все партии объединяются с тем, чтобы сообща противостоять внешнему врагу, хотя в обычное время классы и борются между собой. Точно так же партии сливаются друг с другом во время выборов и образуют коалиции перед лицом внутреннего врага. Современный парламентаризм зиждится именно на этой процедуре. При каждом союзе меж людьми, заключенном во имя идеалистических целей, борьба, разъединяющая людей, исчезает, и вперед проступают более высокие формы солидарности. Классовая борьба, будучи главной действующей силой истории, не способна к решению всех наших общественных проблем. Творческая деятельность должна быть осмыслена не через классовую борьбу, но вне связи с ней. Сионизм есть творческое произведение еврейства, не противоречащее понятию классовой борьбы. Больше того: сионизм выше классовой борьбы, и он вполне может быть воспринят всем еврейством, невзирая на классовые разногласия.

Там же

Симон Дубнов (1860-1941), крупнейший историк еврейства, настаивал на теории автономизма: цель сионизма следует видеть не в обретении Палестины, но в расширении прав евреев в странах их проживания, в обеспечении им широкой автономии — языковой, религиозной, общественно-культурной. Споры внутри сионистского движения, наряду с тяжелым опытом вставшего на свою защиту еврейства, обусловили также и динамику поначалу категорически "бескровного", парламентаристского проекта этого ученого, полагававшегося прежде всего на впечатляемость либерального мира. Если б, однако, человек был способен обобщать помимо всечеловеческой истории также и фактическую историю собственной смерти, то, возможно, С.Дубнов ратовал бы за еврейское государство гораздо более решительно: в середине 20-го столетия, в 1941 году, веровавший в демократизм просвещенной Ев-

ропы, он был убит зачитывавшимися Гете гитлеровцами за то, что был евреем... Между тем, некоторые из писаний Дубнова оставляют впечатление, будто этот ученый-историк изучил досконально не только прошлое своего народа, но и факты, которым суждено было свершиться после его смерти.

Одна из причин незрелости или туманности наших идейных направлений заключается в отсутствии исторической перспективы, которое замечается даже в доктринах, выступающих под национальным флагом. У нас принято обыкновенно определять всю будущность народа с точки зрения новейших событий, а не всей совокупности моментов, пережитых еврейством. Наши "новообращенные" всех оттенков наблюдают драму еврейской истории только с пятого акта и воображают, что это и есть начало драмы. Они редко спрашивают себя: не происходили ли общественные движения, подобные переживаемым ныне, в предыдущие эпохи нашей истории и каковы были их результаты? Их философия истории не охватывает больше двух-трех ближайших к ним десятилетий. Потомки старейшего исторического народа, они поступают так, как если бы это был народ вчерашнего дня, а не нация, умудренная опытом тысячелетий.

Вступление к "Письмам"

Вековая, наследственная вражда к еврейству растет в... массах, проявляясь то в "культурных" формах западноевропейского антисемитизма, то в варварских формах русского вандализма и правительственного гнета...

Чем же отвечает еврейское образованное общество на это повсеместное усиление варварской или "цивилизованной" юдофобии? Оно дает два различных ответа, из которых один гласит: а с с и м и л я ц и я, а другой: п о л и т и ч е с к и й с и о н и з м. Но это, в сущности, не ответы, а простые механические отголоски альтернативы, поставленной нам врагами. Враги говорят: ассимилируйтесь или уходите! — а из еврейского лагеря одни отвечают: "мы ассимилируемся", другие: "мы уходим!"

Состоятельны ли эти ответы?

...Разница между двумя крайностями — доктриною ассимиляции и политическим сионизмом — этическая, а не практическая. Доктрина ассимиляции предполагает низкую измену нашему национальному знамени, отречение (полное или частичное) от того, чем живет и во имя чего борется еврейский народ. Сионизм, насколько в основе его лежит идея неистребимой национальной самобытности еврейства (ибо есть вид сионизма, лишенный этой основы), представляет собою движение

вышнее и исторически идеальное, противопоставляющее патологическому ассимиляционному разложению здоровое начало возрождения. Но практически, как уже сказано, ни то, ни другое движение не разрешит всецело или даже в значительной степени великой проблемы, поставленной еврейству современным историческим моментом.

Где же настоящее, всеобъемлющее решение? За ним мы должны обратиться к нашей истории, к великому синтезу столетий, к накопленному опыту всех пережитых нами эпох. Есть один путь, прошедший наш народ сквозь длинный ряд веков: путь автономной национально-духовной эволюции. Эту автономность развития, душу еврейской нации, мы должны и можем отстаивать везде, во всех местах нашего рассеяния, а не только в гадательном будущем Сиона, который никогда не прекратит диаспоры, а в лучшем случае разве только немного сократит ее. Наша слабость — в той внутренней расшатанности национальной жизни, которая вызвана эпохой ассимиляционного антитезиса; наша сила — в прочном установлении созидательной эволюции, в форме синтеза между старым и новым еврейством, в стремлении к внутреннему национально-культурному возрождению повсеместно.

...При широко организованной самопомощи, урегулированная эмиграция поведет не к большому раздроблению еврейства, а только к перемещению его центров. Великие переселения — в связи с перемещением национально-культурных центров — составляют обычные явления в еврейской истории... Частичная эвакуация уже началась: большая часть ежегодного естественного прироста еврейского населения уходит из России. За последние 20 лет Россия двинула в Северную Америку около миллиона евреев. Этот главный поток эмиграции намечает и путь передвижения русско-еврейского центра. И нет сомнения, что огромный запас национально-самобытных сил, кроющийся в русском еврействе, найдет в стране свободы более благоприятные условия для своего развития, чем в стране рабства и несправедливости.

Конечно, и здесь, и в других странах еврейский свободный национализм будет, по внешним культурным формам, отличаться от средневекового замкнутого национализма гетто, — но в этой метаморфозе и заключается весь смысл нашего современного "национального синтеза".

...Теоретически я считаю духовный тип нации более высокой ступенью в эволюции народов, чем территориальный; но это не мешает мне признать, что придаток территориального единства увеличивает силу всякой нации, даже достигшей этой высокой ступени.

Предисловие к немецкому переводу первых "Писем"

Владимир, или Зеев, Жаботинский (1880-1940), крупнейший среди всех сионистов мастер слова, всю свою жизнь призывал поставить его в услужение мечу и сам же явился лучшим последователем собственной программы: отложив перо, принесшее ему громкую и повсеместную славу, он взялся за оружие, принесшее ему наряду с признанием среди единомышленников, нарекания среди единоверцев и ненависть среди врагов. Экстремизм Жаботинского, воина и трибуна, эта цельность, присущая вообще не только мечу, но также сильному духу и ясному мышлению, является сегодня не только неотъемлемой, но и закономерной частью сионистского сознания, как бы об этом не стеснялись говорить. "Большей части молодежи в наше время недостаточно просто служить Сиону. Ей нужно еще что-то, какой-то дополнительный идеал, который оправдывает сионизм, какая-то расцветка, которая приукрасит национальное стремление. А я ищу молодежь, в Храме которой будет одна вера, единственная, и той веры будет довольно с нее. Я ищу молодежь, цельную, как природа, как Десять Заповедей". И хотя эти слова были произнесены Жаботинским давным-давно, они звучат сегодня столь же актуально и спорно, сколь предельно актуальны и спорны его нижеследующие тезисы чуть ли не 60-летней давности.

Политическая наивность еврея баснословна и невероятна: он не понимает того простого правила, что никогда нельзя "идти навстречу" тому, кто не хочет идти навстречу тебе.

Был типичный случай, когда один из подчиненных народов России весь, как один человек, пошел крестовым походом против евреев под лозунгами бойкота и погрома. В то же время этот самый народ добивался для себя автономии, открыто при этом заявляя, что он намерен использовать автономию для еще большего угнетения евреев. Но, несмотря на это, еврейские публицисты и политики, даже из националистов, считали своим долгом всячески поддерживать автономные стремления своих врагов; ибо, видите ли, автономия есть вещь святая. Мы вообще считаем своим долгом, как только услышим "Марсельезу", застыть навтыяжку и кричать ура — хотя бы играл эту мелодию сам Гаман и хотя бы в шарманке его при этом трещали еврейские кости. Это мы считаем политической моральностью.

Это не мораль, а разврат. Человеческое общежитие построено на взаимности; отнимите взаимность, и право становится ложью. Тот господин, который в эту минуту проходит за моим окном по улице, имеет право на жизнь лишь потому и лишь постольку, поскольку он признает мое право на жизнь; если же он хочет убить меня, то никакого права на жизнь я за ним не признаю. Это относится и к народам. Иначе мир

станет звериным бегом взапуски, где погибнет не только слабейший, но именно самый кроткий. Мир должен быть миром круговой поруки. Если жить, то всем поровну, и если погибать, то всем поровну; но нет такой этики, по которой жадному полагается есть досыта, а скромному издохнуть под забором.

Практический вывод из этой этики, которая есть единственная возможная этика человечности, гласит в нашем случае вот что: даже если бы имелись у нас полные карманы всяких уступок, вплоть до согласия стать участниками какой-то фантастической арабской федерации от моря до моря, то и тогда заговорить о них можно было бы только на-завтра после того, как с арабской стороны будет изъявлено согласие на еврейскую Палестину.

Деды наши это понимали. В Талмуде есть поучительный юридический казус. Двое идут по дороге и находят кусок сукна. Один говорит: это я нашел его, он весь принадлежит мне. Второй говорит: неправда, нашел я, сукно мое. Тогда судья разрезает сукно пополам, и каждому из упрямцев достается половина. Но вообразите казус, когда только один из них упрямец, а другой, напротив, решил удивить мир джентльменством. Он говорит: мы нашли сукно вместе, я претендую только на половину, вторая половина полагается господину Б. Зато другой твердо стоит на своем: нашел я, сукно мое. В таком случае Талмуд рекомендует судье решение мудрое, но для "джентльмена" грустное. Судья говорит: "об одной половине спора нет, господин А. сам признает, что она принадлежит господину Б. Спор идет только о второй половине — следовательно, разрежем ее пополам". Итого упрямец получает три четверти, а "джентльмен" только четверть. И поделом. Ибо джентльменом быть хорошо, а фофаном быть не следует. Деды наши это понимали, но мы забыли.

Земля принадлежит не тем, у кого ее слишком много, а тем, у кого ее нет. Отсудить участок у народа-латифундиста для того, чтобы дать очаг народу-скитальцу, есть акт справедливости. Если народ-латифундист этого не хочет, — что вполне естественно, — то его надо заставить. Правда, проводимая в жизнь силой, не перестает быть святой правдой. В этом заключается единственная объективно возможная для нас арабская политика; а о соглашении будет время говорить потом.

Этика железной стены

ЗАНГВИЛ ПРОТИВ ОБОСОБЛЕННОСТИ

Израэл Зангвил (1864-1926), самый крупный из англо-еврейских мыслителей, как бы призван доказывать мысль о несводимости еврейского духа к какой бы то ни было узкой формуле. Поэтому, собственно, его фигурой и целесообразно закрывать раздел о Новом периоде, столь, казалось бы, благоприятном для утверждения единодушия всего еврейства, если б этот народ не был тем, чем он является — воплощением свободной мысли, связанной лишь библейской традицией. Соратник Герцля и один из лидеров западно-европейского сионизма, страстный защитник своей "собственной секты", — гонимого еврейства, — Зангвил присягает в верности вековой еврейской мудрости уже самым фактом отрицания столь же векового принципа сектантства.

Действительно, стоит ли спорить вокруг верований и религий, когда обыкновенные люди легко меж собою соглашаются: ведь все мы мыслим одинаково. Просвещеннейшие среди нас только и делают, что упражняются в классификации и размежевании религий, тогда как в мире неотесанного работающего люда судьба религии обусловлена не столько особенностями веры, сколько особенностями верующего. Все незамысловатые головы, все простые души веруют одинаково, будь то конфуцианцы или христиане, евреи или буддисты; всякое нехитрое человеческое сердце нуждается в наличии святых чудотворцев и конкретных представлений о сущности и месторасположении преисподни, в системе священников и духовников, в существовании определенных молитвенных обрядов. И если человека вдруг лишить всего этого, если все это ему запретить, то он все равно вернется к этому самым хитроумнейшим образом. Магомет и Коран не признают существования чудотворцев и запрещают освящать смертных, и все-таки бесчисленные медитации и чудеса, "творимые" святыми мусульманами, бесконечные паломничества к их могилам, включая могилу самого Магомета, этого сверхсвятого из мусульман, составляют органическую часть ислама. Будда, явившийся миру с тем, чтобы проповедовать принципы чистейшего атеизма, был объявлен богом; он, этот страстный глашатай земных, натуральных представлений о мире и жизни, был произведен в профессиональные чудотворцы; его социальная революция была воспринята как переворот в области молитвенных обрядов, а его религия,

в свою очередь, оказалась истолкована как католицизированный ламаизм. Еврейская Тора, решительно предавшая анафеме любые идола, сама, однако, заделалась идолом: Священный Свиток завернули в дорогой пурпур, увенчали золотыми колокольчиками и уподобили расфуфыренной мадонне, которой благоговейно лобызают кончики пальцев. В то же время святая эта мадонна, безжизненная, как кладбищенские розы, утверждает поклонение блудливой Флоре. С резных ворот св. Петра глядятся бесстыжие лица Европы и Леды. Ни Конфуций, ни Христос по существу не сумели изгнать дьяволов или побороть их. Где, скажите, можно увидеть больше идолов, чем, например, в любой итальянской церквушке, до отказа забитой разрисованными восковыми куколками, словно бы выпестованными в специальной теологической мастерской мадам Тюссо. Христианская церковь имеет и свою палату ужасов, в которой благоговейно хранятся гвозди, священные орудия пыток и сертификат, позволяющий выцеживать кровь из прихожан.

Все простые люди веруют одинаково, и все они сочиняют одинаковые мифы, тогда как интеллектуалы в среде каждого народа тщательно размежевываются меж собой, и каждый из интеллектуалов, лишая родную религию животворного дыхания, обвиняет в безжизненности все иные представления и принципы. Различные верования и религии напоминают мне горный хребет, основание которого едино и нерасчленимо: в подножии скал цветёт буйная растительность, растут пышные, непролазные и по-тропически щедрые леса; чуть выше, ближе к середине, растительности уже меньше: сады ухожены, а на опушках стоят аккуратные беседки; у верхушек скал, в подоблачной выси, в разреженном воздухе белеют обледенелые и безликие, запорошенные снегом макушки истин и кое-где виднеются крохотные островки мха и лишайника. Стоит гробовая тишина, нарушаемая выкриками, которыми отстреливаются друг от друга горные вершины: "О, тебе скоро рухнуть!"

Итальянские фантазии

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД

ВВЕДЕНИЕ

Два крупнейших события в истории еврейства, случившихся почти одновременно, не могут не побуждать к поискам новых образов в еврейском духе. Одно из них — самая масштабная из катастроф, пережитых еврейством — убийство шести миллионов, совершенное “во имя спасения мира” одним из наиболее цивилизованных народов Европы на виду у почти невозмутимого “спасаемого мира”. Другое — столь же невиданная по своим масштабам победа еврейства: учреждение государства. Эти события не могли, казалось бы, не подорвать самих основ национального мироощущения; с одной стороны, проповеднику гуманизма, Израилю, был учинен погром, равного которому человечество не знало, а с другой — немощный Израиль отвоевывает назад свою землю и учреждает государство, воспринимающееся врагами как воплощение neodолжимой силы.

Естественно, что после этих событий в голосе еврейства тут и там прорезались соответствующие нотки: в одном случае — исполненные безысходности старца, в другом — проникнутые

THE CONTEMPORARY PERIOD

INTRODUCTION

The two most important events in recent Jewish history, which occurred almost simultaneously, cannot but provoke a search for new images in the Jewish soul. One was the greatest of all Jewish tragedies: the slaughter of six million “in the name of global deliverance” by one of the most civilized peoples of Europe while an impassive world looked on. The other was the unprecedented triumph of the Jews in securing their own state. One would think that these events would uproot their ancient moorings: on the one hand Israel, the revealer and propagator of humanism, had suffered a monstrous, unheard-of pogrom; on the other, this time-honored champion of spiritual values, traditionally vulnerable to physical attack, had won back its own land and established a state perceived by its enemies as a symbol of military might.

Small wonder that, in the aftermath, two new sounds rose from the Jewish throat: the anguished sob of an old man overwhelmed by despair and the adrenalin-charged cry of a youth

ребяческим умилением мышечными буграми. Поразительно другое: ни торжество, ни катастрофа никак не изменили еврейского духа. Этот парадокс легко объясним: в еврейском сознании история сжита до пределов, легко охватываемых памятью одной человеческой жизни. В еврейском восприятии вся история еврейства, с первого ее дня до нынешнего, есть тот фон, на котором проходит жизнь каждого человека, те условия, которые реально направляют наше сиюминутное поведение, чувствование и мышление. И когда это так, — ни в катастрофе, ни в торжестве не было для евреев ничего нового.

Никогда не забывали евреи того, что после египетского плена они создали государство, и что Саул, Давид и Соломон вряд ли уступали в величии Габсбургам, Стюартам и Романовым; память о родной земле еврейский дух увековечил в каждодневной молитве. Не забывали евреи и того, что варвары дважды разрушили Иерусалимский Храм в знак презрения и вражды к иудеям, и что изо дня в день и из века в век их обделяли, били и убивали только потому, что они — евреи; они, евреи, давно увековечили память о мучениках и Храме. Храме, где их предки, облаченные в прошитое золотом платье, совершали служение незримому Богу в то время,

flexing his muscles. Neither tragedy nor triumph, however, touched the essence of the Jewish soul. This paradox is easily explained: history is condensed in the Jewish mind to such an extent that centuries can be embraced in the consciousness of the individual. All of Jewish history, from the day of its inception to the present moment, serves as a back-drop against which every Jew lives out his life. It permeates his daily reality. Neither the tragedy of the Holocaust nor the triumph of statehood revealed anything new.

A Jew can never forget that, after his forefather's enslavement in Egypt, they had built a nation; that the grandeur of Saul, David and Solomon scarcely yields to the splendor of the Hapsburgs, Stuarts and Romanoffs. The memory of his native land has long since been perpetuated through daily prayer. He cannot forget that barbarians had twice destroyed the Temple in Jerusalem, that his precursors have been humiliated, beaten and killed through the ages because they were Jews. The image of the Temple and the legacies of the martyred live on in his prayers. He knows that when the ancient Hebrew priests, dressed in gold-quilted robes, worshipped their invisible God, the ancestors of

когда предки нынешних ноблей, кичащихся утонченностью, рыскали в лесах, помышляя об убийстве зверя и красуясь повязками из шкуры зверя уже убитого... Память обо всем, что было с предками, воспринимается евреем как воспоминание о том, что приключилось с ним самим. Оставаясь с Богом даже наедине, он обращается к Нему как к "нашему Богу и Богу отцов наших". В этом обращении выражена не только цельность и единство времени — мы и отцы, но цельность евреев в пространстве: Бог не только мой и отца моего, но наши и отцов наших. Вот почему еврейский дух как таковой остался тем же, чем он был до катастрофы и до победы: еще одно свидетельство его надысторичности, еще одно проявление вечного народа и его "пребывания у цели", где он терпеливо дожидается всех остальных, погруженных в коловорот истории.

Если этим двум событиям и предназначено было научить чему-нибудь кого-нибудь, то им должен был быть остальной мир. Один из самых осторожных теоретиков антисемитизма, француз М.Мюре писал в начале нынешнего века в известной книге "Еврейский ум", что в своем "индивидуализме и надменности еврей задумал заменить социальный строй фантазиями и химерами. Он выказал и выказывает полную неспособность к об-

those now strutting their wealth and power, were stalking animals in the woods, clad only in ragged hides to cover their nakedness. He perceives all that has happened to past generations as one with his own experience; even when alone he addresses God as "Our God and God of our fathers". This traditional invocation binds him to his fellow Jews not only in time, but in space: he speaks not of "my God" or "my father's God", but of "OUR God and God of OUR fathers". This is why the Jewish soul has survived unchanged through the pain of unfathomable loss and the pride of victory. It is yet another proof of the Jew's immunity to the dictates of history; Israel, to paraphrase Rosenzweig, has already reached history's goal and is waiting for the other nations to catch up.

If the two events that shook the Jews were meant to teach anything to anybody, they must have been meant for the "rest" of the world. One of the most cautious theorists of anti-Semitism, a Frenchman, J. Muret, wrote at the turn of the century in his notorious book, *The Jewish Mind*, that "the Jew, in his arrogance and egotism, plans to replace the social order — distilled from centuries of experience and wisdom — with his age-old

щественной жизни, и особенно не способен на жертвы, требуемые общественным благом. Индивидуализмом можно объяснить также неспособность еврея к военному делу". Теперь уже, после того, как, скажем, русскую революцию вдохновили и возглавили евреи, мечтавшие о лучшем социальном строе; после создания Израиля, — государства, как и любое другое, со своей общественной жизнью и со своей историей воинского и каждодневного гражданского героизма, — теперь уже любому Мюре было бы труднее убеждать в правоте своих идей своих же французов. Другой теоретик, русский по рождению, будучи по праву убежден в том, что "книга Мюре найдет своих читателей в России, как она нашла их во Франции", писал в предисловии к ней, что "гонимый Израиль готовится наложить на всех свое иго" и предупреждал, что "всемирный кагал распнет современное человечество на золотом кресте". Что ж, подобные строки без особых усилий найдут читателя не только в нынешней России, однако, после катастрофы шести миллионов доказывать их "прозорливость", пожалуй, труднее...

Итак, "остальному" миру было что уразуметь на уроках названных событий, однако он проявил к этому минимальное рвение: скрытая или неприкрытая неприязнь к евреям вооб-

fantasies. He has shown his inability to live within society, particularly his lack of regard for social welfare. His peculiar nature also explains his ineptitude in military affairs". Today, however, after the Russian revolution, inspired by Jews hoping for a better social order; after the creation of Israel, a state like any other, with its communal life and its own history of military and civilian heroism — a Muret would find it more difficult to convince his countrymen of his beliefs. Another theorist, a Russian who believed that "Muret's book will find readers in Russia, as it did in France", prefaced the book by writing that "persecuted" Israel is gearing up to put all of us under its yoke." He warned that "the world Kahal* is out to crucify mankind on a cross made from gold". The fact that similiar lines could easily be accepted in contemporary Russia and elsewhere in the modern world after the annihilation of six million Jews is harder to explain.

The "rest of the world" did indeed have something to learn from the events described above, but it showed little interest in doing so: veiled or open hostility toward Jews in general or Israel

* Jewish council of elders: a local body which governed Jewish communities in the villages of Czarist Russia.

ще или к Израилю в частности остается — за редким исключением — столь же традиционной, сколь одновременно логически объяснимой и мистически непостижимой.

Единственные, кто попытались измениться в свете катастрофы или торжества, оказались те же евреи. Мы являемся последними евреями, или первым поколением новой еврейской расы, говорили первые русские сионисты. Некоторые пошли дальше: одно из двух — нам суждено либо оказаться последними на земле евреями, либо первым поколением нового еврейства. Подобный экстремизм был и есть понятен. "Изысканный" Мюре объяснял миролюбивость еврейства его военно-политической бездарностью, но отнюдь не нравственным его кредо. Мудрено ли, если находятся евреи, которых пусть и можно уговорить пропускать мимо ушей подобные "откровения", то трудно заставить оставаться миротворцами, когда более "одаренные" воители объявляют резню еврейству или еврейскому государству, что одно и то же. В целом, однако, дух еврейства остается тем же, чем был всегда — настолько чутким к принципам Библии, что с ходом веков вырастает до значения совести человечества: "евреи не спят и спать никому не позволяют."

in particular remains, with few exceptions, as traditional as it is logically explained and emotionally affirmed — an almost mystical phenomenon.

The only ones who have actually tried to change as a result of these events were the Jews themselves. "We are the last Jews, or the first generation of the new Jewish race", as the earliest Russian Zionists used to say. Some went even further, claiming either that they were doomed to be the last Jews on earth or destined to produce a new kind of Jew. Such extremism is understandable. Muret, for example, in all his "sophistication", ascribed the Jew's peace-loving nature to their lack of military talent, and not to their moral beliefs or the fact that they had sanctified the concept of peace itself. Small wonder, then, that there are Jews who cannot sit by while more "talanted" warriors proclaim a slaughter of world Jewry or seek to destroy Jewish state. On the whole, however, the Jewish soul remains what it has always been; it is so sensitive to the ethics of the Bible that it has grown through ages if not into the conscience of mankind then into an inexhaustible advocate of moral values. There is an old saying: "Jews never sleep and they never allow anyone else to sleep".

Более того. Рассерженный юдофобством и еврейской пассивностью, Т. Герцль воскликнул как-то, что история еврейства должна перестать быть историей того, что с ним проделывает человечество. Понять его нетрудно, так же как нетрудно понять и принять другую мысль: история культуры в немалой степени есть история того, как направлял ее еврейский дух и что он создавал. Современный период — новое тому доказательство: как и прежде, евреи продолжают творить, развивать и предвосхищать универсальные концепции; как и прежде, библейские принципы мудрости и благочестия пребывают в самой сердцевине мирового духа; как и прежде, еврейская идея единости всего сущего, т.е. идея единичности Бога, остается небитой; наконец, несмотря на создание собственного государства, евреи, как и прежде, остаются самым космополитическим народом в мире, — аристократами истории.

Angered by Judeophobia and Jewish passivity, Theodore Herzl once exclaimed that, from now on, Jewish history should stop being an account of what others have done to the Jews. To a great extent, the history of world culture records the influence of the Jewish ethics on human society. The contemporary period is yet another illustration of this process: as before, the Jews continue to provide universal concepts which are later incorporated on a global scale; as before, the Biblical ideals of wisdom and piety remain at the heart of man's goals; as before, the Jewish concept of the unity of all things — the one-ness of God — has yet to be shaken. Finally, despite the establishment of their own state, the Jews, as before, remain the most cosmopolitan people on the earth — the favored of history.

МИР ГЛАЗАМИ ЭЙНШТЕЙНА

До недавнего времени еврейство не питало особого интереса к точным наукам: присущий им принцип бесконечного расщепления вещи и мироздания претил, быть может, еврейскому духу, столь мощному прежде всего в области синтеза, т.е. цельного видения всего, что кажется несовместимым. Вот почему появление Альберта Эйнштейна (1879 — 1955) затянулось вплоть до современного периода, когда синтетические тенденции наконец-то проникли и в точные науки, свидетельствуя, кстати, об их зрелости. Можно успешно доказывать, что открытия Эйнштейна, лежащие, как и следовало ожидать от гения его типа, на стыке сразу нескольких наук, многим обязаны самой методологии его мышления — характерно еврейского, т.е. явственно синтетического, почему, собственно, эти открытия одинаково значимы для любой области знания, даже первостепенно важного для Израиля знания о Боге.

Теория Эйнштейна высвечивает не столько даже закономерности в области точных знаний, сколько все мироздание, увиденное глазами Эйнштейна, ибо само рождение этой теории было бы немыслимо без определенного видения мира, видения, строго обусловленного всеохватным еврейским духом. Эйнштейн обронил как-то малопонятную мысль, что путь к принципиальным научным открытиям лежит сегодня через... незнание: чем меньше знает ученый, тем больше шансов на прозрение. Он подразумевал тут, конечно, способность пренебрегать "доказанными" истинами, вырываться из частогокола научных предрассудков на целинные просторы природы и обозреть перед собой вселенную такую, какая она на самом деле есть — не захламленная фактами, предметами и условностями, существующими лишь в людском восприятии, а, стало быть, зачастую обманчивыми и как таковые не существующими. Этот эйнштейновский рецепт для эпохальных прозрений оказался неслыханно дерзким, и с точки зрения традиций науки — шокирующе революционным. Но так ли уж он нов в свете библейской легенды о том, как одинокий пастух, созерцавший перед собой пустынный мир, приподнятый высокогорными пастбищами над каждодневной суетой обжитых долин, — как этот неотесанный и неумудренный знаниями пастух по имени Авраам догадался вдруг, что бесчисленные пучеглазые и пучепузые божки и идолы, бесконечно враждующие друг с другом внизу, в долине, и попеременно друг друга побеждающие,—

мимолетны и сомнительны, точнее, *о т н о с и т е л ь н ы* в своей ценности; и что во всем мироздании должен быть лишь один, незримый и неодолимый *Б о г!*

Смысл и проявления жизни

В чем же заключается смысл человеческой жизни да и всего органического бытия? Поскольку ответить на этот вопрос призвана религия, то — спрашиваете вы — стоит ли нам им заниматься? Я отвечаю, что человек, который расценивает свое существование и существование своих близких как бессмысленное бытие, — не просто несчастлив, но почти непригоден для жизни...

Все мы, смертные, пребываем в положении чрезвычайном! Каждый из нас приходит в мир на какое-то короткое мгновение; никто не знает — почему, с какой целью, хотя изредка и думает, будто ответ ясен. Однако если не копать глубоко и занять позицию поглощенного повседневными заботами человека, мы существуем ради тех из людей, от улыбок и благополучия которых зависит наше счастье, а также ради лично нам не знакомых наших современников, с судьбами которых нас связывают узы сочувствия. Сотни раз в течение дня я напоминаю себе, что вся моя жизнь — как внутренняя, никому не видимая, так и видимая — зависит от трудов и усилий многих других людей, живых и мертвых, и что этим людям я обязан вернуть столько же, сколько уже получил и все еще получаю от них...

Я не верю в человеческую свободу, если понимать ее в строгом смысле. Каждый из нас живет и действует не только под властью внешнего давления, но также и в соответствии с внутренней необходимостью. "Каждый человек может делать все, что пожелает, но не должен пожелать всего, что желает". Еще с юношеских лет это изречение вдохновляет и постоянно умиротворяет меня, являясь неисчерпаемым источником терпения и выносливости перед лицом всевозможных жизненных невзгод, — моих собственных и чужих. Это состояние благоприятнейшим образом смягчает зачастую парализующее человека чувство ответственности и уберегает его от того, чтобы воспринимать себя и других чересчур уж серьезно.

Мое чувство социальной справедливости и ответственности всегда, однако, резко противоречило моему же стремлению к освобождению от необходимости контактов с другими людьми и группами. Я ступаю своею походкой и, собственно говоря, никогда полностью и безостаточно не предаюсь ни своей стране, ни своему дому, ни своим друзьям, ни даже своей родной семье. Перед лицом всех этих и подобных

уз я никогда еще не утрачивал неистребимого желания уединяться и особой своей потребности в одиночестве, потребности, которая с годами лишь возрастает.

Мой политический идеал — демократия. Я за то, чтобы каждый человек был признан как личность, и в то же время не оказался в глазах людей идолом.

Лучшее из того, что нам дано испытать — таинство. Это чувство является тем основополагающим началом, которое лежит в истоках истинного искусства и истинной науки. Человек, не сознающий этого и не способный удивляться и затаивать дыхание при виде неведомого, подобен живому трупу или затухшей свече. Именно это чувство удивления, это смешанное со страхом ощущение таинства и породило в свое время религию. Знания и истины, которые нам не дано по-настоящему постичь, высший разум и неземная красота, которые воспринимаются нами лишь в их самых элементарных формах, — именно существование подобных истин и ощущений и составляет основу подлинного религиозного отношения. В этом смысле, и только в этом, я отношу себя к числу людей глубоко религиозных.

Мир, каким я его вижу

Иудаизм

Говорить о специфически еврейском мировоззрении неправомерно: иудаизм следует связывать почти исключительно с принципом нравственной ориентации в жизни. Я воспринимаю его скорее как проявление особого, присущего еврейскому народу, отношения к жизни, чем как воплощение законов и постановлений, заявленных в Торе и интерпретированных в Талмуде. И Тора, и Талмуд являются собой прежде всего наиболее рельефное и существенное выражение того особого стиля существования, который в ранние времена породил представление о еврейской концепции жизни.

Ее сущность я усматриваю в утверждающем отношении к жизни и к миру.

Иудаизм не есть застывшая религия. Он полностью обусловлен жизнью, которую каждый из нас проживает, и он призван помогать нам проживать нашу жизнь, — и ничего больше. Понятно поэтому, что лично мне представляется сомнительным, будто иудаизм можно именовать религией в общепринятом смысле этого слова; иудаизм требует от еврея по существу не веры как таковой, но освящения жизни, надличностного бытия.

Между тем еврейская традиция содержит в себе также и нечто большее, нечто такое, что находит свое прекрасное выражение во многих псалмах Давида; эта традиция вбирает в себя особую разновидность всеобъемлющего чувства радости, — восторженность величием этого мира, т.е. ощущение, не поддающееся точному определению. Это то самое чувство, которое вдохновляет всякое истинное и подлинное научное изыскание, но в то же время это — чувство, которое проявляется в пении птиц. Считать, будто это особое ощущение обусловлено идеей Бога, было бы просто-напросто ребяческим вздором.

Можно ли, однако, воспринимать все это как отличительную черту иудаизма? Можно ли это обнаружить где-нибудь еще под каким-нибудь другим именем? В чистой форме этого нельзя найти больше нигде, причем этого невозможно найти даже в самом иудаизме, где, так сказать, первозданно-чистая идея погрязла в многочисленных культовых предписаниях и обрядах. И все-таки именно иудаизм представляется мне одной из наиболее чистых, полноценных и действенных проявлений этого чувства, — и это прежде всего потому, что основополагающий принцип иудаизма — освящение жизни...

Там же

Изречения

Открытие деления урана угрожает человечеству не больше, чем изобретение спички. Дальнейшее развитие человечества зависти не от уровня технических достижений, но от его моральных устоев.

Государство для человека, а не человек для государства.

Наука без религии — что хромой, и религия без науки — что слепой.

Образование — это то, что остается после того, как забыто все, чему нас обучали.

Большинство ошибок обусловлено тем, что человеческий мозг склонен принимать символ за живую реальность.

Я верю в Бога Спинозы, который являет себя в гармонии существа, но не в Бога, который возится с судьбами и поступками людей.

Бог изощрен, но Он не злонамерен!

Нет ни одной идеи, в которой я был бы уверен, что она выдержит испытание временем.

Я никогда не думаю о будущем. Оно наступает довольно быстро.

Если бы мы не жили среди нетерпимого, узколобого и дикого люда, я был бы первым, кто отверг бы принципы национализма во имя идеи о едином человечестве.

Тот, кто выступает сегодня против идеалов разума и личностной свободы, тот, кто с помощью грубой животной силы пытается насадить бесчувственный мир раболепия, не может не усматривать в евреях своего непримиримого врага.

Тяга к знаниям ради знаний, чуть ли не фанатическая любовь к справедливости, стремление к личностной независимости, — вот черты еврейской традиции, которая вынуждает меня благодарить Господа за мою принадлежность к этому народу.

Сегодня каждый еврей сознает, что быть евреем значит нести серьезную ответственность не только за свою общину, но также за все человечество.

Если моя теория относительности будет успешно доказана, Германия объявит меня немцем, а Франция — гражданином Вселенной. Если же моя теория окажется ошибочной, Франция заявит, что я — немец, а Германия возвестит миру, что я — еврей.

ФРЕЙД О ЮДОФОБИИ

Если учесть, что наука обрела в сегодняшнем мире статус религиозной моралистики древности, то австрийского психиатра Зигмунда Фрейда (1856—1939) можно уподобить самому Христу. Подобно последнему, Фрейд выделился среди коллег стремлением и способностью к синтезированию своих конкретных наблюдений и открытий на уровне всеприложимых истин. Если б даже не нынешнее заискивание перед науками, это обеспечило бы ему репутацию одного из видных мудрецов современности. Открытый им метод анализа психики был тотчас же признан как универсальное средство объяснения и формирования отдельной человеческой души. И не только: с помощью этого метода стало возможным объяснять не только поведение индивида в группе людей, но также поведение народа в истории. По сути дела, он оказался столь же универсальным, сколь марксова теория, с той, конечно, разницей, что если Маркс рассматривал триаду человек—общество—история с позиций заключительного ее звена, с позиций абстракций, то Фрейд — с позиций начального, с позиций конкретных фактов о человеческой психике. С Марксом его роднит и безусловно еврейский тип мышления, обусловленный самою традицией еврейского духа: известно, например, что еврейский мистицизм оказал на Фрейда решающее влияние.

Между тем, подобно тому, как "Зохар" — этот шедевр еврейской мистики — углублялся в область неочевидного с тем, чтобы обнаружить в очевидных библейских истинах иной, скрытый смысл, но непременно предельно понятный и предельно сообразный с земным разумом, — подобно этому Фрейд погружался в неосознаваемое с тем, чтобы пригнать его к человеческой способности понимания, ибо, как говорил он, "нет инстанции выше разума". Именно эта задача стояла перед Фрейдом, когда он пытался объяснить то, что стало в веках необъяснимым: ненависть всего мира к малочисленному племени евреев, так много сделавших для человечества, которое так мало им признательно.

Как известно, эту вековую задачу пытались разгадать не раз. Одно из самых традиционных и, казалось бы, правдоподобных объяснений этого парадокса истории сводилось к тому, что евреи были бездомными засидевшимися "визитерами". Это объяснение оказалось в новое время особенно популярным благодаря риторике сионистов:

”Мы должны обзавестись собственным домом, и тогда в других домах нас будут принимать как уважаемых гостей”. Опыт оказался хитрее этой очевидной истины: евреи обзавелись домом, но отношение к ним, как, впрочем, и к самому их дому вряд ли в целом отличается благородством. Почему? Тут уже логика подсказывает, что она бессильна, и ключ к вековому парадоксу следует искать в области скрытого. Фрейд попытался разглядеть это скрытое с помощью своей теории невротизма и показать потом, что ларчик открывается просто и в нем нет ничего ”невиданного”.

Из всех народов, обитавших древле в районе Средиземноморья, евреи являются, пожалуй, единственным, которому удалось сохранить не только имя, но и природу. Выказывая неподражаемую стойкость и волю к жизни, они преодолевали любые испытания, вызывая в свой адрес также и глубокое презрение всего мира. В чем заключается источник еврейской стойкости? Каким именно образом характер еврея связан с его судьбой? Вот вопросы, которые каждому хотелось бы осмыслить глубже.

Можно было бы начать с одной еврейской черты, которая обуславливает отношение этого народа ко всем иным. Известно, что евреи придерживаются на свой счет исключительно высокого мнения и сами себя ставят выше всех иных народов.

*То был один-единственный человек по имени Моисей, кто утвердил среди евреев чувство самоуверенности, внушив им мысль, будто они — народ богоизбранный; это он наказал им быть народом святым и держаться особняком среди всех прочих племен и языков; именно через Моисея самоутвержденность евреев была узаконена в религии. Вот почему мы и считаем, что после Бога, который избрал евреев и вывел их из Египта, идет земной Моисей, человек, осуществивший этот египетский исход как бы по господнему наущению. Я решаюсь заявить: то был один-единственный человек, звавшийся Моисей, кто сотворил евреев таковыми, каковы они есть. Именно ему народ этот обязан своею волею к жизни, но в нем же, с другой стороны, и таятся истоки той враждебности, с которой приходилось и приходится сталкиваться евреям.**

* Воспринимая Моисея единственным ”виновником” исключительности еврейства, Фрейд исходит из той легенды, будто величайший из пророков Израиля был по происхождению египтянином, который ”по негласному требованию народа считается чистокровным евреем”. Фрейд предполагает, что, избрав кочующее еврейское племя, Моисей принялся приобщать его к некогда прежде, — ”великое прежде”, — существовавшему духу, основанному на единобожии и отраженному в

... Моисеева религия возымела свое действие отнюдь не скоропалительно и непосредственно, но причудливо опосредованным образом, и прошли долгие века прежде, чем ее эффективность оказалась очевидной. Некогда встарь она была навязана евреюству извне, и прошел долгий срок пока ее принял народ; причем трудно сказать — принял ли он ее безоговорочно и целиком или уверовал лишь в отдельные ее предписания.

Я думаю также, что утверждению Моисеевой религии когда-то еще раньше предшествовало аналогичное явление. Предложив своему народу некоего Единого Бога, Моисей не сказал ничего нового, ибо представление о Едином Боге явилось по существу возвращением к тому первоначальному человеческому опыту, память о котором уже давно выветрилась из людского сознания.

*... Наиболее ранние из впечатлений, полученных индивидуумом еще в ту пору, когда он едва ли способен их выражать, выказывают себя позже довольно навязчиво, хотя эти впечатления им и не осознаются. Точно также обстоит дело и с наиболее ранним опытом человечества. Идею о Едином Боге следует понимать как некое искаженное во времени воспоминание. Идея Верховного Существа по всей вероятности родилась давно, но лишь когда вся власть стала приписываться одному-единственному Богу, когда стала отвергаться сила всех иных богов, именно тогда величие первобытного отца было восстановлено в своих прежних правах. И вот теперь уже все те эмоции, которые некогда встарь были обусловлены фигурой отца, получили возможность возрождения, обновления и последовательного развития.**

религиозных принципах древнего Египта. Самому Моисею этот дух был известен благодаря его статусу жреца, посвященного в тайны древних преданий. Истоки антисемитизма Фрейд вслед за полусвященной для евреев книгой "Зохар" обнаруживает уже в "изначальном прошлом": зависть и ревность, которые евреи вызывают в среде прочих народов утверждением о собственном первородстве и своей облюбованности Богом-Отцом, — это чувство зависти и ревности народы, дескать, еще не сумели превозмочь и изжить; создается впечатление, что весь мир действительно уверовал в эту идею. Первопричину антисемитизма, по мнению Фреда, следует искать в еврейской идее об избранном народе. Этой идее Фрейд пытается противопоставить тезис, что евреи представляют собой народ, избранный не Богом, но Моисеем, который предположительно не был евреем; иными словами, идея избранности евреев — отнюдь не еврейского происхождения. — Н.Д.

* В начальные времена люди жили маленькими племенами, управлявшимися, как считает Фрейд, старейшинами-отцами на основе грубой силы, подчинения женщин и жестокого контроля над сыновьями. Этой системе пришел конец в результате восстания сыновей, объединившихся воедино против отца, свергнувших его и совместно поглотивших его умерщвленную плоть. Племя, управлявшееся-де прежде отцом, сменилось тотемическим братским кланом. Во имя мир-

Начальный эффект обновления союза с отцом описан в сцене заветания народу Закона на Синайской горе. То было чувство восхищения, благоговейного страха и бесконечной признательности, чувство, которое охватило весь народ, одержимый стремлением снискать Его любовь: религия Моисея проникнута именно и только этими чувствами по отношению к Богу-Отцу. Уверенность в непоколебимости Его власти, безоговорочная подчиненность Его воле, — нельзя представить себе более сильное выражение первоначальной беспомощности и запуганности сына перед отцом племени, чем здесь. Детские ощущения отличаются несравненной интенсивностью и глубиной по сравнению с чувствами в зрелом возрасте, и один лишь религиозный экстаз способен вернуть взрослому человеку эту интенсивность переживаний. Вот почему всеобщая преданность Богу является первой реакцией на возвращение Всемогущего Отца.

Евреи возлагали на себя бесконечно усложняющиеся обязательства по отречению от власти инстинктов и тем самым достигли — по крайней мере в теории — таких этических высот, которые должны были представляться недостижимыми всем иным народам древности. Это стремление к ограничению собственной животной природы и к ее одухотворению расценивается многими евреями как вторая основная черта, второе великое достижение своей религии. Что касается нас, мы хотели показать, каким же именно образом этот второй признак еврейской религии обусловлен первой ее чертой, т.е. идеей Единого и Единственного Бога. Как бы то ни было, невозможно отрицать, что этика еврейства вырастает из осознания греха, восходящего, в свою очередь, к чувству подавленной враждебности по отношению к Богу. Это обстоятельство обуславливает особый тип существования, который никогда прежде не обнаруживался и никогда впрямь обнаружиться не может.

В последующую эпоху ощущение греха не ограничивается уже сознанием одних только евреев; это гнетущее чувство пронизывает

ного сосуществования меж собой братья-победители поставили во главу клана женщину, ради которой они, собственно, и умертвили отца, учредив принцип общности жен. Двойственность отношения сыновей к отцу сохраняется в течение всего последующего развития общества. Вместо отца в качестве племенного тотема провозглашается животное, убийство и оскорбление которого запрещено, ибо этот тотем символизирует умерщвленного предка и дух, покровительствующий клану. Раз в год, однако, весь клан собирается на пир, во время которого тотем умерщвляется и разрывается на части. Никто не вправе отказаться от этого праздника, ибо оно торжественно повторяет акт отцеубийства, положивший начало тому, что называется социальным порядком и нравственным установлением. — Н.Д.

собою душу всех народов Средиземноморья и выражается как смутное ощущение недовольства и неустроенности, как предчувствие беды. Хотя, казалось бы, все кругом намекало или указывало на истинные корни удручающего невроза, охватившего самые различные народы, — тем не менее в четкой своей форме идея действительной причины всеобщего духовного смятения мелькнула опять же в еврейской голове, в голове Саула из Тарса, или апостола Павла: "Мы убили Господа Бога, Отца Нашего, и потому мы так несчастны!" Теперь уже должно быть понятно почему именно Павел осознал этот факт как радостную иллюзию: "Мы избавлены от всех грехов наших, ибо один из нас отдал свою жизнь во искупление всеобщей вины".

... Первородный грех и обретенное через жертвенную смерть Христа спасение, — вот два принципа, образующих основу новой религии, учрежденной Павлом. Вырвавшись за рамки иудаизма, христианская доктрина впитала в себя множество разных элементов и, отрекшись от чистого монотеизма, усвоила ритуалы прочих средиземноморских народов. Основная доктрина новой религии сводилась, конечно же, к примирению с Богом-Отцом, к искуплению свершенного против Него греха; но эта религия сосредоточила внимание и на другой стороне, на Сыне, который, приняв всю тяжесть греха на собственные плечи, сам уже стал Богом наряду с Отцом и по существу даже сменил Его. Будучи по своему происхождению религией Отца, христианство обернулось религией Сына. Христианство не могло не избрать путь вытеснения Отца.

К этой новой доктрине пристала лишь небольшая часть еврейского народа, и те, кто отказался от нее, до сих пор зовутся евреями. Благодаря своему отказу от новой доктрины, они оказались изолированы от остального мира резче, чем когда-либо прежде. С той поры им суждено было страдать от тяжелейшего обвинения в убиении Бога, обвинения, которое стала предъявлять евреям новая религиозная община, включившая в себя помимо самих же евреев также египтян, сирийцев, греков, римлян, а в последствии и тевтонцев. В полной своей форме это обвинение могло бы выглядеть так: они, евреи, не признают того, что убили Бога, тогда как мы, напротив, сознаем это, а посему снискали себе искупление. Нетрудно понять, какая именно историческая истина скрывается за этими обвинением. Между тем вопрос о том, почему же евреи не приняли никакого участия в прогрессе, вызванном признанием в убиении Бога, — этот вопрос заслуживает специального внимания. Ясно другое: отказавшимся признать вину, им одним суждено было взвалить на собственные плечи всеобщий трагический грех, что и обусловило их жестокие страдания.

Моисей и монотеизм

Изречения

Религию можно было бы назвать общечеловеческим неврозом навязчивости, которая, как и детский невроз, происходит от эдипова комплекса.

Иллюзия — не то же самое, что заблуждение, и ей вовсе и не нужно быть непременно заблуждением.

До тех пор, пока на людей с раннего детства будут влиять как сексуальные, так и религиозные запреты, мы не сумеем по-настоящему определить — что же, собственно, представляют из себя люди.

Так как разум ставит себе те же цели, осуществление которых ожидают от Бога — любовь к человеку и ограничение страдания, — разногласие между ним и верой является временным.

Если бы можно было вынести бремя жизни, можно было бы с готовностью отнестись и к смерти.

Мы, евреи, сохранили наше единство благодаря идеям, и именно благодаря им мы сохранили по сей день и нашу жизнь.

Иллюзии прививаются к нам благодаря тому, что они избавляют нас от боли и взамен доставляют удовольствия. Вот почему не следует роптать, когда они, сталкиваясь с реальностью, разбиваются вдребезги.

Отчего же чем искреннее предавался Богу Израиль, тем строже Он его испытывал, — вот вопрос, который следует оставить без внимания.

Реальность всегда будет оставаться непознаваемой.

БУБЕР: ДИАЛОГ КАК СПАСЕНИЕ

Один еврейский моралист, живший в Германии, предупреждал, что если кто-либо горячо клянется в своем идеализме, следует понадежнее спрятать золотые часы. Этот совет нередко оказывается резонным. Немецкие философы прошлого столетия, — все, как правило, идеалисты, — "постановили", что история духа — это история его высвобождения ото всего земного. Клянясь в преданности Богу, они отлучили Его от земли и прогнали столь высоко за облака, что там, в разреженном пространстве, Его и след простыл. Недаром поэтому, как говорят, 19-ый век убил Бога. В нынешнем же веке, если не покидать ту же Германию, был убит уже человек: во имя сотворения идеальной сверхличности Ницше, например, призывал щедро жертвовать большими "стадами средних людей". Эта и подобная ей мораль обосновывалась неотразимо искусно и легко была принята, как известно, не только гитлеровцами и не только в Германии. Между тем, и возвышение-убийство Бога, и презрение к "стадному человеку" оказались актами, хотя и поразительно популярными, но явственно... антиеврейскими; и здесь имеется в виду не столько даже фактические кампании против еврейства, вдохновленные этими идеями, сколько сама их антиеврейская сущность. Осмеяны оказались вековые истины, предложенные когда-то еврейством и принятые остальным миром. Эти истины были объявлены в лучшем случае устарелыми, и если кому-нибудь и было суждено реабилитировать и переосмыслить их заново в свете современной жизни, — то должны были быть прежде всего евреи.

Вот почему неудивительно, что родившийся все в той же Германии еврейский философ Мартин Бубер (1878—1965), человек изощренного вкуса и разума, всю свою жизнь занимается не частностями, к которым, как правило, и проявляют вкус ученые современности, но "азбучными" вопросами существования, как бы откликаясь тем самым на всегда актуальную мысль Л.Толстого: "Зачем говорить утонченности, когда еще остается высказать столько крупных истин". Высказанная Бубером крупная истина, уходящая своими корнями в глубины библейского мира и, увы, так еще и не реализованная, проста и величественна: жизнь человека — в диалоге с себе подобным, причем диалог этот спасителен тогда, когда он осуществляется при посредстве Бога, т.е. Его законов и Его заповедей о нравственности и любви. В этом диалоге, заключает Бубер, утверждается и жизненность самого Бога.

Если индивидуализм занимается лишь частью в человеке, коллективизм рассматривает его лишь как часть: никаких попыток постигнуть человека как целое. Индивидуализм видит человека лишь в его отношении к самому себе, а коллективизм человека не видит вовсе: он видит лишь "общество". В первом случае лик человеческий обезображен, во втором – скрыт.

Оба эти взгляда на жизнь, – современный индивидуализм и современный коллективизм, – какими бы разными обстоятельствами они не были обусловлены, являются выражением одной и той же известной ситуации, в которой оказался современный человек. Эта ситуация характеризуется чувством космической и социальной бездомности, страхом перед мирозданием и страхом перед земной жизнью, что и породило такой тип одиночества, какого, возможно, никогда прежде не существовало. Человек ощущает, что он брошен на произвол судьбы самую природой, как бросают на произвол судьбы неугодного младенца; и в то же время он полностью изолирован посреди суматошного мира. Первой реакцией духа, четко осознавшего эту новую и ужасающую ситуацию, является современный индивидуализм, второй – современный коллективизм.

Несмотря на многочисленные попытки спасения и возрождения индивидуализма, его время вышло. Коллективизм же, наоборот, достиг сегодня высшей точки своего развития, хотя то здесь, то там наметились уже признаки его застоя. Единственный путь, который теперь возможен, – это восстание личности во имя обеспечения свободного общения с другими.

... Основополагающим фактом человеческого существования не является ни индивид сам по себе, ни коллектив сам по себе. Основополагающий момент человеческого мира – это человек и человек. Особенность человеческого мира надо усматривать именно во взаимоотношениях между одним человеком и другим, в том "нечто", которое невозможно обнаружить более нигде в живом мире. Язык является лишь средством выражения этого "нечто", и все иные проявления культуры всего лишь обусловлены этим "нечто". Благодаря именно этому "нечто" человек и стал человеком. Это "нечто" проявляется в человеке именно тогда, когда он стремится соединиться с другим человеком, причем это слияние происходит в той особой сфере, которая роднит меж собой двух конкретных и разных людей, но которая не затрагивает их индивидуально-самобытного мира. Эту промежуточно-общую, связующую сферу, которая возникает благодаря существованию человека как человека, но которая конкретно все еще непред-

ставима, я называю словом "между". Хотя эту сферу можно осмысливать по-разному, она является начальным принципом человеческой жизни. Здесь и следует искать третью альтернативу.

"Между" — это реальная сфера, территория и опора всего, что происходит между людьми. На разделительной границе между субъектом и объектом, на узкой кромке хребта, где встречаются друг с другом Я и ТЫ, и лежит эта заповедная область "между". Это — реальность, которая начала проявляться именно в наше время, и она указывает путь, пролегающий за пределы индивидуализма и коллективизма. Поэтому она представляет собой важнейший принцип существования грядущих поколений.

Что такое человек?

Изречения

Мы идем к Сиону дорогою Сиона.

Общие воспоминания, — вот что заставляет нас держаться вместе и поддерживать друг друга.

Сион — это больше, чем земля на Ближнем Востоке. Сион — это больше, чем еврейская обитель. Сион — это краеугольный камень мессианического творчества человечества. Это — бесконечная цель еврейского народа.

От вас, от молодежи, будет зависеть быть Палестине центром человечества или всего лишь еврейской Албанией, быть ей избавителем народов или игрушкой в руках государств. Сион не сможет утвердить себя физически до тех пор, пока вы не уготовите ему место в вашей душе.

Старость — вещь неплохая, если, конечно, не знать, чем она является по отношению к началу.

Все, что любой человек творит сейчас и здесь с искренним намерением, все это, будучи связующим звеном с Богом, является не менее значительным и не менее истинным, нежели существование в грядущем мире.

Либерализм и традиционализм являются контрастными начала-

ми, но свобода и традиция таковыми не являются. Традиция истинна и живуча лишь тогда, когда она постоянно самообновляется в свободе. Так же и свобода, – откуда черпать ей горючее, если не из глубин традиции.

Душе не следует хвалиться тем, что она возвышеннее плоти, ибо именно в плоть погружается всякая душа и именно через плоть она может обрести совершенство. С другой стороны, плоть не должна кичиться тем, что поддерживает душу, ибо без души тело попросту разлагается.

Любовь не возможна без того, чтобы человек оставался самим собой.

Пророк призван противостоять царю и даже больше, – истории.

Всякий, кто приписывает нации или общине свойства абсолютности и самодовольства, изменяет религии Израиля.

Тот, кто любит, смыкает между собой Бога и мир.

Тот, кто умеет читать легенду, извлекает из нее больше правды, чем из хроники.

Истинный дух Израиля – это божественный призыв, внедренный в наши сердца. Не возгордиться следует нам из-за него, но подчиниться ему, ибо мы его предали. Мы должны начать теперь с того, чтобы составить о наших душах полный отчет, ничего не утаивая, ни в чем не извращая истину. Нам следует провести полную инвентаризацию наших реальных, а не воображаемых ценностей.

БЕРГСОН: ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЦЕЛЬНОСТИ

Человеческий разум ограничен, предупреждала Библия, но случилось, что в течение веков люди раздули его до масштабов идола, почему и торжество безбожия оказалось неминуемым. Вечные и великие истины, убеждала Библия, зиждятся не на одном только разуме, но также на неосознанном прозрении, на житнетворном откровении; а между тем обожествленный разум отрицал все, на себя не похожее, почему и нынешний мир, опирающийся на разум как на единственное проявление жизни, грозит рухнуть в небытие.

Свою причастность синтетизму еврейского духа французский философ Анри Бергсон (1859—1941) проявил фактически в извечном еврейском призыве к возвращению к цельности библейского мышления, основанного на единстве рассудка и прозрения, на неотделимости познания от самой жизни. Вот почему он так много внимания уделяет тому, что мы за неимением иного слова называем интуицией (прозре-нием) и что по неразумению нашему ставим часто ниже рассудка.

Мудрость как рассудок и прозрение

Наша мысль не способна представить себе действительную природу жизни, глубокий смысл движения. Мысль — только один из видов жизни; как же охватит она всю жизнь? Мысль — только один из этапов эволюционного движения; как же применить ее к движению в целом?

... Линия развития, которая заканчивается в человеке, не является единственной. На расходящихся в другие стороны путях развились иные формы сознания, не сумевшие освободиться от внешних стеснений и не справившиеся с собой, как это сделал человеческий ум, но все же выражающие нечто постоянное и существенное для эволюционного движения. Сблизив те и другие, соединив последние с разумом, мы, может быть, получим сознание, широкое как жизнь и способное на то, чтобы, внезапно оглянувшись на стоящий за ним жизненный порыв, увидеть его целиком, хотя бы на одно мгновение.

Могут возразить, что даже в этом случае мы не превысим пределов нашего разума, ибо именно посредством разума мы и смотрим на другие формы сознания. Это было бы верно, если бы мы были только разумными существами. Но есть силы, дополняющие разум, силы,

которые мы смутно ощущаем, замкнувшись в самом себе. Это значит, что познание неотделимо от жизни.

... Существуют вещи, которые только интеллект способен искать, но которых он сам по себе никогда не найдет. Только инстинкт мог бы найти их, но он никогда не станет искать... Интеллект ясно представляет себе только отдельное и только неподвижность.

... Само будущее ускользает от нас в тот момент, когда мы думаем, что овладеваем им... Мы чувствуем себя свободно только среди отдельных, неподвижных, мертвых вещей. Интеллект характеризуется природным непониманием. Наоборот, инстинкт отличается жизненностью. В то время, как интеллект трактует все вещи механически, инстинкт действует, если можно так выразиться, органически. Если бы мы умели спрашивать его, а он отвечать, — он выдал бы нам самые глубокие тайны жизни. Ибо он только продолжает ту работу, посредством которой жизнь организует материю, так что мы не можем назвать, где кончается организация и где начинается инстинкт. Когда цыпленок ударом клюва разбивает свою скорлупу, он действует по инстинкту, но при этом он следует тому движению, которое происходило в нем в продолжение зародышевой жизни... Невозможно для интеллекта постичь инстинкт. То, что есть в инстинкте существенного, не может выразиться в интеллектуальных терминах и, следовательно, не может быть проанализировано. Инстинкт представляет собой знание на расстоянии. Интуиция, т.е. инстинкт, который не имел бы никакого практического интереса в себе, несомненно напоминает то, что мы называем божественной симпатией.

... Интуиция и интеллект представляют собой два противоположных направления работы сознания. Интуиция идет в направлении самой жизни, интеллект же — в прямо противоположном, и потому вполне естественно, что он оказывается в строгом подчинении не духа, а материи. Для человека, стремящегося вновь растворить интеллект в интуиции, исчезает или смягчается очень много затруднений. Но такая доктрина не просто облегчает нам процесс мышления, но также дает нам новую силу, необходимую для действия и жизни. Наделенные этой силой, мы уже не чувствуем себя одинокими среди людей, и человечество уже не кажется нам одиноким среди подвластной ему природы... Все живые существа держатся друг друга и все подчинены одному и тому же гигантскому порыву. Животное опирается на растение, человек живет благодаря животному, а все человечество во времени и пространстве представляет собою одну огромную армию, движущуюся рядом с каждым из нас; своею тяжестью оно способно преодолеть любое препятствие, в том числе, может быть, и смерть.

Творческая эволюция

Изречения

Все, что можно найти в следствии, можно найти и в причине.

Следовать долгу — значит противиться самому себе.

Сотворение — это прежде всего чувствование. Именно чувство подгоняет разум вперед, несмотря на многие препятствия.

Все мистики без исключения единодушно свидетельствуют, что Господь Бог нуждается в нас.

Религия воспринимает Бога прежде всего как Существо, способное налаживать и поддерживать с нами связь; именно этого и не в силах делать Бог Аристотеля.

Машины наделили нашу плоть такою огромною силой, на которую наш людской род поначалу даже не был рассчитан. Эта плоть, теперь уже значительно более внушительная, требует для себя и более величественной души.

Существуют воспоминания, располагающиеся ниже того подмостка, который освещается юпитерами сознания. Да, я верую, что вся наша былая жизнь сосредоточена именно тут, во всех мельчайших своих деталях, и верую, что мы ничего не забываем.

Нет никакого такого состояния нашего разума, которое не могло бы быть нарушено и переиначено в любое время.

Женщина столь же интеллектуальна, сколь мужчина, но менее эмоциональна.

КЛАЦКИН: ИНТЕЛЛЕКТ КАК ИСКУССТВО

Джейкоб Клацкин (1882-1951) был одним из тех традиционных еврейских интеллектуалов, которых в прежние эпохи называли мудрецами, или хахамим, и которые охотно, глубоко и остроумно рассуждали по всем вопросам жизни. Между тем, будучи эмансипированным евреем, светским публицистом, полиглотом и "гражданином Европы", этот потомок польских раввинов и сионист представляет свой интеллект как произведение искусства, вызывающее бесспорное эстетическое наслаждение. Игра ума по законам искусства обернулась сегодня популярным жанром "интеллектуализма", обретая то облик афористики, то эссеистики, то философской публицистики, то критики, однако, своими корнями этот жанр уходит в ту же Библию, в те ее книги, где знание и ум искали свое выражение в эстетически эффектных интеллектуальных образах.

История как смех

Когда я думаю о грядущих поколениях и воображаю себе – с каким изумлением придется им взирать на всю нашу жизнь и насмехаться над нею, каким издевательским тоном будут они говорить обо всех наших бесконечных войнах и завоеваниях, наших радостях и пытках, – подобно тому как мы сами поражаемся жизни минувших поколений и язвительно ее вышучиваем; когда я думаю обо всем этом, меня начинает тяготить мысль о пустоте и ничтожности нашего бытия. Лишь одна единственная мысль способна меня утешить: те, кто придут после нас, предстанут, в свою очередь, дикарями в сравнении с теми, кто сменит их самих.

Во славу мудрости

Утрата души

Одна из еврейских легенд гласит: чему подобен человеческий зародыш? Он подобен свернутому в утробе свитку, в изголовье которого горит свеча. Этот свиток глядит вперед и способен охватить взором весь наш мир, из края в край. Это – лучшее время: никогда позже

никто не устаивается большей радости. Он – свернутый свиток, и все наше Писание он знает наизусть. Но стоит человеку появиться на свет, – на него налетает один из ангелов, шлепает его по губам и выбивает из памяти весь наш Закон...

Да и позже, после часа рождения, этот сказочный ангел денно и ночью кружит над нами, готовый поминутно шлепать нас по губам и заставить позабыть даже самих себя. Всех нас, людей, постоянно бросает то вперед, то назад; все мы, люди, беспомощно мечемся между припоминанием и забыванием; все мы то и дело теряем собственную душу, а потом снова обретаем ее. Такова природа нашего бесконечного духа.

Там же

Равенство как неравенство

Идеал всеобщего равенства не может служить в качестве самоцели. Он есть лишь средство, которое обеспечивает развитие и углубление неравенства в любой области. Посредством уравнивания материально-экономических условий существования отдельных классов общество обретает возможность и право всячески способствовать развитию – на равных условиях – неравных людских способностей, обусловленных как самою природой, так и духовной структурой личности; причем равные возможности развития исходно неравных талантов могут детерминировать, в конечном счете, утверждение неравенства на всех его мыслимых уровнях и во всех облициях.

Там же

Стандарт негативности

Прежде чем судить ближнего своего за все его прегрешения, вспомните обо всех злодеяниях, на которые способен человек, но которые ближний ваш не совершал. Эту мысль можно бы выразить так: о нравственной ценности отдельных людей следует судить по стандарту негативности; следует иметь в виду то добро или зло, на которые он не способен. Человеческие поступки чаще всего являются следствием случайных, внешних причин, однако деяния, на которые человек не способен, именно и свидетельствуют о его природе и внутреннем мире.

Там же

Никогда не спрашивайте: стоит ли революция жертв? Дает ли она столько, сколько отнимает? Отвечая на такой вопрос, мы должны были бы признать, что никакая революция не может быть оправдана и названа благотворной. Если подходить с позиций нравственных требований, если учитывать баланс сугубо человеческих потерь и приобретений, то ни одна революция, — на что бы она не претендовала, — не вправе требовать у нашей совести разрешения на убийства, грабежи, опустошения и уничтожения всяческих договоров. Никакой завтрашний мир правды и справедливости не может служить оправданием нынешней лжи и нынешней несправедливости. Поэтому нам следовало бы осознать, что всякая революция, если даже она претендует на утверждение позитивных нравственных ценностей, черпает силы и права из совершенно постороннего источника, т.е. из источника, не имеющего никакого отношения к миру нравственных ценностей. Похоже, что оправдание революции следует искать в импульсах не этического, но эстетического содержания: революция — это отрицание безобразного порядка, это восстание прекрасного в человеческой душе против всего, что уродливо в обществе. Революционный пафос раздвигает своей силой границы человеческой морали, заглушает человеческую совесть и не только не препятствует свершению насилия, но даже настоятельно его требует, освящая все, что в нормальной обстановке выглядело бы преступлением. Сами по себе революции свидетельствуют о метафизической природе жизни, ее героической сущности. Они позволяют жизни вырываться время от времени за установленные границы морали, нарушать тысячекратно проверенный баланс между истиной и грехом, смешивать приевшийся рисунок параллельных линий, одна из которых символизирует разрушительные, а другая — созидательные силы, жертву и вознаграждение.

Там же

Наша месть

Если глубоко взглядеться в исторические события, можно легко обнаружить, что наиболее страшные акты мести были выказаны совершенно бессознательно. Подтверждением тому может служить хотя бы история с гейневской местью Германии, столь чуждой и одновременно столь близкой поэту; или, скажем, месть Германа Когена немецкой культуре, которую он сознательно славословил, но бессознательно подрывал. Весомую долю еврейского участия во всех величайших ре-

волюционных переворотах можно объяснять именно этим фактором бессознательного мщения. Создается впечатление, словно за спиной евреев витает некий ангел истории и время от времени наущает: "Мсти, жертвуй собою ради остальных!". Но природа нашей миротворящей мести такова, что она приносит благословение и удачу тому народу, которому мы мстим; это — месть, где жертвой оказывается лишь мстящий. В конце концов, однако, устает и благословения и сам он.

И вот теперь, когда я вижу вокруг так много еврейских мыслителей, которые выказывают поистине недюжинную силу в деле отрицания и сокрушения мира, я говорю себе: "Ликуй и кричи ура! Смотри — так мстит Израиль своему губителю, смотри — вот месть, порождающая блаженство!"

Там же

И з р е ч е н и я

Ненависть связывает крепче любви. Ненавистный нам человек занимает нас дольше, чем любимый. Вот почему, если все мы обязаны проявлять осмотрительность в выборе друзей, гораздо большую осмотрительность следует выказывать при выборе врагов. Тем не менее находить достойных супостатов легче, чем равноценных друзей.

Мыслитель, не способный выразить свои многоценные мысли в простой и доступной форме, должен быть заподозрен сперва в нерасположенности к мышлению, и лишь затем — в нерасположенности к выражению мыслей.

Самое лучшее для любого искусства — простота, и самое худшее — простота поддельная.

По существу, умный не есть мудрый. Да и мудрый не есть умный: и тот, и другой, как правило, наивны. Однако существует особый тип наивного ума, который обитает лишь в роскошных покоях высшей мудрости.

Тому, кто не способен временами презирать себя, не повезло с головой.

Слабоумные легко меняют свои мнения, ибо легко поддаются под чужое влияние, а люди сильного ума легко меняют мнения, ибо властвуют над ними безраздельно.

Мы живем поневоле и поневоле умираем; поневоле творим зло и поневоле же творим добро. Так же поневоле мы и считаем себя добровольными исполнителями чужой воли.

Да будет моим заветом следующее: играй жизнью своей, о смертный! Играй самим собой и своими желаниями. Все, что вверху и все, что внизу да станет для тебя игрой, и да покажутся тебе высоты и глубины забавною шуткой. Поднимись на вершину Разума и усмехнись над нею, рассмейся раскатистым смехом над высотой. А потом, насмеявшись вдоволь, спустись вниз, к жизни.

Жизнь наша — о двух воротах. В одни ворота входит тот, кто преисполнен благоговейного страха перед бытием, кто следует голосу долга и чтит заповеди, кто находит радость в смирении и покорности; вдумчивый и рассудительный, он рвется ввысь и вперед, согнувшись под тяжестью собственной цели. В другие ворота проходит тот, кто не преследует никаких целей, кто стоит выше всяких неистребимых мелочных намерений, кто вывернулся из-под тяжелого ярма Разума, этого прислужника жизни, и освободил себя от сковывающих цепей морали, тот, кто хоть на час восторжествовал над знанием и убедился в его беспомощности; легкий и ничем не обремененный, он игриво скользит по жизни и улыбается. Его я и считаю человеком более значительным. Играй же жизнью, о смертный человек! Ищи опасности: не находя, создавай их сам! Бросайся в самые глубины и наслаждайся страхом! Тот, кто не испытывает великого страха, тот и не живет великою жизнью. Так страшись же и смейся!

АПОКАЛИПСИС КАФКИ

Австрийский писатель Франц Кафка (1883-1924) записал как-то в дневнике: "Что общего у меня с евреями? У меня едва ли есть что-либо общее и с самим собой; я только и способен тихонько, радуясь тому, что дышу, забиться в угол". Сам того не подозревая, он фактически признался в своей органической принадлежности еврейской ментальности, ибо, несмотря на исключительность своей натуры, и вопрос, им себе заданный, и ответ на него — безошибочно характерны для многих еврейских интеллектуалов.

Между тем, сами сочинения Кафки заново раскрывают и другую, более существенную, но редко упоминаемую особенность еврейского духа: его апокалиптичность. Подобно тому, как оптимизм в еврейской традиции всеобъемлющ и извечен, фатальное предвидение вселенского мрака является неотъемлемым моментом еврейского мироощущения; причем только поверхностный взгляд усмотрит тут парадоксальное противоречие. Говорить о противоречии было бы законно лишь в том случае, если б евреи, подобно иным народам, мыслили в образах земной истории, если б будущее они рассматривали всего лишь как продолжение сегодняшнего. Пребывая над историей, они называют будущим не следствие дня нынешнего, но Мессию, Спасение. Небесное Царство и путь к нему идут у них не через такие понятия, как прошлое и настоящее, но через такие, как близость к Богу и всеобщая праведность. Сами по себе эти идеалы наделяют еврейскую душу чувством праздника, самостоятельно значимой энергией оптимизма, но, увы, их утопичность, подтверждаемая каждодневным земным опытом, навеивает апокалиптические видения. Вот почему, говоря о духе Израиля, нет ничего парадоксального в взаимопереплетении в нем непоборимого ощущения праздника и неотвязного предчувствия беды, как нет противоречия в том, что безгранично оптимистическая Библия восклицает словами Исайи: "Земля опечалена, и вселенная изнемогает... От края земли мы слышали пение: "Слава Праведному!" Но я сказал: "Горе мне, горе мне, увы мне! Грабители ограбили, и ограбили грабители для грабежа!... Земля сильно шатается, как пьяный, и качается, как шалаш; и беззаконие ее тяготит ее, и падет, и не встанет больше!" (Исайя, 24:4; 16:19).

Дух Исайи, постоянно присущий еврейскому сознанию, воскрешает и в этих трех притчах Кафки.

Железнодорожные пассажиры

Если поглядеть на нас просто, по-житейски, мы находимся в положении пассажиров, попавших в крушение в длинном железнодорожном туннеле, и притом в таком месте, где уже не видно света начала, а свет конца настолько слаб, что взгляд то и дело ищет его и снова теряет, и даже в существовании начала и конца нельзя быть уверенным. А вокруг себя, то ли от смятения чувств, то ли от их обострения, мы видим одних только чудищ да еще, в зависимости от настроения и от раны, захватывающую или утомительную игру, точно в калейдоскопе.

"Что мне делать?" или "Зачем мне это делать?" – не спрашивают в этих местах.

Прометей

О Прометее существует четыре предания. По первому, он предал богов людям и был за это прикован к скале на Кавказе, а орлы, которых посылали боги, пожирали его печень по мере того, как она росла.

По второму, истерзанный Прометей, спасаясь от орлов, все глубже втискивался в скалу, покуда не слился с ней вовсе.

По третьему, прошли тысячи лет, и об его измене забыли – забыли боги, забыли орлы, забыл он сам.

По четвертому, все устали от такой беспричинности. Боги устали, устали орлы, устало закрылась рана.

Остались необъяснимые скалы... Предание пытается объяснить необъяснимое. Имея своей основой правду, предание поневоле возвращается к необъяснимому.

Коршун

Это был коршун, он долбил мне клювом ноги. Башмаки и чулки он уже изорвал, а теперь клевал голые ноги. Долбил неумоимо, потом несколько раз беспокойно облетел вокруг меня и снова продолжал свою работу. Мимо проходил какой-то господин, он минутку наблюдал, потом спросил, почему я это терплю.

– Я же беззащитен, – отозвался я. – Птица прилетела и начала клевать, я, конечно, старался ее отогнать, пытался даже задушить, но ведь такая тварь очень сильна. Коршун уже хотел наброситься на мое лицо, и я предпочел пожертвовать ногами. Сейчас они почти растерзаны.

– Зачем же вам терпеть эту муку? – сказал господин. – Достаточно одного выстрела – и коршуну конец.

– Только и всего? – спросил я. – Может быть, вы застрелите его?

– Охотно, – ответил господин. – Но мне нужно сходить домой и принести ружье. А вы в состоянии потерпеть еще полчаса?

– Ну, не знаю, – ответил я и постоял несколько мгновений неподвижно, словно оцепенев от боли, потом сказал: – Пожалуйста, сходите. Во всяком случае, надо попытаться...

– Хорошо, – сказал господин, – я потороплюсь.

Во время этого разговора коршун спокойно слушал и смотрел то на меня, то на господина. Тут я увидел, что он все понял; он взлетел, потом резко откинулся назад, чтобы сильнее размахнуться, и, словно метальщик копья, глубоко всадил мне в рот свой клюв. Падая навзничь, я почувствовал, что свободен и что в моей крови, залившей все берега, коршун безвозвратно захлебнулся.

НЕСБЫТОЧНАЯ МЕЧТА БАБЕЛЯ

Пусть "грабят грабители для грабежа", пусть "тяготит землю беззаконие ее" и пришествие Избавителя утопично, еврейский дух требует, однако, бесконечно мечтательного и бесконечного ожидания спасения всего мира. Еще раввин Маймонид, обобщая догматы еврейского духа и заявляя о своей вере в Мессию, добавлял, что хотя Мессия все не приходит, он дожидается Его изо дня в день. Между маймонидовской Испанией 12-го в. и Советской Россией писателя Исаака Бабеля (1894-1941) общего мало, но этих двух людей роднит меж собой их причастность незыблемому во времени и пространстве духу народа, не устающего надеяться и мечтать, пусть и сознавая подчас, что ожидания его несбыточны. Быть может, в этом неповторимом единстве нездешней мечтательности и земной мудрости таится источник вечности еврейского духа, столь безошибочно символизированного Бабелем в образе крохотного и одинокого старика Гедали, который среди разрушений и убийств направляется в синагогу с молитвенником подмышкой и с мечтой о несбыточном Интернационале в душе.

Гедали (рассказ)

В субботние кануны меня томит густая печаль воспоминаний. Когда-то в эти вечера мой дед поглаживал желтой бородой томы Ибн-Эзра. Старуха моя в кружевной наколке ворожила узловатыми пальцами над субботней свечой и сладко рыдала. Детское сердце раскачивалось в эти вечера, как кораблик на заколдованных волнах. О, истлевшие талмуды моего детства! О, густая печаль воспоминаний!..

...И вот мы сидим на бочонках из-под пива. Гедали свертывает и разматывает узкую бороду. Его цилиндр покачивается над нами, как черная башенка. Теплый воздух течет мимо нас. Небо меняет цвета. Нежная кровь льется из опрокинутой бутылки там вверху, и меня обволакивает легкий запах тления.

— Революция — скажем ей да, но разве Субботе мы скажем нет? — так начинает Гедали и обзывает меня шелковыми ремнями своих дымчатых глаз. — Да, кричу я революции, да, кричу я ей, но она прячется от Гедали и высылает вперед одну только стрельбу...

— В закрывшиеся глаза не входит солнце, — отвечаю я старику, —

но мы распорем закрывшиеся глаза...

— Поляк закрыл мне глаза, — шепчет старик чуть слышно, — поляк, злая собака. Он берет еврея и вырывает ему бороду, ах, пес! И вот его бьют, злую собаку. Это замечательно, это — революция. И потом тот, который бил поляка, говорит мне: отдай на учет твой граммофон, Гедали... Я люблю музыку, пани, — отвечаю я революции. — Ты не знаешь, что ты любишь, Гедали, я стрелять в тебя буду, тогда ты это узнаешь, и я не могу не стрелять, потому что я — революция...

— Она не может не стрелять, Гедали, — говорю я старику, — потому что она — революция...

— Но поляк стрелял, мой ласковый пан, потому что он — контрреволюция; вы стреляете потому, что вы — революция. А революция — это же удовольствие. И удовольствие не любит в доме сирот. Хорошие дела делает хороший человек. Революция — это хорошее дело хороших людей. Но хорошие люди не убивают. Значит революцию делают злые люди. Но поляки тоже злые люди. Кто же скажет Гедали, где революция и где контрреволюция? Я учил когда-то Талмуд, я люблю комментарии Раши и книги Маймонида. И еще другие понимающие люди есть в Житомире. И вот мы все, ученые люди, мы падаем на лицо и кричим на-голос: горе нам, где сладкая революция?...

Старик умолк. И мы увидели первую звезду, пробивавшуюся вдоль Млечного пути.

— Заходит суббота, — с важностью произнес Гедали, — евреям надо в синагогу... Пани товарищ, — сказал он, вставая, и цилиндр, как черная башенка, закачался на его голове, — привезите в Житомир немножко хороших людей. Ай, в нашем городе нехватка, ай, нехватка! Привезите добрых людей, и мы отдадим им все граммофоны. Мы не невежды. Интернационал — мы знаем, что такое Интернационал. И я хочу Интернационала добрых людей, я хочу, чтобы каждую душу взяли на учет и дали бы ей паек по первой категории. Вот, душа, кушай, пожалуйста, имей от жизни свое удовольствие. Интернационал, пани товарищ, это вы не знаете, с чем его кушают...

— Его кушают с порохом, — ответил я старику, — и приправляют лучшей кровью...

И вот она взошла на свое кресло из синей тьмы, юная Суббота.

— Гедали, — говорю я, — сегодня пятница, и уже настал вечер. Где можно достать еврейский коржик, еврейский стакан чаю и немножко этого отставного Бога в стакане чаю?...

— Нету, — отвечает мне Гедали, навешивая замок на свою коробочку — нету. Есть рядом харчевня, и хорошие люди торговали в ней, но там уже не кушают, там плачут...

Он застегнул свой зеленый сюртук на три костяные пуговицы. Он

обмахал себя петушиными перьями, поплескал водицы на мягкие ладони, и удалился – крохотный, одинокий, мечтательный, в черном цилиндре, и с большим молитвенником подмышкой.

Заходит Суббота. Гедали – основатель несбыточного Интернационала – ушел в синагогу молиться.

ЗИНГЕР О НЕИСПОВЕДИМОСТИ

Пожалуй, именно еврейский дух и призван доказывать старую догадку, что пути человеческие неисповедимы, и душа наша непознаваема. Дальнейшее отношение к этой истине определяется вкусом: одни страшатся ее и строят невеселые прогнозы, другие усматривают в ней источник жизнотворной жажды существования и беспредельного познания. Еврейская традиция относится к человеку как к таинственному чуду, как к созданию, воля которого, проявляющаяся в чувствах, мыслях и поступках, не обусловлена ничем и никем, даже Богом. Бог — собеседник людей, которые "могут стать как боги", хотя и эфемерны, "как исчезающий сон". Родившийся в семье польского раввина, американский писатель Исаак Башвис Зингер (1904) сумел лучше, чем кто-либо иной в современную эпоху выявить отношение еврейской традиции к загадочности человеческой души, утверждающей жизнь самим фактом своей неисповедимости.

Каббалист с Ист Бродвея (рассказ)

Каждый раз при входе в кафетерий на Ист Бродвее я видел человека, которого буду звать тут Джоел Яблонер, — старого еврейского писателя-каббалиста. Он издал книги о Святом Исааке Лурия, Рабби Моше из Кордовы, Баал Шем Тове и Рабби Нахмане из Брацлава. Яблонер перевел на идиш какую-то часть Зохара, но писал он и на иврите. По моим подсчетам ему было за семьдесят — длинный и сухой старик с болезненным и морщинистым лицом, впалыми щеками, острым носом и начисто лысой головой. Глаза его навывкате были янтарного цвета, и носил он всегда потрепанный костюм, натянутый на незастегнутую рубашку, обнажавшую грудь с седыми волосами. Яблонер никогда не был женат. В юности он страдал чахоткой, и доктора прописали ему санаторий в Колорадо. Рассказывали, что кто-то заставил его съесть свинину, из-за чего он будто бы впал в пожизненную меланхолию. Голос его мне удавалось слышать редко: всякий раз, здороваясь, он едва заметно кивал мне головой и тотчас же отводил глаза. Жил он на несколько долларов в неделю, которые жаловал ему Союз писателей на идиш, и в квартире его на Брум Стрит не было ни ванной, ни телефо-

на, ни отопления. Ел он один только хлеб с фруктами или овощами, и в кафетерии заказывал всегда чашку черного кофе и порцию сухих черносливов. Он мог сидеть часами, уставясь на вертящуюся дверь рядом с кассой или на стену с выцветшим изображением нью-йоркского квартала.

Председатель писательского союза сказал мне как-то, что хотя все местные друзья и почитатели Джоела Яблонера давно уже умерли, у него все еще оставались родственники и ученики где-то в Израиле. Они звали его к себе, обещали издать его рукописи, которых у него была уйма, приискать ему квартиру и вообще всячески опекать. Рассказывая об этом, председатель никак не мог взять в толк — отчего это Яблонер сидит здесь на Ист Бродвее, одинокий и забытый, тем более, что писательскую пенсию ему можно было бы легко переводить и в Израиль. К тому же здесь, в Нью-Йорке, его уже несколько раз грабили и однажды даже выбили передние зубы. Айзерман, дантист, переводивший на идиш шекспировские сонеты, сказал мне, что предложил однажды Яблонеру поставить протез, но тот отказался: "От фальшивых зубов до таких же мозгов — шаг".

— Прекрасный старик, но малость чокнут, — сказал Айзерман. — Впрочем, быть может, он пытается искупить свои грехи таким вот странным путем. Говорят, будто за ним водятся какие-то любовные грешки.

— За кем? За Яблонером?

— Я был знаком лично с одной из его женщин, Деброй Солтис, учительницей иврита, безумно в него влюбленной. Она была моей пациенткой.

И Айзерман рассказал мне забавный случай. Джоел Яблонер виделся с Деброй Солтис постоянно в течение двадцати лет. При встречах они бесконечно говорили о еврейской литературе, о сложнейших вопросах грамматики, о Маймониде и Рабби Иегуде Галеви, но так ни разу и не дошло у них до поцелуя. Самая интимная сцена произошла у них, когда однажды они искали вдвоем редкое слово в большом словаре Бен-Яхуда, и головы их невзначай коснулись друг друга. Яблонер замер и сказал игривым голосом:

— Дебра, давай-ка обменяемся очками.

— К чему это? — спросила она.

— Просто так. На минуточку.

Влюбленные обменялись очками, но ни он не мог ничего разглядеть сквозь ее стекла, ни она — сквозь его. Каждый тотчас же вернул себе свои очки — и на этом самый откровенный эпизод в их взаимной истории завершился.

Прошло время, и, перестав посещать Ист Бродвей, я совершенно

забыл о Яблонере. Не подозревая, что он все еще жив, я вхожу как-то в гостиную одного из тель-авивских отелей и вижу... да, его, — Джоела Яблонера. Стоя на небольшом помосте в углу гостиничного холла, он произносил речь, и ему аплодировали. На нем был шерстяной костюм, белая рубашка, шелковая ермолка; лицо, обрамленное седой стриженной бородкой, выглядело свежим, розовым и молодым, а во рту искрились крупные зубы. Я присел на стул и стал слушать.

Яблонер говорил не на современном иврите, но на священном языке Библии, причем говорил с ашкеназийским акцентом. Каждый раз, когда он жестикულიровал, в глаза мне бросались блестящие запонки на рукавах его безупречно чистой рубашки. Говорил он напевным тоном, словно зачитывал талмудическое сказание: "Если Бесконечный заполнил собой все пространство и, по словам Зохара, все нацезено Им, — как же тогда Он сотворил вселенную? Рабби Хаим Витал отвечает так: "До Сотворения все атрибуты Всевышнего были представлены не в действии, а в потенции. Может ли кто-нибудь быть царем без всего, над чем царствует, и можно ли представить себе благодать без того, кто ее воспринимает?"

Яблонер растирал бородку, не отрывая глаз от своих заметок, и время от времени отпивал глоток из стакана чая. Среди слушателей было немало женщин и даже девушек; некоторые из них что-то постоянно записывали. Странно, но я заметил и какую-то монахиню: она, должно быть, хорошо понимала иврит. "Джоел Яблонер воскрес-таки в еврейском государстве", — сказал я себе, наслаждаясь тем редким счастьем, которое испытываешь при виде чужого успеха, ибо в моих глазах триумф Яблонера символизировал неустребимость еврейства. Десятки лет влачил он одинокую жизнь отверженного, а теперь был воплощением самого достоинства. После доклада последовали вопросы. Невежливо, но у этого грустного старика оказалось чувство юмора. Из его ответов мне стало ясно, что лекция была организована комитетом по публикации всех его рукописей...

В перерыве перед банкетом в его честь Джоел Яблонер вышел на террасу отеля глотнуть свежего воздуха. День выдался душным, и теперь, к вечеру, спасительно подуло с моря. Я решился подойти к нему и сказать:

— Вы, конечно, вряд ли меня помните, но я вас знаю.

— Знаю и я вас, прекрасно знаю, и читаю все, что вы пишете, — ответил он. — Даже здесь я стараюсь не пропускать ваши рассказы.

— Правда? Это большая для меня честь.

— Присядьте, пожалуйста, — указал он на стул.

Бог мой, этот молчун оказался теперь необычайно словоохотлив, задавая мне бесконечные вопросы об Америке, Ист Бродвее, литера-

туре на идиш и многом другом. Во время нашей беседы к нам подступила крупноголовая и широкоскулая женщина с фигурой цыганки, с тюрбаном поверх седых волос, в шелковой накидке и в мужских башмаках с низкими и широкими каблуками. Черные ее глаза горели сердитым блеском, и вблизи можно было рассмотреть ростки бороды на лице. Строгим мужским голосом она сказала мне:

— Адони, мой муж только что закончил важную и длинную речь, и ему еще предстоит выступить на банкете. Я бы хотела, чтобы он чуть отдохнул...

— Конечно, извините меня.

Яблонер нахмурился:

— Абигайль, этот человек — еврейский писатель и мой друг.

— Пусть так, но тебе надо отдохнуть. Если ты к тому же начнешь с ним о чем-нибудь спорить, то на банкете тебе придется просто хрипеть.

— Абигайль, мы с ним ни о чем не спорим.

— Адони, пожалуйста, не слушайте его, — обернулась она ко мне, — он никогда о себе не заботится.

— Ладно, мы поговорим позже, — сказал я ему. — У вас действительно чуткая жена.

— Да, говорят.

— Всякий раз, когда я встречал вас в кафетерии, меня так и подмывало спросить — почему вы не едете в Израиль. Скажите же хотя бы теперь — что вас так долго держало?

Он закрыл глаза и молчал, словно бы вопрос требовал долгих размышлений. Наконец, произнес:

— Никто на свете не живет согласно разуму.

Прошло еще несколько лет. Однажды зимним днем в канун субботы мне пришлось по делам редакции очутиться на Ист Бродвее, куда теперь я заглядывал крайне редко: все кругом становилось иным; но хотя старый квартал не был уже еврейским, тут и там стояли еще синагоги и иешивы. Изредка сновали хасиды в меховых шапках, и мне слышались слова моего отца: "Всевышний всюду держит свой кворум"; а в памяти моей всплыли напевы и молитвы из субботней службы. Спешить мне было некуда, и прежде чем спуститься в метро, я решил выпить кофе. Толкая вертящуюся дверь кафетерия, я попытался представить себе, что ничего вокруг не изменилось и я снова смогу слышать голоса, знакомые по начальным годам моей жизни в Америке, увидеть старый кафетерий, забитый интеллектуалами Старого Света, громогласно разглагольствующими о сионизме и еврейском социализме, о жизни и культуре в Америке. Но лица, которые я увидел в

кафетерии, были мне незнакомы. Кругом говорили по-испански, и стена с рисунком нью-йоркской улицы была закрашена. И тут внезапно я увидел нечто такое, чему бы никогда не поверил. За столиком посередине зала сидел Джоел Яблонер, — без бороды, в потрепанном костюме и расстегнутой рубашке. Морщинистое его лицо казалось вконец изможденным и провалившимся, и во рту не было зубов. Его разбухшие глаза уставились в противоположную от меня стену. Не обознался ли я? — подумалось мне поначалу, однако, нет, — то был он, Яблонер. В выражении его глаз застыло отчаяние человека, застигнутого вопросом, от которого нет спасения. С чашкой кофе в руке я стоял, как вкопанный, не зная — что мне делать: подойти ли к нему, поздороваться и попросить разрешения присесть?

Кто-то толкнул меня, кофе пролилось вниз, и ложечка со звоном упала на пол. Яблонер обернулся в мою сторону, и на мгновение наши глаза встретились. Я кивнул головой, но он не ответил и отвел глаза. Да, он узнал меня, но ему было не до разговоров, и мне почудилось, будто он покачал головой в знак отказа. Я присел за столик у стены и допил свой кофе, исподволь не спуская с него глаз. Почему он уехал из Израиля? Скучал ли он по чему-нибудь здесь, в Нью-Йорке? Не скрывается ли он тут от кого-нибудь? У меня было неодолимое желание подойти к нему и заговорить, но я этого так и не сделал, убежденный, что от него мне не добиться никакого ответа. Некая сила, более властная, нежели человек и рассудок, вызволила его из Рая в Ад, думал я. Субботний канун, а он даже не идет молиться, враждебный не только к людям, но и к самой Субботе. Закончив кофе, я вышел из кафетерия.

Через несколько недель я прочел в газете, что Джоел Яблонер умер, и его похоронили где-то в Бруклине. В ту ночь я не смог уснуть до трех утра: почему он вернулся? Может быть, искупить до конца грехи своей юности? Есть ли с точки зрения Каббалы какое-нибудь объяснение его возвращению? Быть может, из Мира Эманации несколько искорок залетело случайно в царство Злого Духа? И правда ли, что эти искорки были обнаружены именно тут, в кафетерии на Ист Бродвее, и именно тут им суждено было возвратиться назад, к своим святым истокам? Пришла мне в голову и другая мысль: а что, если ему хотелось лежать в земле рядом с учительницей, которой он одолжил как-то очки? И тут я вспомнил последние слова, слышанные от него: "Никто на свете не живет согласно разуму".

АШ О БОГОБОРСТВЕ

Хотя Бог есть безоговорочный Судья, суд его не произволен: он обусловлен самим человеком, его помыслами и поступками. При всей уязвимости, человек, согласно еврейскому духу, — не подсудимый, а собеседник Бога, причем собеседник смелый, как был смел богоборец Яков... Между тем предложенная Библией гармония человека с Богом оказалась в истории разрушена. Церковь превратила Бога-собеседника в гигантского Идола и низвела человека до крохотных размеров безгласного червя. Униженный и оскорбленный, человек не мог не восстать против Идола, против Бога, — так начался атеизм, который с каждым часом, по мере развития науки и техники, набирал новые гордые доказательства человеческой силы. Униженность обернулась скоро надменностью, как надменна была Вавилонская башня, возведенная в знак дерзкого вызова Богу, но тотчас же Им поваленная. Теперь уже библейская гармония оказалась нарушенной с другого конца, и месть человека Богу обернулась крахом самого человека, ибо посягательство на Бога рано или поздно не могло не оказаться посягательством на Его принципы человеколюбия.

Евреи, породившие первых на земле богоборцев, оказались в числе первых, кто осознал, что любовь к человеку — не людская, но Божья мудрость: любовь к Богу ведет к более бескорыстной любви к человеку, нежели братство людей, объединенных ненавистью к Судье. Первая борьба с Богом закончилась тем, что Яков наконец узрел Его, хотя и заплатил за свою бессознательную надменность поврежденным бедром. Шолом Аш (1880-1957), еврейский писатель и философ, родившийся в Восточной Европе и закончивший свою жизнь в Америке, был одним из тех современных интеллектуалов, кто прошел в своей жизни путь от вдохновленного человеколюбием богоборства к постижению истинно человеколюбивой веры в Бога.

Пороки атеизма

Брачный союз между атеизмом и человеколюбием оказался краткосрочной иллюзией, легкой связью, преходящим увлечением. Этот союз оказался лишь нехитрой затеей, направленной на то, чтобы все обездоленные и жалкие мира сего обрели громкое признание и широ-

кие права. Как только эта цель была достигнута, союз оказался расторгнут: завладев правительственным дворцом, атеизм тотчас же изгнал из него человека.

Между тем, никто не вправе упрекать или обвинять атеизм в предательстве. Разве когда-нибудь или где-нибудь он обязывал себя служить Господу? Атеизм — сам себе бог, и представления о добре и зле он подчиняет собственным стандартам. Можно ли, однако, все это считать основанием для яростной атаки на гуманизм, для атаки на учение, центральным звеном которого является не Бог, а человек? Я не сумел бы свалить наземь древо гуманизма, пока не срублю ветвь, за которую цепляюсь, пока не уничтожу правосудие, которое порождено гуманизмом. Я весьма далек от того, чтобы ржавые цепи физического и духовного рабства заново смазывать теперь религиозным маслом и обновлять оковы, предназначенные для наших же рук и ног. Что бы стало со мною нынче, если б не было этих гуманистов? Что бы стало со всеми нами, евреями, если б не эмансипация, утвержденная освободительными движениями гуманистов? Где бы мы теперь оказались, если б не было таких освободителей, как Рехлин, как Руссо, как даже Вольтер? Это они, именно они, гуманисты, боролись на стороне Господа Бога, когда Церковь занесла над Ним руку. Именно они высветили и превознесли лучший принцип веры, — свободного человека, — тогда как Церковь презрительно его отвергла.

Разве не каждому ясно, что подобные гуманисты со всем присущим им неуважением к Богу и к верховной власти были — как бы мало того сами не создавали — движимы соображениями высшей нравственности, принципами высшего добра, выдвинутыми когда-то религией, а именно — любовью человека к ближнему? Нет, не рассудок вдохновлял этих идеалистов на борьбу и мученичество во имя гуманистических принципов, но та неодолимая страсть к справедливости, которая воспитана верой и внедрена в самые глубины человеческой природы. Единственное, чего не доставало этим гуманистам, — осознания этого факта. С самого начала они расположили человека в эпицентре всего сущего и подняли его на высоту, которая еще раз позволила ему нащупать в самом себе то лучшее, что обеспечивает непостижимую связь между ним и божеством. Этот апафеоз был осквернен позже голосами рационалистов, узревших гуманность в элементарном сборище личинок и мух; сверхъестественная ценность человека была сгублена в т.н. хлебно-трудовом девизе, в этом конечном выражении марксистского учения.

Однако по мере того, как все ярче разгорался огонь созидательной страсти, зарождавшейся в сокровенных глубинах религии, в душе человеческой нарастали импульсы, вскармливающие страшное и враждебное человеку чудовище. Скулы на лицах известного рода ученых монис-

тической эпохи выворачивались в грозную гримасу, когда этим мужам удавалось убеждать, что человек представляет собой не самоценное существо, но лишь высокоразвитое животное.

Торжество материалистического мировоззрения и связанное с ним падение личности знаменуют конец атеистического периода. Человеческая месть Богу обернулась уничтожением человеческой личности. Сегодня все те, кто несет ответственность за плачевные результаты бурного атеистического периода, могут ясно увидеть, что человечеству, утратившему свою единственную привилегию, связанную с понятием личности, оставили единственную возможность: уподобиться бесформенному скопищу селедок.

Плеть способна заставить людей согнуть в труде спину, но она не в силах побудить их к духовному созиданию. Если защитники материализма желают предстать созидателями, они обязаны вернуться к принципу, который успели уже решительно и безоговорочно отвергнуть, — к принципу индивидуальной неповторимости человека. Я бы назвал этот принцип условием духовного созидания.

Во что я верую

Мое кредо

Каждому из нас дано следовать по пятам Амоса, каждому из нас дано оторваться от своего стада и стать пророком во Израиле. В полном согласии с еврейской доктриной я верую в демократичность Бога: каждому из нас дано стать Моисеем.

Продолжая эту мысль, я выражаю глубочайшую убежденность также в том, что демократический принцип — как в вопросах веры, так и в повседневной жизни — является особым Божьим даром человеку и проявлением особого к нему благоволения, что, в свою очередь, служит лучшим свидетельством избранности человека среди всех прочих созданий. Этот принцип теснейшими узами связан с верой и ни в коем случае не может быть отторжен от понятия Бога. Избранные Богом, все мы оказались Его детьми. "Вы есть сыны Господа Бога", — каждый из нас есть Его сын, — все мы, а не отдельные избранные.

Там же

ФРОММ ОБ ИСКУССТВЕ ЛЮБИТЬ

Один из главных принципов этики Израиля сводится к завету любить ближнего как самого себя. Даже когда Бог воспринимался евреями именно как Страшный Судья, человек мог задобрить Его любовью к... себе подобному. Принцип любви, утвержденный Пророками, стал краеугольным камнем в программе апостолов, и с тех пор наряду с идеей единобожия обусловил существование общего иудео-христианского мышления, т.е. движения, которое, невзирая на бесконечное ему сопротивление изнутри и извне, остается на нынешний день лучшим шансом сплочения цивилизованного мира.

Потомок франкфуртского раввина, американский философ и психоаналитик Эрих Фромм (1900-1980), признанный одним из влиятельнейших мудрецов последнего времени, оказался восхитительно "старомодным" для того, чтобы в эпоху разрушения и цинизма заново, с позиций важнейших открытий человеческого интеллекта, осмыслить "идеологию любви", как она заявлена в Ветхом Завете, — самой, по его словам, волнующей из всех книг. Искусство любить, писал Фромм, — ценнейшее из искусств, поскольку открывает человеку путь к свободе, т.е. к цели существования. Ниже — выдержки из его книги "Искусство любить".

Что такое любовь

Любовь — это единение одного человека с другим при условии сохранения их самобытности. Именно любовь демонстрирует тот парадокс, что два человеческих существа, сливаясь воедино и растворяясь друг в друге, остаются тем не менее двумя отдельными существами.

Любовь — это действие, не покой; активность, а не восприятие. Любовь — это давать, а не брать.

Что же такое — давать? Существует заблуждение, что давать — значит уступать или жертвовать. Человек, взращенный в духе рынка, если и готов отдать, то отдает только взамен. Отдать, но не получить взамен — значит для него оказаться надутым. Каждый, кто не производит, усматривает в отдаче источник обнищания, почему, собственно, подобные люди и отказываются давать. Другие называют истинной отдачей пожертвование. Они считают, что поскольку отдаешь обычно неохотно, т.е. поскольку отдавание связано со страданием, постольку оно полез-

но для души, нуждающейся в очищении. Тезис, будто лучше отдавать, чем принимать, значит для них, что лучше испытывать лишение, чем избыток, лучше страдать, чем наслаждаться.

Между тем, для человека творческого, созидającego, отдавание имеет иное значение. В самом акте отдавания я ощущаю и осознаю собственную силу, благополучие и власть. Это ощущение могущества наполняет меня радостью: мне кажется, будто силы мои неограниченны, и я способен бесконтрольно их расточать. Отдавание радует меня больше, чем получение, и происходит так, конечно, не потому, что отдавать — это терять, но потому, что отдавание есть подтверждение моей жизнеспособности.

Что же один человек отдает другому? По существу, он отдает себя; он отдает другому из того, что представляется ему наиболее ценным, — жизнь. Это отнюдь не значит, что он жертвует собой ради другого; это значит лишь, что он отдает из того, что в нем утверждает жизнь, — чувства, знания, переживания. Он отдает отнюдь не для того, чтобы получить взамен: отдавание является утонченнейшим наслаждением. Однако наслаждение, испытываемое дающим, не может быть истинным и полным, если сам акт отдавания не возбуждает в другом человеке жизненных сил, если он не вызывает наслаждения и в нем. Давать — значит сделать дающим также и того, кто принимает. Давать — значит испытывать совместное наслаждение. В сфере любви это означает следующее: любовь есть сила, порождающая любовь, тогда как импотенция есть неспособность творить любовь. Не только, однако, в сфере любви отдавать значит также и получать. Учитель не только учит, но и учится у учеников. Актер черпает силы у своих зрителей. Врач-психолог лечится у своего пациента.

Кроме отдавания об активном характере любви свидетельствует так же и то, что во всех своих формах любовь непременно зиждется на таких элементах, как забота, ответственность, уважение и знание.

Любовь есть действенная забота по обеспечению жизни и развития предмета нашей любви. Там, где нет этой действенной заботы, нет и любви. Это составное начало любви описано еще в книге Ионы. Господь повелел ему отправиться в Ниневию, дабы предупредить местных жителей об уготовляемом им наказании, если те не перестанут ходить путями зла и порока. Иона, однако, не выполняет Господнего наказа, опасаясь, что ниневийцы действительно покаются и будут прощены Всевышним. Иона — это типический образец человека с безупречным чувством закона и порядка, но начисто лишенного способности любить. И вот этот человек, которому недостает любви и сочувствия к людям, убоится во чрево кита, что как бы символизирует библейскую идею о необходимости изоляции подобных людей. Между тем, Бог вызволяет

Иону из беды, и, выбравшись снова на белый свет, тот, теперь уже никуда не сворачивая, направляется в Ниневию. Он проповедует местным жителям именно в том духе, в котором наставил его Господь, хотя по-прежнему не желает того, чтобы те вняли его словам и обрели прощение. Ниневийцы, однако, раскаялись в грехах, посыпали головы пеплом и решили перестать грешить. Господь Бог прощает. Иона глубоко разочарован и расстроен: он желал справедливого суда и дождался-таки его неподалеку от города, в тени ветвистой клещевицы, которую Господь взрастил для него в одну ночь с тем, чтобы он укрылся от палящего солнца и "избавился от скорби своей". Но вот когда "на второй день, при наступлении зари, устроил Бог так, что червь подточил клещевицу, и она засохла", когда "солнце стало палить голову Ионы, и он стал изнемогать и стал просить себе смерти, и сказал: лучше мне умереть, нежели жить" (Иона, 4:7-8), Бог ответил Ионе такими словами: "Ты жалеешь клещевицу, над которой не трудился и которую не взращивал; жалеешь клещевицу, что в одну ночь выросла и в одну же ночь пропала. Но ужели Мне не пожалеть Ниневии, града великого, в котором более ста двадцати тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой, и в котором при этом множество скота?" (Там же, 4:10-11). Эти слова следует понимать символически. Бог объясняет Ионе, что сущность любви заключается в заботе, в трудах, направленных на "взрачивание" или воспитание существа; что любовь и труд, любовь и забота — неразделимы. Человек любит то, о чем заботится; человек заботится о том, что любит.

Заботливость связана с другим аспектом любви — ответственностью. Сегодня под ответственностью понимают исполнение долга, чего-то такого, что предложено, навязано или внушено человеку извне. По существу, однако, ответственность есть добровольное состояние души. Ответственность — это моя готовность откликнуться на нужду и запросы другого существа. Быть ответственным — испытывать готовность ответить. Иона не ощущал ответственности перед жителями Ниневии, и, подобно Каину, вполне мог сказать: "Разве я сторож брату моему?" Любящий же отвечает. Жизнь брата есть для него дело не одного только брата...

Ответственность выражается во властолюбии, если она не сопряжена с уважением. Уважение — это не то же, что страх или благоговение; оно предполагает способность воспринимать человека каков он есть. В свою очередь, невозможно уважать человека без того, чтобы его знать.

Существует несколько типов знания. Знание как любовь является таким знанием, которое рождается, когда я обретаю способность возвыситься над своими интересами, над заботами о самом себе и взглянуть на другое человеческое существо с точки зрения его собственных

представлений. Знание, однако, соотносится с любовью и более существенно. Потребность слияния с другим человеком во имя преодоления собственной отчужденности имеет непосредственное отношение к извечному стремлению познать "тайну человека". Существует некий удручающий способ постижения этой "тайны": наша абсолютная власть над человеком. В своем крайнем выражении этот способ постижения человеческой "тайны" оборачивается садизмом, желанием и возможностью причинить страдание живому существу, пытать его и в жестоких муках вырывать у него эту "тайну". Именно в этом стремлении к постижению человеческой "тайны", не только чужой, но и нашей собственной, заключается причина людского жестокосердия и вкуса к разрушению. Очень лаконично выражено это в одном из рассказов Исаака Бабеля, точнее, в словах одного из его героев, красного офицера, решившего казнить своего бывшего барина: "Я стрелять в него не стал... Я час его топтал или более часу, и за это время я жизнь сполна узнал. Стрельбой — я так выскажу, — от человека только отделаться можно, стрельба — это ему помилование, а себе гнусная легкость, стрельбой до души не дойдешь, где она у человека есть и как она показывается. Но я, бывает, себя не щаю, я, бывает, врага час топчу или более часу, мне желательно жизнь узнать, какая она у нас есть..." К этому способу познания довольно часто и откровенно прибегают дети. Ребенок, как правило, стремится разобрать любую вещь на отдельные части, даже ломает ее, лишь бы только понять как она сделана; он пытается даже разобрать на части животное, если может... Жестокость обусловлена чем-то более глубинным, чем это порою кажется; она обусловлена раскрыть тайну отдельной вещи мироздания и всей нашей жизни.

Другим способом проникновения в "тайну" является любовь. Любовь — это деятельное постижение иного существа, такое познание, при котором жажда познания человека утоляется слиянием с ним. В этом процессе слияния я познаю тебя, себя, каждого. Садизм вызван желанием вывести тайну, но тем не менее он оставляет ее нераскрытой. Я разделяю существо на части, вырываю у него один орган за другим, и все-таки единственное, что мне удастся с ним сделать, — разрушить его и погубить. Что же касается любви, она представляет собой тот единственный способ познания, который, благодаря самому слиянию с человеческим существом, отвечает моим истинным потребностям. В любви, в самоотдаче я открываю и нахожу себя, а вместе с собой — другую личность. Я познаю человека.

...До сих пор я рассуждал о любви как о преодолении одиночества и стремлении к единению. Однако над всеобъемлющей потребностью к единению возвышается более специфическая, биологическая, ее разно-

видность: стремление к взаимосмещению и слиянию мужского и женского начал. Свое наиболее рельефное выражение эта идея нашла в том мифологическом предании, что мужчина и женщина были первоначально единым существом, и что сразу же после их рассечения каждый мужчина бродит в поисках утерянной женской половины своего существа, дабы снова слиться с ней и обрести начальную цельность. Смысл мифа очевиден. Поляризация полов подталкивает каждого человека искать единения с противоположным полом. В то же время эта полярность мужского и женского начал представлена в каждом отдельном мужчине и в каждой отдельной женщине. Аналогично тому как физиологически мужчина и женщина располагают гормонами противоположного пола, они двуполы и в отношении психологическом. Эта полярность есть по существу основа, на которой зиждится всякое творчество, всякое созидание.

Объекты любви

Любовь есть прежде всего не отношение к другому человеку, но наша собственная настроенность, — такая, которая определяет наше отношение не к конкретному "объекту" любви, но ко всему мирозданию в целом. Если, скажем, тот или иной человек любит лишь кого-нибудь одного, но полностью безразличен к остальным своим друзьям, его любовь — не любовь, но всего лишь привязанность, своеобразный эгоизм. В представлении большинства рождение любви обусловлено конкретным объектом, но не определенным личностным даром. Больше того, сплошь и рядом считают, что лучшим подтверждением силы этого чувства служит безразличие ко всем и ко всему за исключением "предмета любви". Великое заблуждение! Человек, не сознающий того, что любовь есть всеобъемлющая духовная активность, уверен, будто единственное, чего следует доискиваться, — безошибочного объекта любви: все остальное, дескать, придет потом само собой. Он напоминает чудака, который, решив стать художником, приступает не к изучению искусства рисования, но к поискам достойного объекта, не сомневаясь в том, будто удачно выбранный объект приведет его к совершенству в рисовании. Если я истинно люблю кого-нибудь, я люблю не только его, я люблю весь мир, я люблю жизнь. Если я вправе сказать кому-нибудь: "Я люблю тебя", я должен быть готов сказать ему и другое: "Я люблю в тебе каждого человека, я люблю через тебя весь наш мир, я люблю в тебе также и себя".

В зависимости от объекта любви существуют, тем не менее, разные ее типы. Фундаментальной разновидностью этого чувства, вбирающей в себя все известные типы любви, является любовь братская. Под этой любовью я подразумеваю чувство ответственности перед любым

иным человеком, заботливость и уважение к нему, стремление узнать его и понять, желание продлить его земное бытие. Братская любовь — это любовь, которую и имеет в виду Библия, заветная каждому любить ближнего как самого себя.

Материнская любовь есть безоговорочная деятельность, которая имеет целью утвердить существование младенца и удовлетворить его запросы. Дело, однако, в том, что забота по утверждению самой жизни ребенка может быть осмыслена двояко. Во-первых, она может быть понята как готовность делать все необходимое для развития ребенка. Но она может быть истолкована и шире. Материнская любовь — это особое отношение, внушающее младенцу чувство любви к самой жизни, к самому своему бытию, это отношение, сообщающее младенцу ощущение того, что хорошо быть живым. Сущность этих обоих типов материнской любви раскрывается в библейском повествовании о сотворении жизни. Бог сотворил мир и человека. Иными словами, Бог позаботился сперва всего лишь о самом существовании мира и человека. Но Бог не ограничился этим. Сотворив природу и человека в ней, Он в каждый день творения приговаривает: "Это хорошо!". Материнская любовь, понятая в этом втором, более высоком плане, заставляет младенца ощутить: это хорошо, что я был сотворен! Любовь внушает ему не только желание оставаться живым, но возбуждает в нем любовь к самой жизни.

Любовь к Богу столь же разнообразна, как и любовь к человеку; в любви этой столько же аспектов, сколько в любви к человеку, и характеризуется она фактически теми же отдельными чертами. Любовь человека к Богу невозможно отделить от его любви к родителям. Если, скажем, тот или иной человек не выламывается за намеченную кровью черту привязанности к собственной матери, клану, нации, если он остается по-детски зависимым от карающего и вознаграждающего отца или другого символа власти, то тем самым он выражает максимально зрелую и совершенную любовь к Богу; религия этого человека восходит к той ранней форме религиозного отношения к миру, когда Бог переживался в качестве всепокровительствующей матери или карающе-вознаграждающего отца.

В нынешней религии мы встречаем все известные фазы ее исторического развития — от наиболее ранних и примитивных до наиболее изощренных и современных. Словом "Бог" определяют сегодня и племенного божка и Абсолютное Ничто. Аналогично этому каждый отдельный человек вынашивает в себе все известные формы представления о Боге, начиная с того образа Бога, который складывается в душе младенца. Весь вопрос заключается в том, до какого уровня постижения Бога этот отдельный человек поднимается.

НОВЫЕ МУДРЕЦЫ О МУДРОСТИ ВЕРЫ

Не исключено, что будущие историки назовут нынешний век не только веком разрушения прежних ценностей, как это часто делают современники, но также началом "тшувы", возвращения к ним. Возвращения после затяжного периода цинизма, который, познав всему цену, так ничему ее и не придал. Разрушение фактически началось с того, что иудаизм был объявлен другими религиями отжившим свой век и обреченным на гибель. Утвердив стандарты сомнения и неприятия, эти религии сами себя обрекли на недоверие и отчуждение; то же самое случилось и с теми идеологиями, которые наживали капитал на отрицании, скажем, христианства. Непаром если еще недавно говорили о гибели Бога, теперь так настойчиво и громко говорят о кризисе безбожия. Нынешний день, исполненный замешательства, напоминает, быть может, эпоху языческого разгула бесчисленных идолов, замешавшихся между людьми и так смущавших им души. Удивительно ли поэтому, если наиболее беспокойные из новых еврейских мудрецов так страстно надеются, что, как однажды встарь, еврейская вера со всеми ее откровениями способна еще раз встряхнуть задымленный наркотиками дух человечества, как это было обещано еще в Библии. Если же этой вере, считают они, окажется не под силу навязать заключенную в ней правду в с е м у миру, — что ж, в этом случае через заботу о ней только и может придти спасение хотя бы тем же "жестоковым" е в р е я м; и будет, как сказано, — "Израиль живет безопасно, один" (Второзаконие, 34:28).

Это настроение и владело, очевидно, теми еврейскими богословами современности, души которых чудом увернулись от теперь уже "разбитого молота всей земли", и которые, презрев цинизм и отчаяние, зовут свой народ возвратиться к Богу.

* * *

Лев Шестов, или **Леон Шварцман** (1866—1938), — русский теолог, один из основателей экзистенциализма, учения, наиболее близкого еврейскому духу, поскольку интеллектуальные проблемы рассматриваются в нем не отвлеченно, но, подобно Библии, непременно в контексте реального существования, в контексте таких понятий, как жизнь и

смерть и таких состояний души, как вера и неверие. Если в прошлом столетии Моше Гесс в книге "Рим и Иерусалим" противопоставил веру в Бога как еврейское открытие — грубой физической силе, символизированной образом канувшей в небытие римской империи, — то Шестов называет свой главный труд "Афины и Иерусалим", теперь уже сравнивая веру с отвлеченным любомудрием древних Афин, с принципом науки, этого питающегося сомнениями идола современности.

Вера и наука

Бог говорит Аврааму: "Покинь страну твою, друзей твоих и отцовский дом, покинь и иди в землю, которую я укажу тебе"; и Авраам повинуетсЯ и идет в путь, "не зная, куда направляется". Далее в Писании сказано, что Авраам поверил Богу, и Бог засчитал ему это в благочестие. Так и сказано в Библии, но здравый смысл судит совершенно иначе. Всякий, кто отправляется в путь, не зная куда идет, есть человек слабый и легкомысленный, и вера, ни на чем не основанная, никак не может быть воспринята как благочестие. (Вера, кстати говоря, ни на чем не может быть основана, ибо сама она стремится быть основой.) Тот же принцип, ясно и благообразно сформулированный и возведенный на уровень метода, господствует и в науке, порожденной здравым смыслом. По существу, наука остается наукой лишь до тех пор, пока она не признает веры и пока она требует от человека ясного представления о том, что он делает и куда направляется.

Верующий пробирается вперед, не оглядываясь по сторонам и не задаваясь вопросом, куда же он идет, т.е. не рассчитывая свой путь. Ученый не сделает и шага, не оглянувшись, и страшится сдвинуться с места. Он желает знать наперед, куда он придет. Так какой же из этих двух методов ведет нас к "истине"? Вокруг этого вопроса можно спорить, однако, вне сомнения, что только лишь тот способен прийти в обетованный край, кто, подобно Аврааму, решается выступить в путь, не зная куда идет. И если наша мысль и желает достичь обетованной земли, ей следует принять метод Авраама, а не Сократа, и учить людей двигаться вперед при любых обстоятельствах и безо всяких сомнений, без заглядывания в будущее и даже без представления о том, куда они идут.

Возможно ли, однако, что подобная философия обернется философией будущего? Или же это скорее философия давнего и навсегда утерянного прошлого, философия древних и благословенных мужей, которые, по определению Платона, были лучше нас и пребывали ближе к Богу?

Афины и Иерусалим

Гейне вспоминает, как он в детстве потешался над своим учителем французского. Когда, например, тот просил его сказать по-немецки *le foi*, Гейне говорил: "доверие". Да и сегодня немало серьезных людей безо всякого намерения потешиться и со всей откровенностью отождествляют веру с доверием. Им действительно кажется, что вера есть ничто иное как знание, с одной лишь единственной разницей: тот, кто верует, принимает доказательства в кредит на условии, что эти доказательства будут предоставлены в свое время позже. Невозможно убедить кого-либо, что сущность веры в ее наиболее восхитительном и таинственном проявлении заключается именно в том, что она не испытывает никакой нужды в доказательствах, что она живет "за пределами" доказательств.

Там же

Мне представляется, что в интересах з н а н и я нам следует жертвовать, причем с готовностью, пониманием, ибо понимание в любом случае по значению своему отнюдь не первостепенно.

Все вещи возможны

Самуэл Гуго Бергман (1883 — 1915) — израильский богослов, веривший в нравственное возрождение еврейства и утверждавший, что жизнь человека наиболее полно проявляет себя именно в вере в Бога: человек жив постольку, поскольку в нем живет вера.

Вера и разум

Борьба между верой и разумом, убежденностью и знанием ведется издавна, и каждое поколение воспринимает ее на свой лад. Современному человеку уже трудно понять даже то, что же именно означает вера, не говоря уж о том, чтобы ею жить. Главная помеха заключается тут, конечно, в том, что величественное чувство веры может появиться лишь после того, как человек научится с л у ш а т ь. Недаром ведь основной пароль иудаизма начинается со слова ШЕМАХ, "Слушай!" "Слушай, Израиль, Господь есть наш Бог, и Господь един!" Нынешний человек разучился слушать. Ему недостает того мира и затишья, среди которого негромкий голос веры только и можно услышать. Вера означает, что в какой-то степени Сверхъестественная Сила замещает наше собственное "я" и направляет наши действия, а это требует всег-

да успокоенности и умиротворенности нашего духа и восприимчивости человека к поступающим сверху импульсам.

... Вера не есть некое дополняющее разум средство для добывания истин. На библейском языке веру называют словом "эмуна", которое означает состояние особой благорасположенности, существующее между человеком и Богом. Верующий видит Бога и знает, что рука Его протянута к нему; он знает, что Избавитель его существует, и он не нуждается ни в каких доказательствах этого живущего в его душе знания.

Вера живет не ровно, а как бы рывками. Она составлена из ограниченного количества отдельных глубоких переживаний, и все пространство между вспышками этих переживаний заполнено так называемым здравым смыслом. Невозможно постигнуть Библию без хотя бы мало-мальски религиозного опыта, который, собственно, упорядочивается позже самой Библией.

Наука и разум безличностны и составляют общее достояние людей, тогда как вера есть великий личный опыт, и как таковая она принадлежит всегда отдельному человеку. Тем не менее нет никакого противоречия между наукой и верой, несмотря на то, что их пути диаметрально противоположны; их неприязнь друг к другу основана часто на смешении двух типов истин. Там, где Библия говорит об истине, она имеет в виду не застывшую истину науки, но истину как действие, как историю.

Вера опирается на чудеса, наука же их не признает. Верующий не нуждается в чудесах хотя бы потому, что он не нуждается в доказательствах своей веры. Не верующий, но неверующий – вот кто требует чудес, ибо верующий знает, что в с е на свете есть чудо, точнее, что все на свете имеет особый смысл. Еврейский молитвенник содержит такое признание: "Ты, Господи, творишь чудеса каждодневно!" Сам порядок мироздания, само существование природных законов являются величайшими чудесами. Для верующего все составляет чудо, для ученого – ничего, т.е. для него ничто не выпадает из-под власти закона. Тем не менее чудеса не перестают от этого быть чудесами. Не Бога, но мир, вот что изучает наука, однако, мир этот создан Богом.

Мордехай Каплан (1881 – 1983) – американский теолог и один из основателей так называемого реконструктивизма, движения, направленного на модернизацию религии: Тора есть не свод канонов и не книга, а образ жизни.

Что есть вера?

Нынешний кризис человеческих взаимоотношений приводит многих к тоске по религиозной вере. Люди глубоко разочарованы в материалистическом подходе к жизни, и их надежда на то, что научный контроль над природными богатствами сможет разрешить все проблемы существования, разбита вдребезги. В то же время они хотели бы верить, что ужасы и дикости современности не есть еще провозвестники фатального конца и что свет будущего рассеет нынешний мрак, как ночной кошмар. Вот почему люди всячески приветствовали бы такое религиозное объяснение жизни, которое убедило бы их в нескрушимости духовных ценностей...

Вера в Бога не может быть достигнута одним лишь путем рассуждений о Нем. Любые рассудочные аргументы мечутся обычно в пределах заколдованного круга. Люди должны обрести веру посредством явственного ощущения Божьей силы в деле придания смысла собственной жизни. Рассудок никогда не сможет заменить собою этого ощущения, и человек приходит к вере в Бога именно через это ощущение, а не рассуждения. Встает, однако, вопрос чрезвычайной для современника важности: какого же оно рода, это ощущение?

Религиозная вера, как об этом свидетельствует судьба Авраама, не есть лишь вера в Бога и в те духовные ценности, на которых она основана, но есть такая разновидность веры, которая противостоит любым испытаниям, любым жертвам и страданиям... Всякий раз, когда во имя идеала мы мужественно встречаем опасность, мы тем самым испытываем внутри себя триумф жизни над небытием, то особое ощущение, которое лучше всего свидетельствует о существовании Бога. Те, кто борются со злом, вряд ли хорошо знакомы с чувством пессимизма и цинизма. Старые раввинические комментарии к судьбе Авраама полны намеков на то, что настойчивость веры, невзирая на нередкие страдания и поражения, укрепляет нашу убежденность в ее истинности.

О вере

Норман Лэм (1927 —) — американский раввин и, в отличие от Каплана, приверженец ортодоксальной традиции в иудаизме, что делает его призыв к испытанию веры сомнением более знаменательным для определения особенностей многопланового еврейского духа.

Мы стоим перед проблемой: как укреплять нашу веру в этом мире, объятom неотвязными сомнениями? Как добиться, чтобы столкновение традиционной веры с современной мыслью не привело к утрате ни нашей способности мыслить, ни нашего своеобразия? Можно ли достичь, чтобы будучи честным в философии и науке, мы оставались религиозно неколебимы? Что делать, чтобы диалог между двумя обжитыми нами мирами привел к обновлению наших убеждений и к укреплению веры?

Сам по себе тревожный, этот вопрос вдвойне волнителен для ортодоксального еврея, который ощущает свою причастность не просто к абстрактной вере в Бога, но к определенному образу жизни, к конкретной культуре, традиции, народу. Вера не исчерпывает всего, в чем нуждается еврей, хотя без нее все остальное представляет смертельную опасность. Понятно поэтому, что сомнения вселяют в душу традиционного еврея благоговейный ужас, а их существование требует от него беспримерной ответственности.

Эта проблема зиждится на двух предпосылках. Первая – характер нашей эпохи: нынешний век есть век не религии или неограниченной ереси, но век замешательства. Однако замешательство это вызвано отнюдь не невежеством; вряд ли это и замешательство людей, погрязших в тривиальностях; это – скорее замешательство поколения, испытавшего беспримерные страдания и принужденного к фундаментальным интеллектуальным переоценкам ценностей. Для многих наших современников Бог – пустое понятие, вокруг которого не осталось уже никаких вопросов. Для других же, – и их так же немало, – все еще жива в о л я к в е р е; в о л я, но не способность. Это – люди просвещенные и участливые, но сомневающиеся в ценности и необходимости организованной религиозной жизни.

Как же иудаизм относился прежде к голосу сомнения, обнаруженному, как известно, задолго до нынешнего дня: "Не верьте себе до минуты кончины", наставляли древние раввины, отдавая дань силе религиозного сомнения. Существует два традиционных подхода к этому факту: первый – это непосредственная вера, сознательно избегающая всяких сомнений, – подход, характеризовавший большинство евреев в тяжкие дни лихолетья... Быть может, наиболее горячим сторонником такой веры следует признать Рабби Нахмана из Брацлава. Однако стоит перечитать его писания или познакомиться с историей его жизни, чтобы понять сколь необычайно сложным был этот человек, постоянно мучимый сомнениями и неустанно боровшийся с собой для того, чтобы в конце концов подняться до уровня того

блаженного типа безотносительной веры, который он так страстно утверждал.

Еврейским религиозным лидерам вряд ли поэтому стоит опасаться сомнений и вопрошательства. Напротив, если учесть, что в среде наших еврейских интеллектуалов царствует духовный вакуум, нам следует ликовать при каждой новой встрече с любым вопросом и любым сомнением. Там, где мы встречаем вопросы, пусть даже недружелюбные, именно там иудаизм и обретает шанс на победу.

Вера и сомнение

Абрам Исаак Кук (1864 – 1935) — палестинский раввин, ученый-талмудист, поэт, философ и мистик, призывавший воспринимать веру в Бога как истинный земной праздник.

О молитве

Вера — песня жизни, и горе тому, кто лишает себя ее величественной поэзии. Вся огромная масса земной прозы обретает значение лишь когда она зиждется на восприимчивости к поэзии бытия...

В душе каждого еврея скрывается чудотворная жизненная сила, причащающая его к своему народу, и вся история этого народа легко воскресает в его существе.

Молитва есть совершенная необходимость как для нас, евреев, так и для всего мира; кроме того она есть самая таинственная разновидность земной радости. При молитве из нашей души накатываются на берег сознания бесконечные волны сокровенных чаяний. При молитве мы желаем себе и всему миру того совершенства, которое с точки зрения земного бытия недостижимо. Отчаиваясь и негодуя, мы встаем порой против нашего же разума и против самого Создателя, но прежде чем раковая болезнь нашего духа пустила бы глубокие метастазы, мы прибегаем к молитве, при которой оглашаем наши тайные помыслы и приобщаемся к царству совершенства. Именно так наш внутренний мир становится безупречно праведным, и наша душа наполняется умиротворяющим восторгом.

О молитве

ДРЕВНИЙ ДУХ НОВЫХ МОЛИТВ

Молитва — жанр сугубо еврейский, ибо представляет собой ту часть начатого евреями диалога с Богом, которая предоставлена произнести человеку. Обращенная к Богу, всякий раз она является также и закодированным выражением ощущений и мыслей, которыми человек делится с себе подобным в поисках того единения с ним, которое уберегло бы его от одиночества перед природой и людьми. В этом смысле трудно переоценить значение молитвы для евреев, наиболее одинокого из народов земли и поэтому наиболее одержимого чувством единения.

Между тем, будучи первооткрывателями законов нравственности, евреи воспринимали молитву не только как поиски "встретения с Богом", не только как обращенную к Нему петицию, или даже адресованную брату призыв к единству, но еще и как проповедь, обращенную к самим себе. Вот почему новые молитвы, сказанные либеральным еврейством новой эпохи, молитвы, сказанные новым слогом той частью еврейства, которая отошла от традиционного иудаизма столь далеко, что изъела из своей программы даже ожидание Мессии, — вот почему эти молитвы по-прежнему зиждятся на том же духе универсализма, человеколюбия и справедливости, который уже давным-давно заявил себя как дух безошибочно еврейский.

Слушай, Израиль!

Братья! Обратимся мыслями к нашему прошлому, к общему нашему наследию, наследию сынов Израиля. Чуждым были мы племенем все эти годы, загадочным для людей и непонятным. Из века в век, да, — из века в век мы бродили по всей земле, и из века в век длился наш Исход из бесконечного Египта вдоль по днищу бескрайнего Красного моря. Мы видели как гибнут великие империи, и видели как проваливаются во мрак могущественные народы. Неисчислимые армии маршировали мимо нас в блеске славы и великолепия; с царями и жрецами, с тиранами и князьками шествовали они мимо нас в непомерной своей гордыне. Никого из них теперь уже не видно, — сорвались они с пути, пали и погибли на обочине.

Но мы, евреи, мы все еще шествуем. Упорно и настойчиво отбиваемся мы от посягательств вечности и человечества, и на каждом шагу

нам приходится биться с врагами, которым нет конца и которые не устают наступать.

О да пребудет смысл в нашей выносливости, и истина в нашей стойкости! Да не придет конец нашей постоянности, и да будет ей вечная жизнь! Да будет нам дано прожить наши жизни как евреи и, да будет дано нам это именно с тем, чтобы сохранить наше наследие и поддерживать огонь, разоженный Пророками. Да устоим мы, подобно нашим отцам, против враждебных толп, сокрушая их безрассудство и их угрозы! Дух чудотворной неумности да окрасит наши мечтания, а страсть к святой ереси да задаст тон нашим помыслам! Да бушует в груди нашей, как в груди наших предков, душа мятежная и бунтарская, дабы ныне и во веки веков все мы оставались светочем для тех, кто спотыкается во мраке.

И уповая на это, воскликнем слова, которые восклицал наш народ, когда тысячи идолов подминали под собой все человечество:

Слушай, Израиль, Господь — вот наш Бог, и Он Един!

Молитва о Божьем предводительстве

Бог могучий и милостивый, Ты призвал Израиль служить Тебе и удостоил его утверждать Твою правду среди народов земли. Дай же нам силу следовать Твоему велению со страстью, основанной на мудрости и на почтении к вере других народов. Да будет так, чтобы наша жизнь укрепила силу нашей преданности истинам, возвещаемым нами. Да будет так, чтобы наша щедрость к соседям нашим, наша верность обету нашему, наше сочувствие всякому страданию и наша стойкость перед любым судом убедили всех, что Тот, закону Которого мы повинуемся, есть воистину Бог любой добродетели и Отец всех людей; что служить Ему — обрести лучшую из свобод, а поклоняться Ему — истинная радость.

О Господи, открой нам глаза, дабы открылась нам вся правда, дабы сумели мы принять ее с истинным ликованием, — откуда бы она не светила нам: из свитков ли древних откровений или из прозрений нынешнего времени; ибо Ты, Господи, наделяешь Твоим светом каждое поколение сынов Твоих, которые жаждут Тебя и ищут Твоего предводительства.

Молитвы о братстве

О Господи, хотя каждый из нас заботится о милости лишь к одному себе, в Твоем присутствии мы возвышаемся и вырастаем из жал-

ких помыслов о себе. Мы стыдимся нашей ничтожности и начинаем сознавать, что присягать Тебе в верности имеем право лишь в той мере, в какой любим братьев своих.

Молитва о свободе

О Боже свободы, дети Твои все еще стонут под бременем жестоких надсмотрщиков. Рабство поганыт им плоть и рассудок, лишает их наслаждения внимать Тебе. Страх перед жестокосердием и опасность гибели отравляют людям души. Разорви же цепи, сковавшие им руки, вразуми людей, что, готовя цепи для других, они выковывают их для себя; и научи их, что пока кто-нибудь связан по рукам и ногам, никто не свободен. Помоги им узреть, что свобода есть истинный дух жизни и что истина, достаток и мир могут расцвести лишь в условиях свободы. Дай нам мужество беречь унаследованную свободу пуще любых иных благ и сторожить ее не только для себя, но и для других, дабы все вокруг жили вместе и безопасно и никто никого не мог утратить.

Страстно молимся мы за утверждение вселенской весны, за наступление весны в жизни всего человечества, когда навсегда сгинет долгая зима нетерпимости и ненависти, когда наконец полностью воплотится наяву видение Пророков, и каждому откроется величие царства Твоего. Амен!

Общинная молитва

Боже наш и Боже отцов наших, в этот день мы стоим перед Тобою как единая община Израильская. Мы объявили всему миру, что посланы Тобою учить людей справедливости, великодушию, братству и покою, но, увы, даже в собственном нашем доме не исчезли пока ни жалкие предрассудки, ни классовая вражда, ни зависть, ни борьба за наживу и мирские почести. Не осознали еще люди, что Ты есть Отец всем нам, и потому никто не вправе быть вероломным к своему брату. Вымаливая у Тебя мир для всей земли, мы, увы, не смогли утвердить его нигде, даже среди Израиля.

Мы объявили всему свету, как объявляет законодатель и пророк, что все мы — Твое достояние, избранный народ, Твой прислужник, которого Ты наделил Твоим духом, но, увы, всегда ли стояли мы на высоте нашего священного призвания? Да, мы пренебрегали нашим наследием и заставляли его служить нашей гордыне. Наши святыне клятвы мы раскурили как жертвенный фимиам нашему тщеславию.

И потом: несправедность мира сего и бесконечная его нелюбовь к Израилю заставляли нас защищаться так упорно, что наши думы о защите не оставили нам сил испытывать нашу готовность доискаться истины. Нет, не сумели мы постичь природу наших страданий, и приро-

ду нашей греховности мы искали в деяниях наших гонителей. Нет, не хватало нам той силы духа, которою обладали наши славные предки; пусть мы сталкивались с несправедливой ненавистью, нам не хватало смелости бить себя в грудь и вопить о том, что грешили и мы, преступали и мы...

О Господи, поторопи же день, когда сгинет всякое зло и не станет больше пороков. Побуди нас обращаться по правде со всеми народами и с любыми учениями; дай нам силы основать на земле царство Твое, дабы исчезла среди людей ненависть, дабы стены гордыни и предрассудков дрогнули и пали, а война, это оружие людской ненависти, была позабыта на вечные веки.

Траурная молитва

Вы, оплакивающие потерю любимых, да будете вы утешены тою надеждой, что хоть прах возвращается в землю, где ему и положено быть, дух возвращается к Богу, Который его и дал. Смерть не есть конец. Все дорогие нашему сердцу люди именно через могильные ворота проникли в спокойствие жизни, которой не бывает конца. Знаем, что всем нам придется пройти тою же тропой, хотя не знаем часа своего. Так будем же жить так, чтобы встретить его без страха. Пусть поступки наши освятят память любимых людей, которых Ты, Господи, прибрал к Себе. И в неколебимой вере в мудрость Твою и в Твое великодушие мы воздаем хвалу Твоему имени.

Молитва для стариков

Жизнь моя на исходе, и длинная тень, ею отброшенная, чернеет укоризненными пятнами моих грехов и заблуждений. Господи, предаю себя Твоему суду и Твоему великодушию.

Надели ясностью взор мой, чтобы узреть одним разом всю мою жизнь — от юных лет до старых, — и чтобы утешиться тем, что лучшее — впереди. В минуты сомнения и отчаяния, когда, подобно Патриарху нашему, я начинаю считать прожитые дни и все они кажутся мне горькими; когда неспособность плоти принуждает меня сказываться мудрецом, в эти тяжелые минуты, о Господи, помоги мне осознать те особые благости, которые таят в себе лишь зрелые годы и которые несет с собой один только опыт стариков.

О Боже, как бы не состарился я, не лишай меня юношеского духа. Дозволь мне не расстаться с тем чувством удивления, которое охватывает меня при созерцании Твоего творения. Да не убудет во мне никогда сила привязанности к Тебе, сила, которая только и может укреплять мне душу.

О, как я жажду яснее различать истину, которую не способны постичь юные. Укрепи во мне веру, что зло, жестокость и несправедливость не смогут восторжествовать вовек, но праведности, чистоте и истине суждена вечность. И пусть нетленная ценность земного существования укрепит меня в бескрайнем моем уповании на потустороннее.

О Боже, не дай мне страшиться! Пусть силы мои убывают, душа моя обретает свободу и очищается, амен!

Молитва для юношей

О Создатель, видения будущих дней наполняют мне сердце радостью, но искушения и сомнения расшатывают мою волю.

Господи, я нуждаюсь в Тебе!

Утверди меня в освящении жизни моей. Нет, не раскатать тропу прошу я Тебя и не расчистить ее от искушений и сомнений, но молю Тебя дать мне силы верить, что жизнь свою я сумею сделать такою, какую желаю! Дай мне понять, что пока Ты со мной, торжество духа моего неотвратимо. О, дай мне познать радость нравственного торжества!

О, Бог мой! Жизнь брезжит предо мною своими красками, такими неведомыми, такими страшными и такими захватывающими! Я чувствую себя ничтожным и крохотным, и страх сковывает мне душу. Я не умею найти себя в этом сонмище вещей и в безмерном пространстве вокруг. Дела мои представляются мне ненужными, а жизнь моя — бессмысленной. Дай же мне ощутить, что усилия мои кажутся Тебе ценными. Укрепи во мне сознание моей ответственности перед друзьями, перед возлюбленными и перед Тобою. Дай мне силы очистить природу свою, дабы жизнь моя могла оказаться благодеянием, амен!

Молитва о мире

Ниспошли нам мир, драгоценнейший дар Твой, о Ты, Праведный Источник Мира, и вдохнови Израиль быть посланником мира для всех народов земли. Благослови нашу страну, дабы она всегда могла быть оплотом мира и его защитником в синагоге наций. Пусть царит довольство в пределах страны нашей, здоровье и счастье в ее домах. Укрепи узы дружбы и товарищества среди обитателей нашего края. Вдохни истину в каждую душу и сделай так, чтобы любовь к имени Твоему освятила каждый дом и каждое сердце. Да будешь благословен Ты, Господи, Ниспосылающий Мир!

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ЛИКИ ИУДАИЗМА

ВВЕДЕНИЕ

Иудаизм — религия уникальная. Бог, согласно евреям, незрим и непостижим, и поэтому религия евреев — не теологическая, а земная религия: учение о человеке и его отношениях с миром. Между тем, иудаизм отнюдь не является единственной на земле земной, нетеологической, религией: вспомним буддизм, конфуцианство, таоизм. Что же в этом случае сообщает иудаизму уникальность?

Дело в том, что евреи утверждают, что они — не как все народы; они — народ "избранный Богом". Конечно, многие народы "догадываются" о своей уникальности, однако только евреи освятили и возвели эту "догадку" в религиозный принцип. Как религия, иудаизм обещал себе неповторимость парадоксально простым образом: он свел себя к рамкам конкретной нации, и свою судьбу обусловил судьбой этой нации. С исчезновением еврейства исчез бы бесследно и иудаизм. Стало быть, иудаизм — религия националистическая, точно так же, как евреи — нация, превратившая

APPENDIX 1

FACETS OF JUDAISM

INTRODUCTION

Judaism is a unique religion. God, according to the Jews, can neither be seen nor comprehended. This makes the Jewish religion not theological but temporal. Judaism is a teaching about human beings and their relationship to the world. Judaism, however, is not the only non-theological, earthly religion in this world. We can mention Buddhism, Confucianism, Taoism. What, then, makes Judaism unique?

The fact is that Jews assert that they are unlike all other people; they are God's "chosen people". Of course, many other people did and do feel that they, too, were and are unique but only the Jews, indeed, have sanctified this feeling and made it a religious principle. As a religion, Judaism ensured its uniqueness in a surprisingly simple way: it reduced itself to the bounds of one particular nation, and predicated its own fate on the fate of that nation. If Jewry vanished, then Judaism would also disappear without a trace. It would seem that Judaism is a nationalistic religion just as the Jews are a nation

себя в... религиозный идол. Что же из этого следует?

Если остановиться на этом, то вывод, который из этого следует, пусть и звучит логично, но лжив. Из сказанного "легко получить", что религия евреев скандально эгоистична. Именно к этому выводу охотно и беспрепятственно приходили всегда юдофобы, рекрутируемые из ревностных "патриотов" любого иного народа или культуры. Именно этот вывод и определял то характерное отношение к еврейству, которое смыкается с презрением плебей к самозванному аристократу, т.е. с тем особым насмешливо-злорадным чувством, что подсказало римскому патриоту Пилату начертать над головой распинаемого "самозванца" Христа слова, комические с точки зрения торжествующего победу варвара: "Царь Иудейский".

Между тем, подобно тому, как самозванство Христа обусловлено не его пренебрежением ко всем тем, кто не есть "царь иудейский", но его убежденностью в своей особой миссии, — иудаизм усматривает смысл "избранничества" Израиля в необычайном назначении евреев, а именно — в их "боговнушенной" страсти к объединению мира. "От Сиона выйдет Закон, и Слово Господне — из Иерусалима!" (Исайя, 2:3).

transformed into a religious idol.

At this point, we could reach a conclusion which, no matter how logical it might sound, is nothing but a deception. Given all the above, one could easily conclude that the Jewish religion is a terribly egoistical one. This is what Judeophobes have always concluded willingly and easily, Judeophobes recruited from among the "ardent patriots" of any other people or culture. It is just this conclusion which is characteristic of that distinctive attitude toward Jewry which can be compared to plebian scorn for a self-proclaimed noble, that is, with this particular scornfully gloating feeling, a feeling which prompted a Roman "patriot", Pontius Pilate, to inscribe above the head of the crucified "impostor" Christ, the words, "The King of the Jews", words which looked comical to the barbarian celebrating his victory.

Meanwhile, just as Christ's self-proclaimed role was prompted not by his disdain for those who were not "the Kings of the Jews", but rather by his belief in his special mission, Judaism perceives the meaning of Israel's "chosenness" in the unusual task given to the Jews, namely, a "God inspired" passion for unifying the world. "For from Jerusalem shall go forth the Law and the word of the Lord". (Isaiah, 2:3).

Да, иудаизм — националистическая религия, требующая от идолоборца-еврея пасть ниц перед Сионом и Иерусалимом, но делает она это именно и только для того, чтобы освятить "высшей святостью" доверенные Израилу Закон и Слово Господне: Адонай Элоэну Адонай Эхад, наш Бог — Бог единства.

Итак, (1) иудаизм обособляет и освящает Израиль, ибо (2) Израиль призван проповедовать универсализм, с утверждением которого (3) наступит царство Мессии, т.е. между людьми воцарится мир, а человек обретет бессмертие. Таковы три главных принципа иудаизма, каждый из которых четко соотносится с самой природою человека: 1. с врожденным человеческим стремлением к самоутверждению, или разумным эгоизмом; 2. с неизбывным стремлением к слиянию с другими людьми, или жаждой любви; 3. с всепроникающим стремлением к преодолению смерти, или страхом конца.

Будучи учением, обусловленным землей, иудаизм изменчив в той же мере, в какой изменчивы условия земного бытия. Конечно, основные принципы этого бытия постоянны, как неизменны и три определяющих иудаизм идеи, но каждый новый расклад земных условий оборачивается соответствующей динамикой иудаизма. Если эта динамика не нарушает гармоничес-

Indeed, Judaism is a nationalistic religion which demands that the idol-resisting Jews bow before Zion and Jerusalem; but it does so only to sanctify with "the highest sanctity" the Law given to Israel, the word of the Lord: Adonai Eloenu Adonai Ekhad, or one can say, our God is the God of unity.

Therefore, 1) Judaism isolates and sanctifies Israel because 2) Israel is called upon to preach universality, with the advent of which, 3) there will be established the kingdom of the Messiah, that is, there will be peace among men, and man shall obtain immortality. These are the three fundamental principles of Judaism, and each of them is clearly related to the innate nature of man with such basics of human nature as 1) striving for self-assertion (reasonable egotism); 2) unceasing longing for unity with other people (thirst for love); 3) and all-encompassing yearning for overcoming death (fear of mortality).

Since it is a temporal teaching, Judaism is as variable as the conditions of human existence. Of course, the basic principles of the human condition are as immutable as the three fundamental ideas that shape Judaism; but any rearrangement of the conditions of earthly life causes a comparable change in the dynamics of Judaism. If the dynamics do not break the harmonious interrelation between

кой взаимосвязи трех названных принципов, то первый, "избранничество", обусловлен всегда жаждой универсализма. Еврей был первым и единственным, кто проповедовал миру идею единности этого мира. Однако всякий настаивающий на "избранничестве" человек рискует оказаться в изоляции и, отчаявшись в самой цели своего "избранничества", закончить ощущением собственного изгойства. Одиночество всегда грозит обернуться шовинистическим упоением собственной персоной или мазохистическим пренебрежением к ней. История иудаизма, как история самого Израиля, знает немало подобных превращений, но в целом присущее ему чувство равновесия обеспечивает еврейской религии неуклонное движение к универсальным формам. И если нынешний, т.н. "светский" еврей в минуту религиозного порыва повторяет в своей молитве те же принципы, которым присягал его давний предок, то навряд ли он ощущает необходимость, как предписывали его прадеды, благодарить Бога, скажем, за то, что Тот не породил его... женщиной. Скорее всего он нашепчет слова из тех молитв, которые мы называли в этой книге "новыми", т.е. выразившими дух новейшего, либерального, еврейства.

Этой новейшей форме иудаизма предшествуют другие: ортодоксальная и консервативная.

the three above-mentioned principles, than the first principle, or that of "chosenness", is always determined by the thirst for universalism. The Jew was the first and only one who preached to the world the idea of the unity of this world.

However, he who insists on his uniqueness runs to the risk of becoming isolated; and then, after despairing of the very purpose of his being a "chosed one", may end up feeling alienated. Solitude always threatens to provoke either the chauvinistic flush of one's own self-esteem, or the masochistic disregard of it. Indeed, in the history of Judaism, as well as in the history of Israel itself, there are a number of cases of just such a transmutation; but on the whole, the sense of balance so characteristic of Israel guarantees its religion a steady movement toward universal forms. And if today's "secular" Jew, in moments of religious ecstasy, repeats during a prayer the very same ideas to which his ancient forefathers had sworn allegiance, he hardly feels the urge to thank God for, say, not having been born a woman, something that had been prescribed by those same forefathers. It is more likely that he will whisper the words of those very prayers which we have defined in this book as the "new prayers"; that is the prayers which express the spirit of liberal Jewry.

ПРЕДПИСАНИЯ ОРТОДОКСАЛИСТОВ

Если даже считать, что ортодоксальный иудаизм изжил уже себя как начальная форма еврейской религии, это не значит, будто среди верующих евреев ортодоксалистов сегодня меньше, чем либералов. По мнению первых, особенность иудаизма заключается в том, что он сильнее времени; застой является-де тут выражением жизнестойкости, и обрядовая форма ортодоксального иудаизма предельно содержательна. Отсюда, считают они, все его стародавние предписания обладают священным и сокровенным смыслом.

Ниже, однако, представлены те из них, которые выказывают свою живучесть прежде всего благодаря своей способности вписываться в любую эпоху. Предписания эти отобраны нами из знаменитого кодекса ортодоксального иудаизма, составленного иберийским раввином 16-го в. Иосифом Каро и названного им "Шулхан Арух" — "Накрытый стол".

Общие предписания

Каждому предписывается любить людей тою любовью, какою он любит себя, и эту свою любовь он должен объяснять предположением о добропорядочности и благочестивости возлюбленных им людей.

Каждый обязан любить пришельцев и странников, и заботиться о сиротах и вдовах, даже если те состоятельны. Всякий, кто досаждают им, оскорбляет их и печалит, всякий, кто пытается взять над ними верх или даже сгубить их, — преступает Закон. Следует помнить, что сироты остаются сиротами до тех пор, пока перестают нуждаться в посторонней помощи и обретают возможность самостоятельного существования. Преступившим Закон считается также тот, кто роняет камень преткновения на дорогу, по которой идет человек, не познавший пока добра и правды.

Вот еще наиболее общие правила морали. Нельзя говорить о людях ничего, кроме хорошего. Нельзя произносить или выслушивать праздных слов, если того не требуют какие-нибудь особые соображения. В доме учебы непозволительно обсуждать житейские вопросы. Учиться следует у каждого, так же, как каждая истина — кто бы ее не изрек — должна быть услышана и принята.

Следует проявлять особую осторожность, дабы не нанести ущерба

благосостоянию ближнего, и особую осмотрительность, дабы не нарушить покоя и мира; не забывать о дне смерти и постоянно помнить о своем земном назначении.

Люди отличаются друг от друга характерами: один жизнерадостен и счастлив, другой угрюм и печален; один добродушен, другой жестокосерд; один хвастлив и ненасытен, другой скромнен и непритязателен; один ищет всюду выгоды, другой празден и не заботится даже о пропитании. Так же обстоит дело и с этическими принципами людей. Правильным было бы придерживаться золотой середины и не допускать себя к крайностям.

Но если, скажем, человек обладает какой-нибудь дурной привычкой, которая вгоняет его в одну из крайностей, лучший ему совет — уйти в противоположное, чтобы со временем искоренить приставший к нему порок. Искоренив же его, следует впредь держаться серединного пути. Гордыня, например, есть опасный порок, искоренение которого требует воспитания в себе другой крайности — кротости.

Никому не позволено молить Бога наказать ближнего своего, и если даже человек не в силах исправить ближнего иначе как через наказание, он не вправе просить об этом небеса. Никто также не вправе приучать себя к выслушиванию лести или к наслаждению, доставляемому хитростью...

Каждый сторонись всего, что могло бы заставить других заподозрить тебя в нарушении Закона.

Другие предписания

Первая же мысль пробудившегося ото сна человека должна быть обращена к Богу, и каждый обязан испытывать к Нему глубокую благодарность за Его безграничную доброту, ибо ведь Он, Спаситель, вернул ему душу и словно бы заново его сотворил.

Чистоплотность является тем важнейшим требованием, соблюдение которого предписывается каждому, даже если... за ним никто не наблюдает. Нельзя носить одежду запятнанную или прохудившуюся, ибо если даже человек не испытывает стыда за себя, он, однако, обязан уважать окружающих.

Никто не вправе приступить утром к делу или выйти из дому, не помолившись. Без молитвы нельзя также есть или пить, разве только в особых случаях: при болезни или крайнем голоде.

Обитатели любого нового селения обязаны побуждать друг друга к возведению синагоги и дома учебы, к приобретению соответствующих книг. Несравнима ни с чем освященность синагоги или дома учебы, и никто не вправе забывать о страхе перед обитающим в нем Единому-

щим. Вот почему никому не позволено есть в синагоге, пить или спать. Даже наших детей малолетних не позволено ласкать в синагоге, ибо в синагоге любят Бога.

Продавать здание синагоги запрещается до тех пор, пока не отстроено новое.

Нельзя приступать к молитве или читать вслух Тору до тех пор, пока в синагоге не соберется миньян, десять мужчин. Мужчиной же человек считается по достижении тринадцатилетнего возраста.

Чтецом Торы может быть назначен только человек с хорошей репутацией. Предосудительно, если чтец затягивает службу, и прихожане начинают прислушиваться не к его молитве, но к голосу. Чтецу следует соблюдать молитвенный этикет и во время службы испытывать благоговение и трепет.

Свиток Писания не подлежит чтению, если он не написан с соблюдением всех соответствующих правил. Три обнаруженные в тексте ошибки или описки делают свиток непригодным; читать его запрещается до тех пор, пока ошибки или описки не будут исправлены. Это предписание основано на том предположении, что помимо обнаруженных ошибок текст Свитка таит в себе и ряд других.

Каждому израильтянину предписывается уделять изучению Торы определенный час. Если у него со временем туго, то в этом случае он должен изучать законы тотчас же после молитвы, причем никто не вправе быть свободным от штудирования законов, ибо их знание есть долг любого израильтянина. Если же, однако, кто-нибудь не может изучать эти законы из-за явственной неспособности к учению или из-за прочих психических дефектов, он обязан в этом случае оказывать посильную ему поддержку людям, посвятившим себя учебе; это засчитывается ему в исполнение долга изучения Торы. Если в минуты учебы приходится вдруг прервать чтение или отвлечься, оставлять книгу открытой нельзя. Все, что подлежит изучению, должно быть прочитано вслух — внятно и внимательно.

Если священные книги лежат на скамейке, этой скамейкой пользоваться для сидения нельзя. Нельзя, разумеется, опускать подобные книги на землю. Запрещается заниматься чем-нибудь предосудительным в "присутствии" священных книг, так же, как запрещается опускать их на стол титульной стороной вниз. Если, скажем, свиток или священная книга, или любая вещь, предназначенная для божественной службы, приходит в непотребное состояние, ее убирают с глаз.

Священной книгой нельзя, например, закрываться от солнца.

Поскольку больной не способен постигать мудрость Творца, постольку Бог требует от каждого поддерживать здоровье и крепость собственной плоти: необходимо избегать всего, что наносит ущерб на-

шему телу, а наши привычки должны обеспечивать нам физическую бодрость.

Благоразумный муж не станет жить в городе, в котором не найти врача, хирурга, баню, общественные удобства, родник, синагогу, учителя, писца, призревателя нищих и суда.

Нельзя есть и пить много, нельзя также делать это стоя. Если даже яства на столе лежат скромные, стол должен быть покрыт чистой и красивой скатертью. Если едят за одним столом двое, то пусть даже перед каждым стоит отдельное блюдо или лежит отдельная порция фруктов, первым приступает к еде старший.

Жена не вправе пить вино в отсутствие мужа, даже если находится в собственном доме; а вне дома ей не положено прикладываться к вину или другим возбуждающим напиткам, даже если муж рядом.

Каждый обязан проявлять щепетильность в вопросах купли или продажи, при переговорах с ближним о деньгах, при обмене, при заключении контрактов. Предмет, предназначенный для продажи, украшать запрещается. Аналогично тому запрещается примешивать к добротным и свежим фруктам хотя бы горсточку порченных с тем, чтобы продать ее по высокой цене.

Каждому лавочнику дозволяется раздаривать детям жареные злаки и орехи с целью привадить их к собственной лавке. С этой же целью он вправе продавать свой товар ниже рыночной цены, и никто из конкурентов не вправе ему в этом препятствовать.

Отвешивать и отмерять следует щедрою рукой и щедрым глазом; это значит, что продающий должен выдать товара чуть больше требуемого веса или требуемой длины, как сказано: "Гиря твоя должна быть полной и верной" (Второзаконие, 25:15).

Одно из важнейших предписаний – ссуживать деньги нуждающемуся израильтянину. Бедняк, приходящийся родственником, пользуется преимуществом перед другими бедняками и бедняками из посторонних мест. Религиозный смысл ссужения денег бедняку величественнее смысла милостыни.

Запрещается вымогать у должника деньги в том случае, когда заранее известно, что их у него нет; если же он пока не в силах возвратить долг, следует, дабы не вгонять его в стыд, избегать и встречи с ним.

ПРИНЦИП КОНСЕРВАТИЗМА

Как было сказано, либеральный иудаизм "распустил" не только большинство обрядовых, но и множество философских принципов традиционной религии еврейства, таких, например, как ожидание Мессии или обособленность Дома Израилева. Эти реформы, вопреки ожиданиям, не оказались популярны, и расчет либералов на терпимость к еврейству со стороны нынешнего "просвещенного" окружения оказался явно преждевременным: век наш, как писал И. Кант о своем, есть всего лишь век просвещения, а не век просвещенный.

Гораздо удачливее либералов оказались сегодня консервативисты, т.е. раввины, избравшие "золотую середину" и обновившие формальную жизнь Израиля таким образом, чтобы не порушить ни одну из давнишних ценностей иудаизма. Ниже — выдержки из программной книги ведущего идеолога консервативного движения М. Каплана "Иудаизм как цивилизация".

Этика как спасение мира

Народы нынешнего мира погрязли в собственных заботах. Их занимают лишь собственные амбиции, и никто из них не ведает, что основание нынешней цивилизации претерпевает губительные превращения. Пусть гниют и разлагаются их традиционные религиозные символы, лидеры этих народов не удосуживаются предпринять хоть сколько-нибудь согласованных между собой попыток предотвращения неминуемого краха. Нет ничего очевиднее той истины, что именно евреи призваны оказаться среди первых, кто самым серьезным образом ответят на разразившийся сегодня кризис духа. Настало время еще раз воззвать и еще раз припасть к тем неисчерпаемым запасам этической страсти и вдохновения, которыми располагает еврейство.

Однако духовное перерождение, которое призван осуществить Израиль, никак не может напоминать формы, излюбленные философами. Мыслитель, предлагающий свои прозрения и знания как абстрактные истины абстрактного человека, способен в лучшем случае улучшить не практическую, но формальную этику. Великими этическими наставниками, оказавшими влияние на все народы, явились те, которые пришли спасти именно свой родной народ, а не человечество в це-

лом. Обращаясь к родной цивилизации, они придавали своим посланиям ту конкретность и тот динамизм, которые только и могли обеспечить внимание толпы. Этим именно и следует объяснять почему пророки преуспевали там, где терпели крах философы. Философ наставляет прибегая к абстрактным понятиям, и он не в силах побудить людей к движению, ибо обращается ко всему миру в целом. Пророк поучает в выражениях конкретных и поднимает людей с места, ибо отвергает идолов и насаждает идеалы. Философы — мечтатели, создатели утопий. Пророки — практические преобразователи и революционеры. Ясно, по крайней мере, одно: единственный тип нравственного движения, выражающего суть еврейского гения и еврейской цивилизации — пророчество, а не философствование.

Будущее иудаизма, больше, чем будущее иных цивилизаций, зависит от его готовности подчиниться принципу общественного идеализма. Как любая традиционная религия, иудаизм проповедовал пренебрежение к материальной стороне существования. Сегодня, однако, требование экономической справедливости стало столь настойчивым, что иудаизм вынужден заниматься им вплотную. Экономически евреи оказались столь непосредственно причастны к успехам и невзгодам всего мира, что замечание Иуды Галеви об Израиле как о сердце людского рода подтверждается теперь особенно наглядно. Как за любые прегрешения всей плоти расплачивается именно сердце, так и Израилю приходится отвечать за любые прегрешения всех иных народов. Индивидуально и коллективно евреи оказываются всегда среди тех, кому больше остальных выпадает страдать из-за общих несчастий. Поэтому единственно надежный для евреев мир — мир, основанный на экономической справедливости.

Вклад, который евреи способны сюда привнести, заключается в борьбе с той тенденцией, которая лишает экономику критериев добра и зла, истины и лжи.

Капиталистическая этика

Каждый, кто придерживается этического взгляда на жизнь, должен противостоять мнению, будто деловая предприимчивость есть по существу такая борьба, где представления о добре и зле второстепенны. Он обязан также оспаривать мысль, будто закон спроса и предложения не поддается человеческому контролю. Нынешние экономисты все еще оперируют той викторианской доктриной, согласно которой "каждый да позаботится о себе, и мир, где каждый занимается лишь своим делом, благодетелен и удачлив". События последнего времени свидетельствуют о лживости принципа "мое мне, а твое тебе"

и подтверждают, что он рассчитан лишь на Содом. Всякий, кто желает лучшего мира, должен вызволить себя из-под власти стереотипов, призванных поддерживать систему прибылей. Одним из этих стереотипов является т.н. закон спроса и предложения, который утверждает всего лишь принцип беззакония и полного произвола. Сам по себе он точно так же способствует порядку и безопасности, как предоставление каждому водителю права ездить как угодно быстро и по собственному усмотрению перекраивать правила движения.

Социалистическая этика

Не менее безнравственным является и принцип социалистических экономистов. Маркс считал религиозные доктрины прежде всего следствием, но не причиной экономических условий. Является ли, однако, забота о средствах к существованию единственным стимулом поведения? Само существование евреев, легко жертвовавших выгодами во имя традиции, есть лучшее опровержение этого принципа. Ошибка экономического детерминизма в том, что он смешивает причину с условием. Фундамент необходим каждому зданию, но он ни в коем случае не объясняет всего здания. Тщательный анализ истории не позволяет принять на веру всего Маркса. Человек жив не хлебом единым.

Иудаизм и справедливость

С точки зрения еврейской религии этический принцип является направляющей силой. Изменения в результате технического духа: машина форсирует развитие условий всеобщего изобилия. Машина есть особый инструмент божественной воли. Остается лишь выяснить — является ли практически осуществимое всеобщее изобилие делом нынешнего дня или некоторого отдаленного будущего.

Что же касается нас, евреев, то повеление Иеремии посланным в Вавилон израильтянам обретает новый смысл. Когда Пророк велел своему народу заботиться о благосостоянии предложенного им края, он, вопреки некоторым его толкователям, думал вовсе не о том, чтобы евреи выказали участие в развитии всех тех сил, которые направлены на благосостояние общества в целом. Если перевести слова Иеремии на язык нынешний, они зазвучали бы как страстная мольба, призывающая евреев участвовать во всех начинаниях и движениях, направленных на этическое переустройство царящих порядков, к которым причастны, конечно, и сами евреи.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ШЕДЕВРЫ ЕВРЕЙСКОГО ЮМОРА

ВВЕДЕНИЕ

В этой прилагаемой к книге главе — несколько образцов еврейского юмора, и прилагается она к книге с тою же естественностью, с какою евреи прилагают шутку к своему опыту. С тем же правом, с каким сарказм и ирония составляют неотъемлемое приложение к еврейскому духу. О еврейском юморе сказано немало. К сказанному добавим, что типично еврейский анекдот или юмореска есть по существу такая обработка традиционных и "серьезных" истин, которая по известным, точнее, неизвестным законам психики вызывает смех. Думая о неизменном библейском принципе сближения "человеческого рассуждения" с "царством Закона", можно сказать иначе: еврейский юмор — это земная, "человеческая" форма выражения тех догадок, убеждений, переживаний и предчувствий, которые представляются еврею сверхъестественно внушенными, или — метафизически обусловленными. В еврейской шутке речь идет всегда

APPENDIX 2

MASTERPIECES OF THE JEWISH HUMOR

INTRODUCTION

In this appendix to the book, there are some samples of Jewish humor. This chapter is attached to the book as naturally as the Jews themselves attach laughter to their daily experience; by the same token with which irony and sarcasm constitute an inseparable part of the Jewish soul. Much has been said about Jewish humor. I would like to add the following. A typical Jewish joke or humoresque is, indeed, such a processing of traditional and "serious" truth which, due to several known and unknown laws of human psychology, inevitably provokes laughter.

Thinking about the constant Biblical principle of bringing "human reasoning" together with "the realm of the Law", I could define Jewish humor in yet a different way: Jewish humor is an "earthly", human form of expressing those premises, beliefs, feelings and presentiments which usually seem to a Jew as those inspired from above or those metaphysically "brewed". The question in a

о том же, о чем еврей разговаривал бы с Богом, но поскольку он обращает эту речь к себе или к себе подобному, он "берет октавой ниже", и удрученность или недосыгаемость обсуждаемой истины "скрашивается" смехом, который неожиданно наделяет его свободой, пусть даже мимолетной или иллюзорной.

Смех — это высвобождение от того, о чем или над чем смеются. Так, по крайней мере, обстоит дело с еврейским юмором, что, разумеется, вполне объяснимо, ибо евреи никогда не страдали от недостатка того, от чего им хотелось бы высвободиться или избавиться. Впрочем, думается, что еврейский юмор отличается прежде всего тем, что он... смешной. Настоящий смех всегда интеллектуален и зиждится скорее на парадоксах мышления, чем на парадоксальных ситуациях. Настоящий смех всегда философичен, т.е. шире и долговечнее ситуации, в которой он родился. Именно этот критерий и лег в основу предлагаемой ниже подборки классических еврейских анекдотов (часть 2) и предшествующих им шедевров юмористической прозы.

Jewish joke is always about a subject which any Jew would be glad to discuss with the Lord; but since he turns his oration toward himself or to one like himself, he becomes more mundane, and the pain of the weariness, or the inaccessibility of a discussed truth he, therefore, "smooths over" with his laughter. Such laughter endows him with freedom, no matter how fleeting and illusory it may be.

Laughter is a way of freeing oneself from what one is laughing about. This is true, at least, in regard to Jewish humor, and, then, this could easily be explained, for Jews never suffered from the lack of what or whom they wanted to free or deliver themselves from. And yet I think that the best that distinguishes Jewish humor is the very fact that it is... funny. Genuine laughter is always intellectual; it is always based on the paradoxes of thinking rather than paradoxes of situations. Genuine laughter is always philosophical: it always goes beyond the situation which provokes it, and outlives it. This was exactly the criterion we applied in selecting the best of Jewish humor.

ЧАСТЬ 1

Шолом-Алейхем: "смех сквозь слезы"

До самого последнего времени наиболее адекватным образом еврейского юмора считался "смех сквозь слезы", — дежурная фраза при характеристике сочинений Шолом-Алейхема (Соломон Рабинович, 1859-1916), родившегося в России и скончавшегося в США писателя на языке идиш.

Сквозь слезы смеются тогда, когда чувствуют себя беспомощно. Именно так в течение долгих веков смеялся Израиль, изгнанный, унижаемый и оскорбляемый. Сегодня еврейство способно защититься не одним только смехом, но если в его юморе все еще сквозит горечь, то это уже изначальная и неистребимая горечь познания жизни как таковой, экзистенциальная горечь, т.е. горечь такого — глубинного — постижения тайн человеческого существования, которое философ приравнивал к науке умирания. ("Философствовать — учиться умирать", — М. Монтень). Когда "человеческое рассуждение" постигает метафизическое "царство Закона", — при этом нам открываются не одни только величественные истины; наша гордая или пусть даже беззаботная улыбка омрачается при этом невеселыми догадками о нашей участи и нашем месте в этом царстве.

Шолом-Алейхем остается классиком еврейского юмора не столько потому, что он выразил сквозь слезы современную ему комичность русско-еврейского быта, сколько потому, что в его смехе проступает горечь познания человеческой жизни вообще. Подобный смех характеризует еврейский интеллект так же точно, как беспомощен и беззащитен в своей нищете весело размахивавшийся меламед из рассказа "Будь я Ротшильд".

— Будь я Ротшильд... — размышлялся касриловский меламед однажды в четверг, когда жена потребовала денег, чтобы справить субботу, а у него их не оказалось. — Эх, если б я был Ротшильдом! Угадайте, что бы я сделал? Первым долгом я завел бы обычай, чтоб жена всегда имела при себе трешницу и не морочила голову каждый раз, когда наступает долгожданный четверг, а субботу отпраздновать не на что... Во-вторых, я выкупил бы заложенный субботний кафтан... Впрочем, нет! Женин кошачий бурнус: пускай перестанет твердить, что ей

холодно! Затем я приобретаю весь этот дом, со всеми тремя комнатами, с клетушкой, чуланом, погребом, чердаком, со всей прочей дребеденью: пусть она не говорит, что ей тесно. Вот тебе две комнаты — стряпай себе, пеки, шинкуй, стирай, делай что хочешь, а меня оставь в покое, чтобы я мог заниматься с моими учениками на свежую голову! Нет заботы о заработке, не надо думать, откуда взять на субботу, — благодать да и только! Дочерей бы всех повыдавал, — долой обузу с плеч. Чего мне еще надо? Вот я и начинаю подумывать о городских делах.

Перво-наперво жертвую старой синагоге новую крышу, пусть не каплет на голову, когда люди молятся. Баню, не будь рядом помянута, я перестраиваю заново, потому что не сегодня-завтра там неминуемо, упаси Бог, беда приключится, да еще, чего доброго, как раз когда женщины моются. А коль скоро баню, то уж богадельню и подавно развалить надо и поставить на ее месте больницу, самую, что называется, настоящую — с койками, с доктором, лекарствами, с бульоном для больных каждый день, — как водится в порядочных городах. Затем я строю приют для престарелых, чтобы старики, знатоки Талмуда, не валялись в молельне за печью. Создаю общество "Одежду — нагим", чтобы дети бедняков не бегали, извините за выражение, с голыми пупками. Учреждаю общество "Призрение невест", дабы любую беднячку, засидевшуюся в девушках, придели как следует и выдали замуж, и еще тому подобные общества завожу я у нас в Касриловке... Впрочем, почему только в Касриловке? Всюду, где живут наши братья евреи, основываю я такие общества, везде, по всему свету!

А для порядка, чтоб все шло чин чинком, я знаете что делаю? Назначаю надо всеми обществами одно большое благотворительное общество, которое наблюдает за всеми остальными, заботится обо всех евреях, то есть обо всем народе, чтобы люди везде имели заработок, жили в дружбе, сидели бы по иешиботам и изучали Библию с комментариями Раши, Талмуд с толкованиями, с добавлениями и всякой прочей премудростью, все семь наук и все семьдесят языков. А над всеми иешиботами был бы главный иешибот — еврейская Академия, в Вильне, разумеется... Отсюда должны выходить величайшие в мире ученые и мудрецы — и все это бесплатно, "за счет богача", на мои средства то есть, и чтобы все велось по плану, по порядку, чтобы не было никакого "ты-мне-я-тебе-хап-лап", пусть у всех будет только одна забота — общее благо!.. А что нужно для того, чтобы люди думали об общем благе? Для этого надо обеспечить каждого в отдельности. А чем обеспечить? Разумеется, заработком. Потому что заработок — это, знаете, самое главное! Без заработка не может быть и дружбы. Из-за куска хлеба, прости Господи, люди готовы друг друга извести, зарезать, от-

равить, повесить!.. Даже враги наши, зложелатели на всем свете, — чего, думаете, они от нас хотят? Ничего. Все из-за заработка. Будь у них дела получше, они бы вовсе не свирепствовали так. Погоня за достатком приводит к зависти, зависть — к вражде, а отсюда берутся, оборони Боже, все несчастья, все горести, преследования, убийства, зверства, войны...

Ох, войны, войны! Это, скажу я вам, зарез для всего мира! Будь я Ротшильд, я бы раз и навсегда положил конец войнам!

Вы, пожалуй, спросите, каким образом? Только при помощи денег. А именно? Сейчас объясню толком.

Два государства, к примеру, спорят из-за пустяков, из-за клочка земли, который и понюшки табаку не стоит. У них это называется "территория". Одно государство говорит, что территория принадлежит ему, а второе заявляет: "Нет, это моя территория!" С самого, что называется, сотворения мира Господь Бог создал эту землю для Его милости, но тут приходит третье государство и говорит: "Оба вы ослы! Эта территория принадлежит всем, она, так сказать, "общее достояние"... Словом, территория сюда, территория туда — "территорият" до тех пор, пока не начнут палить из ружей и пушек, люди режут друг друга, как ягнят, кровь льется, как вода!

Но представьте себе, что я в этом самом начале являюсь к ним и говорю: "Тише, братцы, дозвоьте слово сказать. Из-за чего у вас, собственно, спор? Думаете, мы не понимаем, чего вы хотите? Ведь вам не тары-бары, — вам галушки подавай! Территория — это ведь только предлог! А главное для вас — то самое, "пети-мети", контрибуция". А коль скоро речь зашла о контрибуции, к кому же обратиться за займом? Ко мне, к Ротшильду то есть. А я им: "Знаете что? Вот тебе, долговязый англичанин в клетчатых штанах, миллиард! Вот тебе, глупый турок в красной феске, миллиард! А вот и тебе, тетя Рейзя, миллиард! В чем дело? Господь поможет, уплатите мне с процентами, не с большими, упаси Бог, — скажем, четыре-пять годовых, — не собираюсь я на вас наживаться..."

Понятно вам? И я дело сделал, и люди перестают резать друг друга, точно скот, ни за что, ни про что. А если войнам конец, тогда к чему оружие, войско, вся эта канитель, весь этот тарарам? Ни к чему! А если нет оружия, нет войска, нет тарарама, — так ведь нет больше и вражды, нет зависти, нет больше ни турка, ни англичанина, ни француза, ни цыгана, ни еврея, скажем — весь мир обретает совсем другое обличье, как в Писании сказано: "И настанет день", то есть день пришествия Мессии!..

А? А может быть... Будь я Ротшильд, я, может быть, вообще отменил бы деньги! Никаких денег! Потому что давайте не будем обма-

нывать себя: что такое деньги? Ведь это же, собственно, дело сговора, самообман... Взяли кусок бумаги, нарисовали на нем картинку и написали: "Три рубля серебром". Деньги, говорю я вам, это только соблазн, страсть, одна из самых пагубных страстей... Все за ними гонятся, и никто их не имеет. Но если бы денег вообще на свете не было, так ведь и дьяволу-искусителю нечего б стало делать, да и от самой страсти ничего бы не осталось! Понимаете или не понимаете?

Правда, возникает вопрос, откуда люди брали бы деньги, чтобы сплести субботу? Но, позвольте, а откуда мне сейчас взять на субботу?

Вуди Аллен: смех как ирония

Переведенный нами рассказ "Помолимся за Вайнштейна" писателя и кинематографиста Вуди Аллена (1936) взят из книги шедевров американско-еврейской прозы и в несуществующей еще антологии мирового юмора может по праву символизировать ту особенность еврейского интеллекта, которая выражается прежде всего в несдерживаемой самоиронии, что, в свою очередь, является одновременно признаком и залогом его живучести.

Вайнштейн лежал в кровати и бессмысленно глядел в потолок. Он был в угрюмом состоянии духа. За окном стояла несусветная жара, нацеленная сыростью. В эти часы шум на улице становился невыносимым, и вдобавок ко всему кровать, на которой он лежал, пылала огнем. Ну вот он я, подумал Вайнштейн. Пятьдесят годов. Полвека. Через год — 51. Через два — 52. Потом — 53. Если пойти дальше тем же способом, накидывая каждый раз по одному году, можно досчитаться и до 55. Осталось так мало, а сколько еще следует сделать. Начать хотя бы с того, чтобы научиться водить машину. Адельман, друг детства, учился вождению в Сорбонне и прекрасно управляет любым автомобилем: ездит самостоятельно во многих направлениях...

В детстве Вайнштейн подавал большие надежды. Интеллектуал: в 12 лет перевел Томаса Эллиота на английский, хотя вскоре после этого варвары ворвались в книгохранилище и беспощадно перевели эллиотовские вирши на французский. Он был исключительный ребенок, но судьба обошлась с ним жестоко. Не довольствуясь тем, что необычайные интеллектуальные способности обусловили раннее одиночество Вайнштейна, судьба обрекла его вдобавок на непредставимые страдания, связанные с его происхождением. Причем больше всего ему доставалось от родителей. Хотя отец его был завсегдатаем синагоги,*

* Поэт, писавший на английском.

каковой, впрочем, считалась и матушка, тот все недоумевал, как же это сын у них получился еврей...

В юности Вайнштейн заигрывал с коммунизмом. Познакомившись как-то со смазливой студенткой университета и вознамерившись произвести на нее впечатление, он уехал в Москву и вступил в Красную Армию. Вернувшись, он тотчас же позвонил красотке, но она оказалась уже занятой. Нажитый им чин красноармейского пехотинца смешил ему все шансы на получение бесплатной закуски в столовых самообслуживания. В его досье лежал к тому же отчет о том, что, будучи студентом колледжа, он организовал забастовку лабораторных крыс, требовавших улучшения рабочих условий. Впрочем, справедливости ради следует добавить, что в марксизме его восхищала не политика, а поэзия. Что касается коллективизма, он, считал Вайнштейн, обеспечивается просто: достаточно всем выучить слова к какому-нибудь гимну. Когда же его дяде разбили как-то нос в шикарном магазине на Пятой Авеню, Вайнштейн уверовал в необходимость отмирания государства. Чаще всего он размышлял по поводу того, что же именно можно объективно знать о сущности социальных революций. Единственный ответ, который его удовлетворял, заключался в том, что никакая революция не может быть успешно предпринята на желудок, одобренный мексиканской пищей...

Годы Большая Застоя обернулись настоящим концом для его дяди Мейера, того, который хранил все свое добро под матрасом. Правительство издало тогда указ об экстренной сдаче всех матрасов, находящихся в личном пользовании населения, и Мейер обнакротился в течение ночи. Ему оставалось разве что выброситься из окна, но он совладал с собой и, задержавшись на подоконнике, просидел на нем семь лет, с 1930 до 1937 гг. "Что вы все знаете о жизни! — любил он потом говаривать. — Это вам не колбасики между ножками! Понимаете ли вы — что значит просидеть семь лет на подоконнике! Вот откуда можно увидеть ее, жизнь! И все-таки, хоть люди и букашки, но вот раз в году моя Тэсси — да упокоит ее Бог! — раскладывала на подоконнике пасхальный обед! А ты, племянничек! Что же сказать тебе? Стоит ли суматошиться по поводу светлого будущего, если сделали уже какую-то бомбу, которая может убить больше людей, чем даже вид физиономии Макса Ривкина!"

Всех единомышленников Вайнштейна допрашивали в Комиссии по Расследованию Антиамериканской Деятельности. На Блоткина донесла его собственная мать. Шарпштейна выдала его телефонная связистка. Когда вызвали, наконец, и Вайнштейна, он тотчас же сознался, что купил Сталину набор столовых ложек. Назвать имена товарищей он отказался, хотя и добавил, что может сообщить о росте каждого из

участников тайных сходов. В конце допроса он, однако, запаниковал, и вместо Пятой поправки к Конституции настоял на правах, предоставляемых Третьей, что точас же уполномочило его покупать филадельфийское пиво в воскресные дни.

Вайнштейн поднялся с кровати и пошел под душ. Намылив себе спину, он начал размышлять. Вот он, я, пребывающий в конкретное время в этом конкретном пространстве. Меня зовут Исаак Вайнштейн, и являюсь я одним из Божьих созданий. Смыв мыло со спины, он вышел из ванной и обернул голову полотенцем. Неделя выдалась на редкость тяжелой. Накануне его скверно постригли, и он все еще не мог успокоиться. Поначалу парикмахер вел себя вроде бы благоразумно, но потом вошел в раж и стал косить лишнее. "Положи обратно!" – кричал Вайнштейн в полном смятении. "Не могу, – ответил парикмахер. – Положить-то можно, но отрезанный волос на голове не держится!" "Тогда собери их и положи в кулек! Я забираю их с собой!" "Нельзя, м-р Вайнштейн, – ответил парикмахер по имени Доминик. – Как только волос клиента падает на пол, он принадлежит уже только мне!" "Черт возьми, я же требую свои волосы!" Вайнштейн возмущался долго, но наконец осознал свою вину и удалился. "Тоим! – думал он. – Рано или поздно они-таки доберутся до каждого!"

Вайнштейн выбрался из отеля и зашагал вниз по Восьмой Авеню. Два мужика грабили на углу старушку. "Боже мой, – подумал Вайнштейн, – ведь были же времена, когда с этой работой справлялся только один. Хорош городишко! Полный хаос! Кант, конечно, был прав: рассудок, и только он, внедряет порядок. К тому же рассудок подсказывает, сколько следует оставлять на чай. Великолепная все-таки штука – умение рассуждать! Как они там обходятся без этого, в Нью-Джерси?"

Он направлялся к Гарриет поговорить насчет алиментов. Он все еще любил ее, хотя, пока они были женаты, она систематически изменяла ему с каждым, чья фамилия в манхэттенской телефонной книге значилась под буквой Р. Это он ей прощал. Но Вайнштейн никогда бы не заподозрил ничего дурного в том, что жена его Гарриет сняла вместе с одним из лучших его друзей дом в штате Мэйн, не оставив ему даже адреса, хотя и продержалась там три года. После того, как он узнал о них всю правду, Вайнштейн просто-напросто не хотел ее больше видеть – вот и все! Вообще-то его половая жизнь с Гарриет закончилась рановато. Собственно, спал он с ней всего трижды. Впервые – в день их знакомства, во второй раз – в ночь высадки американцев на Луне,

и в последний — проверить, не болит ли еще спина после того, как месяцем раньше на нее свалилась штанга. "Ничего в тебе нет, Гарриет! — оправдывался Вайнштейн. — Кожа да кости. Каждый раз, когда во мне поднимается желание, я вынужден сублимировать его в высадке дерева в Израиле. Ты напоминаешь мне мою мать. (Речь идет о Молли Вайнштейн, да упокоит ее Бог, которая души в нем не чаяла и готовила лучшие в Чикаго голубцы по рецепту, считавшемуся фантастическим до тех пор, пока не выяснилось, что она начинала их гашишем.)

Для половой жизни Вайнштейну требовалась иная женщина. Лу-Анн, например. Секс был для нее искусством. Единственное, что в ней раздражало, — она тотчас же сбрасывала с ног туфли. Однажды он попытался смягчить ее нрав тем, что дал ей почитать книжку об экзистенциализме, но она ее с досады съела. Впрочем, в сексуальном отношении Вайнштейн и сам считал себя неполноценным. По крайней мере, у него были сильные сомнения относительно длины. В собственных носках рост его равнялся 4'5", хотя, правда, в чужих он мог достигать 5'4"... Да, женщины были его серьезнейшей проблемой, и он это понимал. С каждой, кто заканчивал колледж с хорошим аттестатом, он чувствовал себя импотентом. С секретаршами и машинистками зато вел себя гораздо вольнее. Впрочем, если женщина печатала быстро, больше 60 слов в минуту, Вайнштейн смущался и ни на что не оказывался способен.

Вайнштейн позвонил в дверь, и Гарриет тотчас же вышла на порог. Как всегда, подумал он, она выглядит расплзшимся жирафовым пятном. Это сравнение считалось у них смешным, хотя они никогда его не понимали.

— Привет! — сказал он.

— О, Айк! — сказала она. — К чему эти формальности!

Она была права: что за глупое приветствие! Вайнштейн презирал себя за неумение здороваться.

— Как дети, Гарриет?

— У нас их никогда не было, Айк.

— Вот я и думаю, что 400 долларов в неделю — многовато для содержания потомства.

Она прикусила свою губу. Потом Вайнштейн сделал то же самое: прикусил ее губу.

— Гарриет! — сказал он. — У меня мало денег. Яйца не идут, и виды на завтра еще хуже.

— А если занять у этой шиксы?

— У тебя все, кто не еврейки — шиксы!

— Ладно, забудем об этом.

Вайнштейн ощутил внезапное желание поцеловать ее или кого-нибудь еще.

— Гарриет, на чем же все-таки у нас сорвалось?

— Мы не умели смотреть действительности в лицо.

— Виноват не я. Ты сама сказала, что то был север.

— Ну и правильно. Действительность и есть север, Айк.

— Нет, Гарриет. Пустые мечтания — вот что есть север. Действительность — это запад. Лживые надежды — это восток, а Луизиана находится на юге.

Да, она все еще возбуждала его. Он потянулся к ней, но она отодвинулась, и руки его погрязли в кислом тесте.

— Вот, значит, зачем ты спала с тем психоаналитиком! — крикнул он. Лицо его исказилось от гнева. Вайнштейну даже показалось, что он может упасть в обморок, но он так и не вспомнил — как при этом следует падать.

— Что?! То была просто такая терапия. По Фрейду, секс открывает путь в бессознательное!

— Фрейд говорил, что в бессознательное ведет сон!

— Сон, секс, — что, будешь теперь торговаться?!

— Прощай, Гарриет.

Задерживаться не было смысла. Вайнштейн направился к Юнион Скверу. Внезапно, как из прорвавшейся плотины, у него потекли горячие слезы. Горячие и соленые слезы, сдерживаемые на протяжении нескольких столетий, вырвались наружу в каком-то мощном всплеске чувств. Беда заключалась в том, что слезы текли из ушей. "Подумать только! — бормотал Вайнштейн. — Я даже не умею дельно поплакать!" Он заткнул уши бумажными салфетками "Клинэкс" и уехал домой.

ЧАСТЬ 2

АНЕКДОТЫ

Нытик в кафе:

— Чего только на нашем веку не было! Сперва — погромы, потом — эпидемии, квоты, Гитлер, Сталин. Сейчас — арабы... Лучше б вовсе было не родиться! Но где теперь найдешь такого везунчика? На миллион нет и одного!

Местечковый мудрец, рассуждая о предстоящем путешествии:

— Если до Двинска скакать на лошади четыре часа, то, стало быть, упряжка из двух лошадей довезет меня туда за пару часов. Пойдем дальше: если нанять сразу четырех лошадей, то дорога не займет и секунды, верно? Впрочем, на что мне сдался этот хренов Двинск? Не лучше ли просто запрячь четыре кобылы и никуда не двигаться?

Учитель-бедняк после рассказов о богатстве Ротшильда:

— Тоже мне мудрец! Если б я родился Ротшильдом, я был бы богаче, чем Ротшильд: я прирабатывал бы учительством!

Талмудист — любознательной толпе:

— Спрашиваете, что такое Талмуд? Я-таки объясню, но вы, увы, не поймете. Вот, скажем, два грабителя пробрались в дом через дымовую трубу. У одного лицо загажено сажей, а у другого — нет, белым-бело. Подумайте — кто из них пойдет умываться? Вы скажете: тот, кто грязен. Никак нет, и это означает, что вам никогда не понять Талмуда... Пойдет умываться тот, кто чист. Почему? Потому что грязный смотрит на чистого и, конечно, думает, что сам он тоже чист, тогда как чистый, глядя на грязного, воображает, будто лицо его загажено сажей. Логично? Нет, не логично, что, в свою очередь доказывает, что вам не понять Талмуда! Можно ли допустить, что из двух грабителей, проникших в дом через трубу, только один вымарался сажей?!

Раввин, потерявший в классе очки, рассуждает:

— Куда они могли запропасться? Может быть, я заложил их в книгу между страницами? Нет, тут их нету. Значит, я потерял их где-то в классе. Предположим, кто-то их украл. Их мог украсть либо тот,

кто нуждается в них, либо тот, кто не нуждается. Но если кто и нуждается в очках, он, наверно, имеет свои; а если кто в них не нуждается, то зачем ему мои? Преположим, что их украли с тем, чтобы продать. Кому же вор их мог продать? Либо тому, кто нуждается в очках, либо тому, кто не нуждается. Но опять-таки, тот, кто нуждается — имеет, а кто не нуждается — не станет и покупать. С этим вариантом вроде бы все ясно... Стало быть, поневоле приходится думать о ком-нибудь, кто — да! — нуждается в очках и имеет их. То есть о том, кто забрал чужие очки либо потому, что потерял свои, либо же потому, что поднял их с носа на лоб и потом просто забыл об этом! Скажем, кто? Скажем, я! Верно, вот они тут, на лбу! Слава Тебе, Господи, что я-таки умею складно рассуждать!

— Слушай, отец, как насчет моей просьбы прибавить мне жалование?

— Предположим, ты получаешь больше. Что из этого?

— Я пойду учиться!

— Предположим, ты пошел учиться. Что из этого?

— Я найду потом место получше.

— Предположим, ты нашел хорошую работу. Что из этого?

— Я смогу одеваться получше и разъезжать по всему свету.

— Предположим, ты и одеваешься получше и разъезжаешь повсюду по свету. Что из этого?

— Я найду себе хорошую невесту.

— Ладно, ты нашел хорошую невесту. Что из этого?

— Я женюсь.

— Да, ты женился. Что из этого?

— Как что? Я стану счастливым человеком!

— Ладно, ты-таки стал счастливым человеком. Что же из этого?

Мудрец верхом на осле:

— Ну пошла, скотина проклятая! Если не хотела, чтоб на тебе ездили, не надо было рождаться ослом!

— Наш раввин, да хранит его Бог, получает так мало, что давно бы помер с голоду, если б не решил поститься дважды в неделю.

— А наш раввин, дай ему Бог здоровья, постится во славу Всевышнего всю неделю, кроме, конечно, субботы. Святой человек! Если он и ест когда-нибудь, то делает это из скромности: скрыть, что постится.

— А наш раввин, да живет он 120 лет, творит любые чудеса. Как-то раз, путешествуя, он попросился ночевать в придорожную гостини-

цу, но его не пустили. "Да сгорит ваш дом огнем не позже как завтра!" — воскликнул он, и хозяин с перепугу впустил его в лучшую комнату. Подобрев, наш раввин изменил свой суд: "Я возвецаю, что дом этот не сгорит завтра огнем!" И вот, чудо из чудес, каждый мог видеть своими глазами, что дом и вправду назавтра не горел.

— А наш раввин — воистину всевидящий: не сходя с места, он может видеть все, что происходит в самых дальних концах света. Для этого ему достаточно лишь встать на скамейку, да и это он делает для того, чтобы чудотворству своему придать правдоподобие.

— А наш раввин творит чудеса действительно неслыханные. Каждую ночь он перевоплощает себя в пророка Илью и делает это так умело, что не скажи об этом сам, никто б никогда и не догадался. Враги судачат, будто наш раввин брешет. Но, скажите, к чему станет брехать человек, который способен перевоплощаться в Илью-пророка?!

— Вот вы все говорите... Не спорю: есть где-то раввин, творящий чудеса почище ваших! Как-то в дороге, рассказывают, его застала гроза. Что же он, думаете, сделал? Поднял руки к небу, шепнул пару слов — и явилось чудо: направо — ливень, налево — ливень, а посерединке — ясное небо и солнце. Чудо-то это, может, и чудо, но наш раввин много искусней. Как-то в дороге его застала субботняя ночь. Что же делать, не торчать ведь посреди поля в субботний праздник! Что же он, думаете, сделал? Поднял глаза к небу, шепнул слово — и вот оно, чудо! Направо от него — суббота, налево — суббота, а в середине — пятница!

— А у нашего раввина лучшее в мире зрение! Вчера он увидел отсюда, из Одессы, как в Варшаве скончался великий хахам. Правда, кое-кто и доказывает, будто варшавский хахам жив и здоров, но какое это имеет значение?! Не достаточно ли того, что наш раввин может проглядывать в Варшаву из Одессы!

Проситель — раввину из другого города:

— Ребе, я пришел к тебе просить поддержать меня против Господа Бога. Вот оно, мое дело: у меня была жена и 10 тысяч рублей. Так что же сделал Бог? Сперва забрал деньги, а потом и жену. Спрашивается: что бы с Него стало, если б Он поступил наоборот? Забери он сперва жену, я бы оказался вдовцом с 10 тысячами своих, и тотчас же женился бы на ком-нибудь с 10 тысячами приданого. И вот тогда, если б Господу снова понадобилось прибрать к Себе 10 тысяч, я бы все равно остался с женой и прежней суммой. Вот и все мое дело. Конечно, я бы мог обратиться с просьбой поддержать меня и к местному нашему ребе, но с ним беда: он Бога боится и наверняка рассудит в Его пользу. А о тебе, дай Бог тебе жизни, идет добрая слава, что ты Его ни во что не ставишь!

Местечковый раввин во время проповеди:

— Ужас! Все сдвинулось с места! Евреи, которые ели только кошер, теперь едят даже свинину! Евреи, которые соблюдали субботу, не ставят теперь ни в грош даже Йом-Кипур! Евреи, которых в детстве обрезали, отравили теперь плоть и ходят необрезанными!

— Свинья! — рыкнул пруссак, наткнувшись на еврея.

— А я Коган! — ответил тот с поклоном.

— Дорогой реб Тевье! Вы просите в Вашей записке на имя нашей общины оказать Вам денежную помощь для похорон Вашей супруги. Между тем, как Вам известно, Ваша супруга скончалась пару лет назад, в связи с чем мы выплатили Вам положенную сумму. По еврейскому закону, никто не восстает из гроба до пришествия Мессии. С поклоном, реб Кауфман, секретарь похоронного бюро."

— Дорогой реб Кауфман! Вы правы, я уже просил у Вас денег на похороны моей жены. Но то была моя первая жена. Спасибо за память. Тевье."

— Дорогой реб Тевье! Мы тут и не знали, что Вы женились во второй раз. Мазл тов! Поздравляю! Реб Кауфман."

Местечковый мудрец:

— Люди мудрствуют и ломают голову над простыми вещами. Говорят, например, что в столице спорят по поводу происхождения названия разных вещей. Есть ли что-нибудь проще?! Почему, например, коржики называют коржиками? Ясно, как день: по виду они напоминают коржики, пахнут они, как коржики, и, наконец, на вкус есть ничто как коржики. Как же их прикажете называть, если не коржиками?!

— Ребе, я сознаю, что я дурак, но никак не придумаю — что мне с этим делать!

— Человек, сознающий собственную дурость, не может быть дураком!

— Зачем же тогда все вокруг зовут меня дураком, ребе?

— Если ты не считаешь себя дураком, но прислушиваешься к мнению других, стало быть, ты и вправду дурак!

Ицик в день рождения своего первого ребенка размышляет:

— Ужас! Я женился только три месяца назад, а она уже родила! Говорят, что это дело требует минимум 9 месяцев. Видимо, действительно, в этом деле я смыслю мало. Впрочем, надо крепче подумать. Итак, я живу с ней уже 3 месяца, так? Значит, и она живет со мной

3 месяца, верно? И вместе мы прожили уже 3 месяца? Ну да! Три, три и три, сколько это получается? Девять! Чего же я умничаю!

Ицик рассуждает:

— Я уже взрослый мужчина, а у меня все еще не растет борода. А говорили, многое в таких вещах зависит от наследственности: мой отец, слава ему небесная, имел длинную бороду. Получается, нет никакой такой наследственности! (Пауза) Впрочем, конечно, есть! Я, видимо, пошел в мать!

Ицик размышляет:

— Говорят, напрасно гну я себе спину и строю этот дом. Говорят, Мессия уже не за горами: сегодня-завтра Он объявится уже в нашем городе. Пусть себе говорят! Я не из пугливых: вспомним — чего только мы не пережили! Египетский плен, Амман, погромы, войны! Все-то в руках Божьих, и с Его помощью переживем и Мессию!

Еврей с зонтиком под мышкой в дождливый день:

— Что, раскрыть зонтик? Впрочем, раскрывай-не раскрывай, не поможет. Чего же это люди на меня так косятся? Видимо, они считают, что если сверху льет, следует раскрыть зонтик и укрыться под ним. Они, может быть, и правы, но какой же это зонтик: сплошные дыры! Зачем же я его взял с собой, не могу припомнить... Ах да, я же думал, что пойдет дождь!

— Ицик, вот мы с тобой сидим уже два часа за чашкой чая, а ты не скажешь ни слова. Скажи хоть что-нибудь о жизни вообще!

— О жизни, говоришь? Вообще? Что — жизнь? Жизнь — как чашка чая!

— Чашка чая? Почему как чашка чая?

— Откуда же мне знать? Что я тебе — философ?!

Два конкурирующих коммивояжера на железнодорожной станции.

— Моня, куда ты едешь?

— Кто, я? Как куда? В Пинск.

— Так я и поверил! Ты говоришь "в Пинск" только для того, чтобы я подумал, будто ты едешь в Минск. Но я-то знаю, что ты и вправду едешь в Пинск. Зачем же врать?!

Два незнакомых старика за столиком в кафе. Наконец один из них произносит:

— Ой взй!

Второй вздыхает:

— Лучше об этом и не говорить!

Левин купил бриллиантовое кольцо для жены. За завтраком он показал его своему другу, Сигелу?

— Сколько отдал? — спросил Сигел.

— 500.

— Приличная штука! Вот тебе за него 700, двести лишних.

Левин уступил кольцо, но наутро, вспомнив о жене, пожалел об этом. Он направился к Сигелу и выкупил кольцо обратно за 800. Тот уступил не думая: не так легко заработать сто долларов. Но Сигелу кольцо это нравилось по-настоящему, и к вечеру он позвонил Левину:

— Слушай, если ты вернешь мне эту штуку, я заплачу 1000.

Кольцо вернулось к Сигелу, и Левин имел в этот день 200 выганных долларов. Но Сигел так и не успел подарить кольцо жене, ибо его напарник Берман предложил за кольцо 1500. На следующий день Левин снова позвонил Сигелу и предложил ему 1200 за кольцо.

— Продано Берману! — сказал Сигел.

— Идиот! — воскликнул Левин. — Кто продает такие вещи! Каждый день она приносила нам прибыль!

— Мальчик, сколько тебе лет?

— Три.

— А фамилия?

— Рабинович.

— Хм. Такой маленький — и уже еврей?

Два земляка-еврея подались жить на Запад. Первый поселился в Германии, а второй, заняв у того денег, уехал во Францию. Лет через пять "немец" приехал в Париж и отыскал земляка:

— Лева, ты, говорят, стал жирный! Верни же мне мои деньги!

— Уи? — переспросил тот по-французски. — вернуть тебе деньги, говоришь? Сперва вы, немцы, верните нам нашу Лотарингию!

В семье родился черный ребенок.

— Видишь! — поворачивается Роза к оторопевшему Абраму. — Это твоя глупейшая мания — всегда тушить свет!

— Босс, я не могу больше у вас работать: все ваши служащие — антисемиты.

— Не может быть! Все?

— Все! Я задал им один вопрос и все ответили одинаково.

- Что за вопрос?
- Я спросил – как они прореагируют, если истребят всех евреев и массажистов?
- А почему массажистов?
- Ну вот, видите! И вы тоже!
- Господи, пошли же мне 1000 долларов. Я Тебе обещаю отдать половину суммы таким же, как я, беднякам, . Если же Ты мне почему-то не веришь, пошли мне тогда мои пятьсот!

На допросе в советской милиции.

- Рабинович, откуда вы взяли деньги на машину?
- Из моей тумбочки.
- Кто их туда положил?
- Моя жена.
- Кто их дал Вашей жене?
- Я.
- Откуда же Вы их взяли?
- Из моей тумбочки.
- Поставим вопрос иначе: как это Вы при Вашей зарплате смогли накопить деньги на машину?
- Вы правы: трудно!

Посетитель заходит в магазин, где в витрине выставлены часы:

- Я хотел бы отремонтировать часы.
- Я не часовщик. Я делаю обрезание.
- Обрезание? К чему же эти часы в витрине?
- А что Вы хотите чтобы я выставил?

М-р Коэн пришел к юристу на прием. После получения консультации он положил на стол десятку.

- Нет, господин Коэн, за консультацию я беру пятьдесят.
- Пятьдесят? Извините, мне сказали, что тридцать.

В нью-йоркском общественном туалете.

- Вы случайно не еврей?
- Да.
- Иродились в Злогове, в Польше?
- Ну да.
- И, конечно, Вам делал обрезание раввин Герчик?
- Как это Вы угадали?
- Очень просто: он всегда обрезал косо. Видите ли, вот уже несколько минут как Вы мочитесь мне на пальто!

– Ужас! Капельзона расстреляли!
– Что Вы говорите! Но не кричите так громко, он сидит за соседним столом и может перепугаться!
– Да нет, он уже об этом знает!

– Моня, перестань качаться на папе! Папа повесился совсем не для этого, а для того, чтобы в доме было тихо.

– Здравствуй, Рабинович, у меня ужас: моя жена спит с садовником!

– Откуда ты знаешь?

– Очень просто: прихожу домой, поднимаю одеяло на постели, а там – цветы!

– Со всеми бывает. Моя жена, например, спит с почтальоном.

– А ты откуда знаешь?

– Очень просто: прихожу домой, поднимаю одеяло, а там – почтальон с моей женой.

Хоронят Рабиновича. Прохожий:

– А что, это правда, что умер Рабинович?

– Да.

– Ой взй, умер... А я-то думаю: почему это его хоронят?

– Здравствуйте, Коган! Слушайте, как Вы изменились. Вас просто не узнать: нос стал курносый, волосы порыжели, уши оттопырились. Что с Вами?

– Простите, но я не Коган.

– Ну вот, видите, Вы уже и не Коган!

Еврей – китайцу в поезде:

– Скажите, Вы – еврей?

– Нет, я – китаец.

– А мама, надеюсь, была еврейкой?

– Нет. Китаянка.

– Папа-то у Вас – все же еврей?

– Нет. И папа – китаец.

– А бабушка? Ну хоть она – еврейка?

– И бабушка китаянка, черт возьми!

– А прабабушка?

– Да! Да!! Да!!! Моя прабабушка – ев-рей-ка!!!

– Смотрите, еврей, а как похож на китайца!

Три реформистских раввина состязаются в реформизме.

Первый:

– В нашей синагоге в кресла ввинчены пепельницы, чтобы люди могли курить во время молитвы.

Второй:

– В нашей синагоге в Йом-Кипур мы раздаем прихожанам сэндвичи с ветчиной.

Третий:

– Что касается Йом-Кипур, мы в этот день вывешиваем в нашей синагоге табличку "Закрывается на праздник".

Посетитель – владельцу кошерного китайского ресторана в Нью-Йорке:

– Чудный тут у вас ресторан! И потом этот китаец-официант, говорящий на идиш! Очень оригинально!

– Не так громко, пожалуйста: он-то думает, что мы учим его английскому!

Еврей – знакомому в нью-йоркском кафе:

– Ой, Саскинд, дела у меня идут из рук вон плохо. Июнь был просто бедственным: никогда еще не было такого июня. Я просто возненавидел этот июнь и матерился весь месяц, пока не пришел июль. В июле стало так несносно, что июнь казался уже счастливым: за весь июль не продал ни на цент. Невероятно, но факт!

– Перестань ныть! У меня! – вот у кого дела идут скверно: у жены рак, брат развелся, единственный сын женится на... каком-то черном мальчике! Ужас! Что может быть хуже этого?

– Как что? Август.

Гинзберг потерял кошелек в синагоге:

– Господа, я потерял кошелек с 900 долларами. Тому, кто найдет и вернет его мне, – награда 70 долларов!

– Голос из зала:

– Даю 75!

Три хасида о своих раввинах:

– Мой раввин настолько благочестив, что трясется в молитве круглые сутки; к кровати на ночь его даже привязывают, чтобы не упал и не разбился...

– Мой раввин к Богу ближе; он настолько к Нему близок, что трясется вместе с Ним...

– Мой – лучше! Он прошел уже через все: сначала трясся сам, потом – вместе с Ним; наконец, он сказал Богу: "Слушай, чего это мы трясемся, не хватит ли?!"

*Для того, чтобы ввернуть лампочку,
любовнические евреи снаряжают троих: одного, чтобы ввернуть ее,
а еще двоих, — чтобы уговаривать других заняться тем же самым;
сатмарские евреи снаряжают двоих: одного, чтобы ввернуть
лампочку, а другого, — чтобы объявить это деяние сионистским заго-
вором;*

*сионисты снаряжают четырех: одного, чтобы сидеть дома и угова-
ривать людей вкручивать лампочку, второго, — уговаривать пожерт-
вовать деньги на приобретение лампочки, третьего, — вкрутить ее,
а четвертого, — трубить на весь мир, что весь еврейский народ поддер-
живает операцию вкручивания лампочки;*

*что же касается брацлавских евреев, — они не снаряжают никого,
ибо убеждены, что старой лампочке замены нет.*

Советский еврей — чиновнику в Вене:

— В Израиль я не еду!

— Куда же Вам надо, в Америку?

— Нет.

— В Канаду?

— Нет.

— В Австралию? В Новую Зеландию?

— Нет.

— Вот Вам глобус, выберите что-нибудь и ткните пальцем.

— (После долгой паузы) А другого глобуса у Вас не найдется?

Иммигрант — иммигранту:

— Как дела?

— Могли быть хуже. А у тебя?

*— Могли быть лучше: в прошлом месяце болел неделю, и это вле-
тело мне в 400 долларов. Дома на эти деньги мог бы болеть год.*

Завещание:

*"Саре, жене моей, оставляю половину наследства. Сыну Леве —
треть другой половины. Столько же дочерям моим Соне и Розе. Что
же касается шурина, кого я давно обещал упомянуть в завещании, —
привет тебе, Бенчик!"*

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Заключение смущает читателя. Рассчитанное на ясность и краткость, оно порождает вопрос, смущающий автора: стоило ли писать всю книгу, если все в ней просто, как "слюна новорожденного", и кратко, как... написанное заключение? Писать заключение к антологии к тому же безнравственно. Тем более к антологии духовных откровений. Тем более еврейских. Никто не вправе обобщать чужие мысли и ощущения, которые только в их целостности воссоздают породивший их дух, столь к тому же "несказанный", как дух Израйля.

И все-таки трудно отвязаться от побуждения сказать в заключение нечто, казалось бы, важное и недосказанное.

Как же, однако, заключать?

В год моей бар-мицвы мой дед, тбилисский раввин, забрав меня с собой, поехал в глухой крохотный городишко Они, в горных окраинах Грузии. Он поехал туда проститься с умирающим от рака местным раввином Шломо, который славился мудростью и сентиментальностью. В последнем я убедился как только нас ввели к нему: вздрогнув при виде моего деда, раввин Шломо закрыл лицо охапкой

INSTEAD OF A CONCLUSION

A conclusion embarrasses a reader. Meant to be clear and concise, it raises a question which must embarrass an author: was the book worth writing if everything in it is as clear as "a new-born's saliva" and short as... a written conclusion? Writing a conclusion to an anthology is, in addition, immoral. The more so if it is an anthology of revelations — especially Jewish ones. No one has a right to summarize another's thoughts and sensations, particularly if they are so complex and ineffable as those expressed by the voices of Israel.

Nevertheless, I am tempted to end with a meaningful observation that somehow captures the essence of the book.

How, then, shall I conclude?

When I was a little boy, my grandfather, a Tbilisi rabbi, brought me to the small and remote town of Oni, high in the mountains of Soviet Georgia. He went there to bid farewell to the local rabbi, Shelomo, an old man dying of cancer who was known for his wisdom and compassion. His sentimental nature revealed itself the moment we were ushered into his room: at the sight of my grandfather, he started and then,

борода и по-детски растерянно разрыдался. Что же касается его мудрости, то она сказала в том, что он умолк тотчас же. Потом повернулся ко мне и, опустив руки мне на голову, сказал: "Смотри вот, хоть я тут самый старый человек в городе, мне все еще стыдно умирать". Мой дед, старик, в свою очередь, как мудрый, так и сентиментальный, объявил ему торжественно, на древнееврейском, что приехал в Они для того, чтобы познакомить меня с большим раввином, который, с Божьей помощью, да утрудит себя прочитать мне, "юному сталинцу", из своей знаменитой рукописи о благомудрии кавказских хахамов.

...Раввин Шломо прочел вслух всю рукопись, от начала до конца. То были истории и изречения "благороднейших евреев, живших между Каспием и Понтом". Все, что раввин Шломо о них знал, он записал в амбарную тетрадь в кожаном переплете. Хотя читал он ее вслух, конечно, не впервые; хотя в сказаниях кавказских иудеев мало не слыханного еврейским ухом; хотя, читая, он морщился от боли, глаза старика горели мистическим восторгом юноши, убежденного в непобедимости предка. Читал он долго, до рассвета. Закончив же, раввин Шломо, легкий и сильный, поднялся с постели, подвел нас к столу посреди комнаты, разлил в рюм-

after covering his face with his white beard, he burst into tears like a helpless child. As for his wisdom, I sensed it when he stopped crying almost as suddenly as he had begun. He then turned to me, put his palm on my head, and said: "See — even though I'm the oldest man in town, I'm still ashamed to die." My grandfather, an old man who, too, was wise and compassionate, solemnly announced to his dying friend in old-fashioned Hebrew that he had only come to introduce me to the great rabbi, who, God willing, would be able to read to this "young Stalinist" a few passages from his rumored manuscript about "the Splendor of the Caucasian Khakhamim (Wisemen)."

...Rabbi Shelomo read us the entire manuscript, from cover to cover. There were stories, riddles and sayings of "the wisest and noblest Jews ever to have lived between the Caspian and Pontian Seas." Everything the Rabbi had ever heard or known about them, he had put down in a huge, leather-bound book. Although this was hardly the first time he was reading aloud from it, and although its contents revealed nothing new, his eyes, squinting from the pain in his stomach, sparkled. They shone with the mystical admiration of a youth who firmly believes in his ancestors' invincibility. He read slowly, late into the night. When the last page was turned, Rabbi Shelomo, suddenly appearing

ки водку из хрустального пузыря и, не объясняя своей внезапной и долгой паузы, произнес потом спокойным и ровным голосом: "Лехаим! Будем живы!"

Через день, возвращаясь с похорон равина Шломо, дед мой, вспоминая этот короткий тост, сказал: "Великий был комментатор!"

Закрывая книгу этим комментарием, напомним, что повторение сказанного есть возвращение к нему, возвращение, напоминающее житие, который всегда оптимистичнее прихода. Подобно исходу, оно есть вхождение в тот эдем прошлого, который, поскольку его так и не было, находится в будущем. И пусть завтрашний эдем так же утопичен, как вчерашний, — человек жив лишь пока он возвращается в будущее. С надеждой на подобное возвращение я и повторяю неисчерпаемо глубокое откровение онского раввина Шломо: "Будем живы!"

sprightly and strong, rose from the bed, brought us to a table in the middle of the room, poured vodka into large crystal glasses, and then, after a long pause which he did not try to explain, lifted a glass and said in a calm, even voice: "Lekhaim! Let us stay alive!"

Two days later, on our way home from the Rabbi's funeral, my grandfather recalled the toast and remarked, "What a commentator he was!"

In conclusion, I would like to indulge in a repetition. But it will be more than a simple restatement: I am making a *r e t u r n*. It is an act as optimistic and vital as an exodus... and far more intriguing than an arrival. A return, like an exodus, is the entry into that Eden of the past which, because it has never existed, lies in the future. And even if a future Eden is as remote as its past, we of this earth are alive because we ceaselessly reach back into the future. Embarking on this return, I repeat the revelation uttered by Rabbi Shelomo, riveting in its simplicity: "Let us stay alive!"

ОГЛАВЛЕНИЕ

К читателю	5
Предисловие	11
Библейский период	
Введение	19
Дух Закона	22
Десять Заповедей	23
Второзаконие	24
Дух Пророков	27
Предсказание Самуила	29
Страсть Амоса	30
Слово Исаяи	32
Мудрость Второго Исаяи	34
Дух Писаний	36
Книга Притчей	37
Прозрение Иова	44
Скептицизм Когелета	48
Мудрость Псалмопевца	51
Послебиблейский период	
Введение	54
Скрытые пути еврейского духа	56
Благочестие первых раввинов	59
Дух светского еврейства: Иосиф	62
Новозаветный период	
Введение	66
Истины Иошуи Назаретского	67
Саул о мудрости любви	73
Талмудический период	
Введение	78
Мишна	82
Гемара	85
Мидраш	100
Раннее Средневековье	
Введение	109
Мир Габирола	111
Откровения Маймонида	119
Дух молитв	129
Позднее средневековье	
Введение	134

Свет "Зохара"	137
Оптимизм хасидов	144
Традиционность Спинозы	160
Новый период	
Введение	165
Мендельсон: начало пути	167
Ирония Гейне	170
Воинственность Берне	178
Гуманизм Маркса	181
Сентенции Когена	189
Лазарус: еще об этике	194
Гармония Розенцвейга	199
Герцль: дело вместо слова	207
Ахад Хаам: дух вместо силы	211
Лики русского сионизма	214
Зангвил против обособленности	221
Современный период	
Введение	223
Мир глазами Эйнштейна	229
Фрейд о юдофобии	234
Бубер: диалог как спасение	240
Бергсон: возвращение к цельности	244
Клацкин: интеллект как искусство	247
Апокалипсис Кафки	252
Несбыточная мечта Бабеля	255
Зингер о неисповедимости	258
Аш о богоборстве	263
Фромм об искусстве любить	266
Новые мудрецы о мудрости веры	272
Древний дух новых молитв	279
Приложение 1	
Лики иудаизма. Введение	284
Предписания ортодоксалистов	288
Принцип консерватизма	292
Приложение 2	
Шедевры еврейского юмора. Введение	295
Шолом-Алейхем: "смех сквозь слезы"	297
Вуди Аллен: смех как ирония	300
Анекдоты	305
Вместо заключения	315

CONTENTS:

To the Reader	5	The Optimism of the Hasidim . . .	144
Preface	11	Spinoza: Traditional vs. Old . . .	160
The Biblical Period		The New Period	
Introduction	19	Introduction	165
The Essence of the Law	22	Mendelssohn: Lighting the Way . .	167
The Ten Commandments	23	Heine's Irony	170
Deuteronomy	24	Berne's Militance	178
The Spirit of the Prophets	27	Marx's Humanism	181
Samuel's Prophecy	29	Cohen's Moralizing	189
Amos' Passion	30	Lazarus: More on Ethics	194
Isaiah's Word	32	Rozenzweig's Harmony	199
The Wisdom of the Second Isaiah .	34	Herzl: Action vs. Words	207
The Soul of the Scriptures	36	Ahad Ha'am: Spirit vs. Force . . .	211
The Book of Proverbs	37	Aspects of Russian Zionism	214
Job's Insight	44	Zangwill Against Isolation	221
Kohelet's Scepticism	48	The Contemporary Period	
The Psalmist's Wisdom	51	Introduction	223
The Post Biblical Period		The World Through Einstein's Eyes	229
Introduction	54	Freud on Judophobia	234
The Hidden Path of the Jewish Soul	56	Buber: Salvation Through Dialogue	240
The Piety of the First Rabbis	59	Bergson: Back on the Track	244
The Soul of the Wordly Jew: Joseph	62	Klatzkin: Intellect as Art	247
The New Testament Period		Kafka's Apocalypse	252
Introduction	66	Babel's Unrealizable Dream	255
The Truth of Yehoshua from Nazareth	67	Singer's Unfathomable World . . .	258
Saul on the Wisdom of Love	73	Ash on Struggling with God	263
The Talmudic Period		Fromm on the Art of Loving	266
Introduction	78	New Sages on the Wisdom of Faith	272
The Mishnah	82	The Spirit of the New Prayers . . .	279
The Gemara	85	Supplement 1	
The Midrash	100	Aspects of Judaism. Introduction .	284
The Early Middle Ages		Practices of Orthodoxalists	288
Introduction	109	Conservatism's Principle	292
The World of Gabirol	111	Supplement 2	
Maimonides' Revelation	119	Jewish Humor. Introduction	295
The Essence of Prayer	129	Sholom Aleichem: Laughter as Tears	297
The Late Middle Ages		Woody Allen: Laugter as Irony . . .	300
Introduction	134	Jokes	305
The Light of the Zohar	137	Instead of a Conclusion	315

Фото: А. Бен-Цион.

Д-р Нодар Джин (Джинджихашвили) родился в Грузии в семье раввина (дед) и юриста (отец). В 1963 г. закончил филологический факультет Тбилисского университета, а в 1966 г. — московский ВГИК. В 1968 г. защитил кандидатскую диссертацию по эстетике, а в 1977 г. стал самым молодым доктором философских наук в истории СССР. Работал в Институте философии АН СССР, в МГУ и ТГУ. Автор многих исследований по философии и истории культуры, по эстетике и психологии.

С 1980 года живет в США. Профессор философии, в 1981 г. он стал лауреатом Рокфеллеровской премии по гуманитарным наукам. Кинофильм "Последнее путешествие", созданный им по собственным фотографиям, завоевал ряд важнейших призов на международных кинофестивалях в США.

Американская пресса называет его "поразительно разносторонним и утонченным интеллектуалом", а ведущий английский журнал The Sunday Times писал в связи с одной из его работ о советском еврействе: "Этот внешне напоминающий атлета ученый является далеко не обычным человеком: благодаря своему воображению и стойкости он сделал для еврейской культуры в СССР больше, чем целый год бесконечных массовых демонстраций и речей".

Настоящая книга — вторая из серии подготовленных им к печати книг по еврейской тематике. Название первой: "Книга еврейских афоризмов".